

ШРИ АУРОБИНО

*Спор
Любви и Смерти*

САВИТРИ

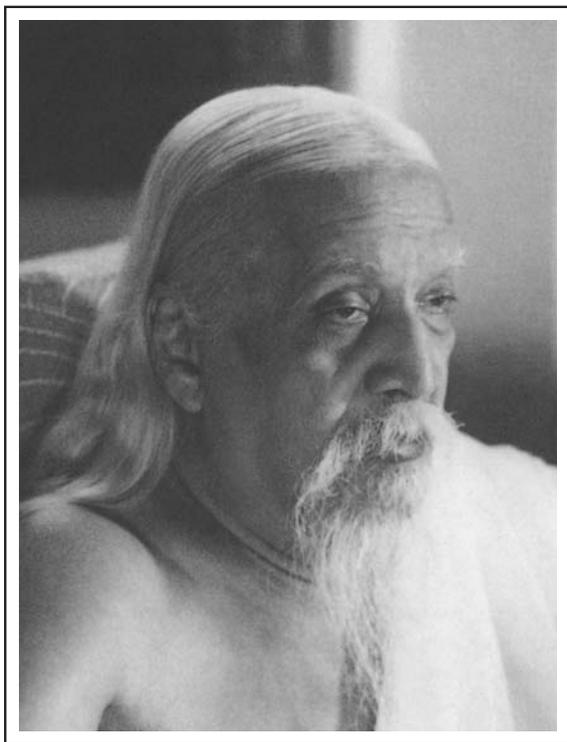
Легенда и Символ

*С благодарностью Шри Ауробиндо
и Савитри*

*Любви златым крылам достанет силы
Парить в твоей бездонной пустоте,
Ее очам — пронзить твой мрак, звездами,
Ее стопам — пройти твой страшный мир:
Любовь не меркнет и во мраке смерти,
Любовь идет без страха в злейший ад,
В пучинах труд вершит, ликует в высях;
Она преобразит твой мир, о Смерть.*

Шри Ауробиндо. Савитри

Шри Ауробиндо
1950

*В неверном свечении людского ума
Средь роя разрозненных мыслей и слов
Свой эпос воздвигни — гимн горных громад
С глубокими гротами вещей стихов.*

Шри Ауробиндо. Духовная Муза

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

ЛЕГЕНДА И СИМВОЛ

Спор Любви и Смерти

Фонд интегрального развития человека

САВИТРИ

2007

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

Легенда и Символ

СПОР ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Фонд интегрального развития человека
«САВИТРИ»

© Фонд интегрального развития человека «САВИТРИ», 2007

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В настоящей публикации мы представляем вашему вниманию фрагменты эпической поэмы «Савитри» — главного произведения Шри Ауробиндо, видного общественного деятеля Индии, великого духовного первопроходца, мыслителя, поэта-провидца. «Савитри» — необычное произведение: плод сверхсознательного видения и опыта великого йогина. Шри Ауробиндо работал над поэмой в течение нескольких десятилетий, продолжая совершенствовать ее до последних дней жизни. Каждый раз, достигнув более высокого уровня сознания, он переписывал ее заново, стремясь выразить в ее строках вибрации высших уровней Сверхсознания, доступных человеку. Таким образом, поэма представляет собой плод Боговдохновения, и очевидно, что подобное произведение невозможно полноценно перевести на другой язык, — речь может идти только о его переложении.

Сюжет поэмы основывается на древней индийской легенде из эпоса Махабхарата о царевне Савитри, чья любовь и праведность позволяют ей победить Бога Смерти и вернуть к жизни ее умершего мужа царевича Сатьявана. В эпосе Шри Ауробиндо Савитри предстает воплощением Божественной Матери, которая рождается на земле, чтобы спасти душу человечества, олицетворяемую Сатьяваном, от Смерти, Неведения, Страдания и Лжи (см. более подробное содержание эпической поэмы Шри Ауробиндо в конце книги).

В настоящей книге представлены все части поэмы, посвященные противоборству Савитри с Богом Смерти. Ее основу составляют Книга восьмая «Книга Смерти», Книга девятая «Книга вечной Ночи» и Книга десятая «Книга двойных Сумерек». Кроме того, в начало книги добавлена Песнь первая «Символическая Заря» Книги первой «Книги Начал», а в конец книги — Эпилог, состоящий из завершающего фрагмента Книги одиннадцатой «Книги немеркнущего Дня», а также начального и финального фрагментов Эпилога поэмы «Возвращение на Землю». Название книги заимствовано из названия Песни третьей «Спор Любви и Смерти» Книги десятой эпоса.

В книге впервые на русском языке представлена кульминация всего эпоса — противоборство Савитри с Богом Смерти. Мы надеемся, что наша публикация вызовет интерес у читателей и послужит для них первым серьезным знакомством с этим выдающимся произведением мировой литературы.

I

Книга первая
КНИГА НАЧАЛ

Начальный фрагмент первой Песни «Савитри» «Символическая Заря» является, вероятно, наиболее сложным для понимания текстом во всей поэме. Ему посвящена обширная комментаторская литература, и Шри Ауробиндо не раз отвечал на вопросы, связанные с этой Песнью, исполненной глубокого и многопланового символизма. Работе над нею Шри Ауробиндо уделил особое внимание: сохранилось более десяти рукописных вариантов ее текста. Как пишет сам автор:

Вся «Савитри», как явствует из ее подзаголовка, представляет собой легенду, которая есть одновременно и символ, и эта первая Песнь является, можно сказать, ключевым введением ко всей книге и анонсом дальнейшего сюжета. ... Все используемые [в ней] элементы нужны, чтобы своей суггестивной силой выявить тот или иной аспект символического содержания и таким образом адекватно начать разработку значения всей поэмы.

Письма о поэзии и искусстве, с. 341

Эта «Символическая Заря» олицетворяет, по словам Шри Ауробиндо,

...новое погружение в Несознание, прерываемое медленным и трудным возвращением сознания, за которым следует краткий, но блистательный и пророческий прорыв-откровение духовного света, оставляющий после себя «день» обыч-

ного человеческого сознания, в котором и должно быть осуществлено предреченное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 341

Описание представляет собой символ оккультной истории мира и эволюции Земли из первородного Мрака к высшему Свету, направляемой божественными Пришествиями; символ духовного совершенствования человека и его восхождения из тьмы Неведения к лучезарной Истине, из страдания к Блаженству, из смерти к Бессмертию; символ возвышенной миссии Шри Ауробиндо и Матери.

Эта Песнь также играет существенную роль в композиции всей поэмы, необычной и вместе с тем следующей древним традициям классической литературы. В самом начале произведения мы оказываемся непосредственно в преддверии решающих событий драмы: в первой же Песни автор позволяет нам в полной мере ощутить весь драматизм ситуации и грандиозность задачи, стоящей перед главной героиней поэмы, так же как и величие ее духа. Савитри, божественная Спасительница, пробуждается на заре предсказанного и ожидаемого ею рокового дня, когда ее муж Сатьяван, олицетворяющий душу человечества, обречен умереть. Будучи воплощением высочайшей Любви и Истины и переживая в себе боль и обреченность всего человечества, Савитри готовится противостать вселенскому Року.

II

Книга восьмая **КНИГА СМЕРТИ**

Книга Смерти относится к более раннему периоду поэтического творчества Шри Ауробиндо и наиболее близка по содержанию к сюжету древней легенды о Савитри. Она не была переработана автором в последний период его творчества и представляет собой образец более раннего его вдохновения.

Проснувшись на заре рокового дня, Савитри совершает обряд поклонения богине Дурге, божественной защитнице человека

и победительнице демонов и зла. В дальнейшем Бог Смерти неоднократно упоминает о том, что благодаря этому обряду в нее вселилась сила этой грозной богини. После этого Савитри с позволения родителей Сатъявана отправляется с ним в лес за хворостом для жертвенного костра. В лесу Сатъяван начинает рубить сук огромного дерева, но вдруг ему становится плохо и он умирает на коленях у Савитри. Перед нею предстает ужасающий сумрачный исполин — Бог Смерти.

Дальнейшие книги посвящены противоборству Савитри с Богом Смерти. Перед нами во всем величии предстает героиня эпоса Савитри — божественная Спасительница, пришедшая освободить мир от Неведения, Лжи, Страдания и Смерти, — и ее грандиозная миссия: ей предстоит вступить в противоборство с Роком, остановить неумолимое вращение вселенского кармического колеса и отменить предначертания, обрекающие на гибель душу человечества. Как пишет сам Шри Ауробиндо,

...это противоборство между Савитри и Судьбой или, скорее, между воплощенным Светом, Богиней Солнца, и Смертью, Творцом и Пожирателем этого мира с его Законом мрака, ограничения, неведения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 278

В итоге этого противостояния в ней проявляется сама божественная Матерь мироздания, которая силой своей пламенной Души побеждает роковую предопределенность, опровергает всемогущество Смерти, сокрушает оковы Мрака и распахивает для человечества новые горизонты Сознания, Света и Истины.

III

Книга девятая

КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Савитри следует за Богом Смерти и душой Сатъявана в царство Смерти, царство вечной Ночи. Несмотря на угрозы могучего Бога Смерти Савитри вступает в вечную Ночь, и вся ужасающая

тьма этого царства оказывается не в силах справиться с нею, поглотить ее свет. С ее приходом в царство вечной Тьмы проникает слабый лучик Света, который постепенно растет и побеждает мрак.

Повинуясь силе и воле Савитри Бог Смерти дарует ей все то, о чем мечтал живой Сатъяван: он возвращает зрение и царство его отцу царю Дьюматсене (выступающему олицетворением Божественного Разума, который ослеп и утратил свое могущество и власть и который теперь благодаря пришествию Савитри вновь обретает свое видение и власть над миром). Но Савитри продолжает требовать у Бога Смерти лишь одного — вернуть к жизни Сатъявана.

IV

Книга десятая

КНИГА ДВОЙНЫХ СУМЕРЕК

Свет Савитри постепенно растет и побеждает Тьму: царство вечной Ночи превращается в предрассветные сумерки Богов. Вместе с Богом Смерти и душой Сатъявана она оказывается в мире, представляющем собой сумеречный фантом Идеала. Здесь Бог Смерти пытается убедить ее, что все земные идеалы — лишь иллюзия и что даже она сама и ее душа — лишь призрачный мираж, что единственная подлинная Реальность — это реальность Смерти — Творца, Повелителя и Уничтожителя этого мира и всех существ, населяющих его.

Однако Савитри продолжает развенчивать губительную истину Бога Смерти своей спасительной высшей Истиной. Повинуясь ее силе, тот вновь вынужден дать Савитри дары — все изобилие земной жизни:

*Тебе, хранимой от судьбы и смерти,
Я дам все то, что Сатъяван живой
Желал бы в сердце Савитри своей.
Дам полдней светлых и безбольных зорь,
Дщерей, с тобой умом и сердцем схожих,*

*Сынов-героев и покой медовый
 Единства с мужем дорогим и верным.
 И ты поженешь в своем счастливом доме
 Блаженство в окружении чад своих.
 Любовь твоя сплотит сердцами многих.
 Две сладости сойдутся в днях твоих:
 Поддержки нежной всех твоих забот,
 И любящей заботы о любимых, —
 Своюкупив, о Савитри, два счастья.*

Но Савитри снова отказывается удовлетвориться этими дарами и продолжает требовать у Бога Смерти вернуть ей живого Сатьявана.

Далее Савитри вместе с Богом Смерти и душой Сатьявана оказываются в новом мире — здесь Бог Смерти показывает ей сумеречный фантом земной реальности, пытаясь убедить ее, что вся земная жизнь тщетна, что все на земле бесплодно повторяется вновь и вновь. Но Савитри снова отказывается поверить в евангелие Смерти и открывает Смерть-богу подлинный смысл земной реальности как постепенной духовной эволюции, самораскрытия тайного Божества. Наконец после долгих дебатов Бог Смерти просит Савитри явить ему лик Божественной Матери, дабы и он мог склониться пред Нею и исполнить ее волю — освободить Сатьявана. В ответ в Савитри проявляется ее подлинная сущность — сама Божественная Мать, которая приказывает Богу Смерти освободить душу Сатьявана и вернуть его к жизни. Однако Бог Смерти не внемлет и ей, он продолжает следовать своей природе и сопротивляется даже велению Божественной Матери. И тогда та растворяет его в океане своего Света. Савитри и Сатьяван остаются одни.

V

Эпизод

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Савитри возвращается на Землю, скользя падающей звездой через множество миров, неся в своих объятиях душу Сатьявана.

Рядом с ней парит божественный лик, вероятно Лик Кришны. Вскоре он превращается в лик Могучей Матери, которая своим взглядом посылает ее обратно на Землю, чтобы принести людям спасительную Истину. Над всей спасенной Землей простирается ширь необъятного Блаженства.

Савитри и Сатьяван снова оказываются на лесной поляне, где начались все эти драматические события. Они оба живы и счастливы, вновь обретя друг друга и весь мир, но преображенные, особенно светоносная Савитри, новым духовным знанием и высшими божественными реализациями. Они решают принести свою радость и духовную свободу всему человечеству.

Возвращаясь обратно в свою лесную обитель, они встречают процессию во главе с прозревшим отцом и матерью Сатьявана. Отца Сатьявана вновь призывают на царство. Сатьяван и Савитри, взявшись за руки едут на белоконной колеснице навстречу ждущему их с надеждой миру, и хотя их окружает ночь, эта ночь теперь исполнена света и в своем глубинном сияющем лоне она взращивает величайшую зарю нового божественного Дня человечества.

*

Мы рады впервые на русском языке представить вам эти блистательные творения великой мистической поэзии — откровения великого знания и мудрости. Читателям, у которых поэма вызывает интерес, рекомендуем также издаваемые нами книги серии «Песни Савитри»; в них более глубоко и подробно исследуются отдельные Песни эпоса, представленные как в поэтическом, так и в прозаическом переложении, с развернутыми комментариями, а также изданную нами Книгу первую «Книгу Начал» «Савитри». Надеемся, что наши публикации помогут вам ближе познакомиться с этим выдающимся произведением, которое является наиболее полным и совершенным выражением уникального мировоззрения и духовного опыта великого провидца.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

«Савитри» — это символический эпос о цели супраментальной йоги.

Шри Ауробиндо

Письма о поэзии и искусстве, с. 261

Введение

Мы представляем вашему вниманию впервые на русском языке выдающуюся эпическую поэму «Савитри» — главное произведение Шри Ауробиндо, видного общественного деятеля Индии, великого духовного первопроходца, мыслителя, поэта-провидца. Над этим эпосом он работал в течение нескольких десятилетий, продолжая совершенствовать его до последних дней жизни. Поэма основана на древней легенде, изложенной в индийском эпосе Махабхарата, о преданной жене царевне Савитри, которая силой своей любви и праведности побеждает смерть и возвращает к жизни своего мужа царевича Сатьявана. Шри Ауробиндо показывает, что в действительности сюжет древнего сказания является искусно завуалированным символом, скрывающим глубокое оккультное знание ведийского и даже доведийского цикла о сотворении мира и его спасении божественной Милостью. В своей поэме он раскрывает символическую суть персонажей и сюжета древней легенды и использует ее для выражения собственных духовных постижений и свершений.

Издавна в Индии было известно понятие *мантры* — слова-откровения, Боговдохновенной речи, выражающей высшие прозрения, запредельные состояния, глубинные истины. Величайшим уважением в эпоху древности пользовались *риши* или *кави* — поэты-провидцы, которые своим вдохновенным словом доносили до человечества сокровенные реальности и истины бытия. Ими были созданы главные священные Писания Индии: Веды, Упанишады, Бхагавадгита, которые веками и тысячелетиями служили животворными источниками, созидавшими и питавшими культуру и жизнь великой нации. Вот как определяет мантру Шри Ауробиндо:

Под мантрой ведические риши, поэты-провидцы, понимали вдохновенное видение-откровение или мысль-прозрение, основывающееся на реализации ... некоей сокровенной истины Бога, личности, человека, Природы, космоса, жизни, творения, мысли, опыта и действия. Их мантры выражали полет мысли, воспарившей на крыльях великого ритма души.

Поэзия будущего, с. 217

Вряд ли можно лучше выразить суть мантры, чем это сделал Шри Ауробиндо в великолепной мантрической строке «Савитри»:

Sight's sound-waves breaking from the soul's great deeps...

*Созвучья-волны виденья, что льются
Из сокровенных родников души...*

Савитри, с. 383

Именно такую задачу поставил перед собой и Шри Ауробиндо — создать мантрическое откровение своей Интегральной Йоги, выразить в слове высшие уровни сознания, доступные человеку, чтобы помочь всем духовным искателям соприкоснуться с этими уровнями и возвыситься до них. При этом, достигнув в своем духовном продвижении нового уровня сознания, он каждый раз перерабатывал поэму, чтобы выразить в ее строках вибрации более высокого плана бытия, и, таким образом, превратил «Савитри» в дневник своей Йоги. При создании поэмы он стремился к совершенству каждой строки и произведения в целом:

Я использовал «Савитри» как средство восхождения. Я начал ее, находясь на определенном ментальном уровне, и каждый раз, достигнув более высокого уровня, переписывал ее в соответствии с этим уровнем. Более того, я был требователен: если мне казалось, что та или иная часть приходит с недостаточно высоких уровней, я не соглашался оставить ее только лишь потому, что это была хорошая поэзия. Все должно было быть, по возможности, одной пробы. Фактически, я рассматривал «Савитри» не как поэму, которую необходимо

написать и закончить, но как поле эксперимента, призванного показать, насколько возможно создавать поэзию, используя собственное йогическое сознание, и до какой степени оно может проявлять себя в творчестве.

Письма о поэзии и искусстве, с. 272

Результатом стала грандиозная эпическая поэма объемом около 24000 строк, являющаяся наиболее полным и совершенным среди всех произведений Шри Ауробиндо выражением его духовного опыта. «Савитри» с ее 12-ю Книгами (49 Песней) является также самым большим поэтическим произведением на английском языке.

Шри Ауробиндо: великий синтез

Сама личность Шри Ауробиндо, а также его мировоззрение, жизнь и деятельность представляют собой глубокий и многосторонний синтез. Прежде всего, это синтез высших достижений и идеалов Востока и Запада. До двадцатилетнего возраста Шри Ауробиндо воспитывался и обучался в Англии, где получил образование в Кембридже, специализируясь на классической филологии. Таким образом, английский стал его родным языком и именно на нем он написал практически все свои произведения (хотя он также прекрасно владел французским и рядом других европейских языков, а кроме того — древнегреческим и латынью). Усвоив самые благородные основы классической европейской культуры в главном образовательном центре Европы с его многовековой рафинированной традицией подлинного классицизма, он по возвращении в Индию систематически и целенаправленно осваивает родную национальную культуру, для чего изучает и несколько индийских языков, включая санскрит, язык священных писаний Индии. В результате, овладев в полном объеме и высшими достижениями индийской классической культуры, он воплотил в себе синтез высочайшего классицизма западной и восточной цивилизации.

Но Шри Ауробиндо не был просто просвещенным культурологом и человеком книжного знания, как не был он и идеалистичным

спиритуалистом, витающим в своих небесах и с бессильным презрением отвергающим жизнь. Опираясь на глубокие познания и черпая силы в великой любви к своей родине, он вскоре стал лидером национально-освободительного движения Индии, готовившим вооруженное восстание против иноземных завоевателей! При этом, изучая многовековую культуру своей страны, он увидел, что в мистической йоге, издревле развивавшейся в Индии, действительно заключена великая сила, и решил использовать эту духовную силу для освобождения родины. Таким образом, он на деле осуществил синтез йоги и жизни. Даже тюрьма, куда он был брошен англичанами по ложному обвинению, стала для него «*обителью йоги*», где он получил фундаментальные духовные реализации! «*Вся жизнь — Йога*» — такой подход являлся для Шри Ауробиндо ключом к духовному продвижению. Он писал:

Секрет успеха в йоге заключается в том, чтобы рассматривать ее не как одну из целей своей жизни, но как саму жизнь. ...Ибо истину Духа нужно не просто осмыслить, но воплотить в жизнь.

Синтез Йоги, с. 71

Постепенно он пришел к такому уровню духовных достижений, когда для него более эффективно стало оказывать воздействие на ход событий при помощи духовной силы. Теперь его цель изменилась, он увидел свою задачу не просто в освобождении одной отдельной страны от иноземного гнета, но в освобождении всего человечества от неведения, лжи, страдания и смерти. С этого момента он удаляется от активной внешней деятельности и уезжает в Пондичерри — французский анклав в Южной Индии. Здесь в течение сорока лет вплоть до последних дней жизни он посвящает себя поистине революционной духовной работе по трансформации универсальной Природы, стремясь низвести на землю открытое им Сознание-Истину, или Супраментальное Сознание, Сверхразум, Гнозис, который обладает силой превратить все человеческое бытие, включая само тело и Материю, в субстанцию и выражение Духа:

Супраментальное это Сознание-Истина, в котором Божественная Реальность проявляется со всей полнотой и совершенством без участия средств и орудий Неведения; статическая истина абсолютного бытия обретает динамическое выражение в истине энергии и деятельности бытия, самосушей и совершенной.

Синтез Йоги, с. 266

Под Сверхразумом имеется в виду вся полнота Сознания-Истины Божественной Природы, преисполненной света и знания и превосходящей любое ментальное проявление; на супраментальном уровне нет места двойственности и неведению. ... На уровне Сверхразума отсутствуют противоречия и двойственность, присущие ментальному плану бытия; проблемы, созданные нашим несовершенным разумом, исчезают и Истина предстает как единое лучезарное целое. ...

Разум — это неведение, находящееся в поисках Истины, тогда как Сверхразум, по своему определению, есть Сознание-Истина, то есть Истина, полностью обладающая собой и реализующая себя собственной силой. В супраментальном мире несовершенство и дисгармония неизбежно должны исчезнуть. ...Нашей первостепенной задачей является... низведение Супраментала на землю, чтобы он стал здесь действующей силой, и утверждение его в земном сознании... чтобы позволить ему действовать здесь, проявляя все больше свое могущество, подобно тому, как Разум когда-то низошел в Жизнь и Материю и стал действующей Силой, реализующей свои возможности на земном плане. Подобного нисхождения Супраментала будет уже достаточно для того, чтобы изменить мир и Природу, устранив ее нынешние ограничения. ... При этом на земле будет утверждена гармония, совершенство, творение Истины.

Письма о Йоге, с. 13, 257

Только эта нисходящая сверху и снизу вскрывающая высочайшая супраментальная Сила сможет всевластно воздействовать на физическую Природу и устранить все присущие ей затруднения и препятствия.

Час Бога, с. 35

На основе собственных великих духовных реализаций он проник в утраченный сокровенный смысл древних священных Писаний Индии — Вед, Упанишад, Бхагавадгиты. Из них он выявил и возродил суть великой мистической культуры древности, утраченной в более поздние века. Это знание стало одним из краеугольных камней его мировоззрения и работы. Он обогатил видение древних провидцев пониманием фундаментального принципа эволюции во вселенной как саморазвертывания-восхождения Сознания, погрузившего себя во мрак полного Несознания, по ступеням лестницы промежуточных уровней бытия — Материи, Жизни, Разума — обратно к себе, к своим высшим высотам Сверхразума и Духа. Таким образом, его мировоззрение являет также синтез достижений прошлого с самыми передовыми идеями и открытиями современности, устремленный в поистине великое будущее. Обобщив наиболее глубокие и подлинные откровения древней духовной мудрости и культуры Востока и Запада, а также направления и тенденции современного знания и мысли Шри Ауробиндо открыл для человечества путь восхождения к самым высоким вершинам, когда-либо манившим его взгляд.

Божественное нисходит из чистого существования через игру Сознания-Силы и Блаженства и творческое посредничество Сверхразума в космическое бытие; мы восходим из Материи через развивающуюся жизнь, душу и разум и озаряющее посредничество Сверхразума к божественному бытию. ... Благодаря озаряющему нисхождению высшего в природу низшего бытия и целенаправленному восхождению низшего в природу высшего разум может вновь познать свой божественный свет во всепостигающем Сверхразуме, душа — обрести свое божественное «я» во всеобъемлющей всеблаженной Ананде, жизнь — снова исполниться своей божественной силой в игре всемогущего Сознания-Силы, а Материя — открыться своей божественной свободе в качестве формы божественного Существования. И если у эволюции есть цель... то такое светоносное преобразование и проявление Божественного в тварном создании, человеке, должно быть ее высочайшей целью и глубочайшим смыслом.

Жизнь Божественная, с. 264—265

При этом он создает целый ряд фундаментальных мировоззренческих трудов, освещающих основные аспекты человеческого бытия, а также описывающих его собственные духовные открытия и реализации. Кроме того, он сочиняет множество поэтических произведений — стихов, поэм, пьес, стремясь сделать их *мантрой реальности*. И здесь можно говорить об осуществленном им синтезе философии и поэзии. С одной стороны, его прозаическим произведениям, несмотря на то, что они исполнены серьезнейшей философской мысли и глубочайшей мудрости, присущ блистательный поэтический язык. Его *magnum opus* «Жизнь Божественная», метафизический трактат о фундаментальных проблемах бытия и их разрешении, являет собой поистине Боговдохновенную поэзию в прозе, это сама музыка великой духовной мысли, гимн просветленного видения и знания. С другой стороны, его поэтические произведения, и особенно «Савитри», отличаются необычайной глубиной мысли и широтой видения, чрезвычайно насыщенной и проникновенной мудростью и кажутся ритмической песнью самой Истины, истекающей из уст вечного Безмолвия.

Итогом этой грандиозной работы стало создание Шри Ауробиндо Интегральной и Супраментальной Йоги, или *Пурна Йоги*, которая не только включает в себе синтез всех основных направлений и школ Йоги, разработанных в Индии, но и, в совокупности со всеобъемлющим мировидением Шри Ауробиндо, представляет собой самый широкий и многогранный синтез Духа и Материи.

Противопоставление Духа и Материи, созданное нашим практическим восприятием и длительной привычкой ума, в действительности не имеет под собой фундаментальной реальности. Мир един во всех своих разнообразных проявлениях, и в основе его лежит единство-в-многообразии... Неотъемлемое единство, порождающее бесконечное многообразие, является его основанием и началом; постоянная гармонизация за видимым разделением и борьбой, примиряющая все возможные противоречия и различия для достижения безграничных целей в тайном Сознании и Воле, которое всегда остается единым и полновластно распоряжается всем своим сложным многомерным действием, похоже, является подлинным характером мира на сред-

нем этапе; поэтому мы должны прийти к выводу, что полное осуществление проявляющихся в мире Воли и Сознания и торжество высочайшей гармонии должны быть его завершением. Субстанция — это форма самого Сознания, над которой оно работает, и Материя является одним полюсом этой субстанции, а Дух — другим. Два эти полюса в действительности едины: Дух — это душа и реальность того, что в своем чувственном ощущении мы воспринимаем как Материю; Материя — это форма и тело того, что мы постигаем как Дух.

Жизнь Божественная, с. 240—241

Для меня сознание представляет саму суть существования, и я ощущаю его всюду, объемлющим и пронизающим даже камень не меньше, чем человека или животное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 316

Эта материальная вселенная сама по себе есть лишь Существование, Бытие — в том виде, в каком оно предстает нам во время пребывания души на уровне материального движения и опыта, где Дух облакает себя в форму, в результате чего вся совокупность и организация вещей и явлений, в которой он движим жизнью и которую объемлет сознанием, подчинена принципу бесконечного разделения и соединения из обособленных частей — принципу Материи, или субстанции формы.

Упанишады, с. 208

Так же, как Разум есть лишь конечное проявление действия Сверхразума в его нисхождении на уровень творения, а Жизнь — проявление действия Сознания-Силы в условиях Неведения, созданных этим нисхождением Разума, так и Материя в том виде, как мы ее знаем, есть лишь конечная форма проявления сознательного Существа в результате его нисхождения. Материя есть субстанция единого Сознательного-Существа, феноменально в самом себе разделенного в результате деятельности универсального Разума. ...

Материя обладает своей собственной реальностью, скрытым от нее самим сознанием, вовлеченным в процесс формо-

образования и поглощенным им до самозабвения. И какой бы грубой и бесчувственной она ни казалась нам, для потаенного в ней сознания она является Блаженством бытия, которое должно быть воспринято скрытым в Материи сознанием как объект чувственного восприятия, что поможет вызволить таким образом скрытое от глаз божество из его убежища.

Жизнь Божественная, с. 236, 239

Вселенная — это не просто математическая формула, которая выражает взаимоотношения неких ментальных абстракций, называемых числами и принципами, — формула, приводящая в конечном итоге к нулю или пустому множеству; это и не физический процесс, воплощающий некое уравнение сил. Это радость Возлюбившего себя, игра Ребенка, бесконечное приумножение себя Поэтом, опьяненным восторгом собственной силы бесконечного творения.

Час Бога, с. 66

Дух — это истина нашего бытия; разум, жизнь и тело, будучи несовершенными, суть маски его; в идеале своем они должны стать формами его выражения.

Час Бога, с. 77

Вся жизнь — это Йога Природы, стремящейся проявить Бога, скрытого в ней. ...

Восхождение от низшей Природы к высшей и является целью Йоги; и это восхождение может осуществиться путем отвержения низшей Природы и ухода в Природу высшую — общепринятая точка зрения — или же путем трансформации низшей Природы и возвышения ее до уровня высшей. Именно эту цель, по всей видимости, должна преследовать интегральная Йога. ...

Значит, наш метод должен состоять в том, чтобы всем своим существом войти в сознательное соприкосновение с Божественным и призвать Его преобразовать все наше существо в Свое существо, так что в определенном смысле Сам Бог, наша подлинная Личность, становится садхаком этой садханы,

так же как и Господином Йоги, благодаря которому наша низшая личность превращается в центр божественного преображения и средство достижения собственного совершенства. ... Божественное, всеведущее и всемогущее, нисходит в ограниченное и затемненное, постепенно просветляет и наполняет энергией всю низшую природу и заменяет собственным действием всякое проявление низшего человеческого света и смертной деятельности.

Синтез Йоги, с. 44—46

Свобода обретается, когда достигается всеобъемлющее единство; она — наше подлинное бытие. Мы можем достигать сущности этого единства в самих себе; мы можем в единении со всеми остальными принимать участие в Божественной игре. Этот двойной опыт — все, к чему душа стремится в Природе.

Бессмертие, единство и свобода уже есть в нас, они ждут, когда мы откроем их; но даже и тогда, во имя радости любви, Бог в нас будет по-прежнему оставаться Множественностью.

Час Бога, с. 73

Так что же есть Бог? Вечное дитя, вечно играющее в вечном саду.

Час Бога, с. 67

Своим глобальным видением Шри Ауробиндо объединяет все высокие искания и познания человечества:

Поиск человеком Бога, который в конце концов становится самым пылким и поглощающим из его исканий, начинается с первых смутных попыток проникнуть в глубь Природы и ощущения чего-то скрытого и неведомого и в себе, и в ней... Но только когда знание достигает своих высочайших проявлений, становится возможным достичь его величайшего единства. Ибо высочайшее и обширнейшее видение приносит нам и глубочайшую мудрость, ведь это видение объединяет все знание, постигая его единый всеобъемлющий смысл. Все религии предстают различными путями к единой Истине, все фило-

софии — многообразными взглядами на разные аспекты единой Реальности, все науки объединяются в единой высочайшей Науке. Ибо все, чего ищут наше умственное и чувственное знание, а также наше сверхчувственное видение, самым полным и всесторонним образом обретаются в единстве Бога, человека и Природы, а также всего, что скрыто в Природе.

Жизнь Божественная, с. 699—701

Он провидит возможность для человека единения с Богом на всех уровнях его бытия. При этом он находит истину в каждой религии мира и не отрицает ни одного из этих возвышенных устремлений человечества, но, наоборот, в его всепримиряющем видении каждая религия получает возможность высшей полноты самоосуществления, основанной на всеобъемлющей духовной Истине. Таким образом, он предлагает также синтез религии и духовности, ведущий к божественному преобразованию всей жизни человека и человечества:

Философии и религии спорят о приоритете того или иного аспекта Бога, и различные йогины, риши и святые отдают предпочтение той или иной философии или религии. Наша задача — не обсуждать их, но реализовать и стать ими всеми, не следовать какому-то одному аспекту, исключая все остальные, но объять Бога во всех его аспектах и за их пределами.

Собр. соч., т. 17, с. 62

Божественное преображение обычной жизни человека и торжество его извечных усилий по развитию умственной и этической культуры в личности и обществе в итоге этого всеохватывающего распространения совершенного духовного бытия могло бы должным образом увенчать как индивидуальное, так и коллективное наше устремление. Такое свершение, будучи не чем иным, как воплощением во внешнем мире царствия небесного, утвержденного внутри человека, стало бы также подлинным осуществлением идеала, которого так или иначе ищут все религии мира.

Синтез Йоги, с. 49—50

Вместе с тем, Шри Ауробиндо следующим образом характеризует подлинную духовность:

Духовность в сути своей — это осознание внутренней реальности нашего существа — духа, души, истинного «я», которое отличается и превосходит наши ум, жизнь и тело, а также — внутреннее стремление познать, ощутить, быть этим «я», войти в соприкосновение с высшей Реальностью за пределами вселенной и пронизывающей вселенную, Реальностью, которая пребывает и в нас самих, достичь сопричастности ей и единения с нею, и кроме того — изменение, преобразование, трансформация всего нашего существа в результате этого стремления, соприкосновения, единения, рост или пробуждение к новому становлению или новому бытию, новому «я», новой природе.

Жизнь Божественная, с. 857

При этом можно видеть, что выдвигаемое Шри Ауробиндо возвышенное духовное преобразование нашего бытия естественно и гармонично включает в себя также и синтез индивидуального и коллективного его аспектов. И это — еще одна уникальная черта мировоззрения Шри Ауробиндо:

Интегральное преобразование, к которому мы стремимся, не было бы реальным или даже возможным, если бы оно ограничивалось индивидуальной реализацией. Поскольку в своем божественном совершенстве мы должны полностью реализовать себя не только в собственных бытии, жизни и любви, но и в бытии, жизни и любви всех остальных, то распространение нашей свободы и ее плодов на всех наших собратьев стало бы неизбежным следствием и, кроме того, окончательной целью нашего освобождения и совершенства. Значит, такого рода усилия, неизбежные в процессе интегрального преобразования, рано или поздно должны привести к расширению индивидуальной реализации до масштабов всего человечества.

Синтез Йоги, с. 49

И он не просто изложил принципы подлинного коллективизма, единства индивидуальной и коллективной работы, но и воплотил их на практике в созданной им совместно со своей сподвижницей француженкой Миррой Альфассой, которой он дал имя «Мать», духовной общине — Ашраме Шри Ауробиндо, насчитывающем сегодня около 2000 человек.

Шри Ауробиндо и Мать

Жизнь и труд Шри Ауробиндо невозможно рассматривать и понимать в полной мере в отрыве от вклада Матери (Мирра Альфасса), играющей роль своеобразной динамической силы, которая воплощает в жизнь возвышенное видение Шри Ауробиндо. Шри Ауробиндо и Мать олицетворяют собой издавна известный в индийской духовной традиции идеал Ишвары—Шакти — Владыки, Духа, источника видения и подателя санкции, и его динамической реализующей Силы, претворяющей в жизнь видение и идеи Духа-вдохновителя. «*Сознание мое и Матери — это единое сознание*» — писал Шри Ауробиндо. Эта глубинная связь представляет собой выражение мистической Истины, лежащей в основе мироздания, — единения божественного Сознания и творческой Энергии, Единых-Двоих, становящееся источником божественного Творения. Мать, чрезвычайно глубокая и многосторонне одаренная личность, художник, литератор, педагог, удивительно талантливый организатор, необычайно могучий оккультист, духовный первопроходец и водитель, своей личностью и деятельностью являет живое воплощение учения Шри Ауробиндо и словно проводит мост между утверждаемыми им возвышенными и глубинными истинами и повседневной человеческой жизнью. Она стала настоящей вселюбящей и всезаботливой Матерью для духовных искателей, устремившихся со всех концов мира к источнику Света, зажженному Шри Ауробиндо и Матерью в Пондичерри, а также для нескольких сотен учеников Образовательного центра Ашрама Шри Ауробиндо, созданного Матерью и являющегося сегодня одним из самых прогрессивных и высокоразвитых образовательных учреждений Индии.

В мистическом отношении единство Шри Ауробиндо и Матери представляет собой совместное проявление двух взаимодополняющих аспектов единого Бытия, чье общее воздействие необходимо для осуществления всеобъемлющей трансформации, являющейся целью Интегральной Йоги, как в индивидуальном, так и в универсальном плане. Вот как характеризует это двуединое воздействие Шри Ауробиндо:

Ошибочно проводить слишком жесткое разграничение между Шри Ауробиндо и Матерью. Оба воздействия необходимы для полноценного развития садханы. Только совместная работа обоих низводит Супраментальную Истину на физический план. Шри Ауробиндо воздействует непосредственно на ментальное и витальное существо через озаренный разум; он представляет собой аспект Пуруши [Духа, Сознания], чья сила состоит преимущественно в озаренном знании (уровня интуиции, супраментального или духовного) и энергии, которая проясняется в этом знании; при этом психическое существо поддерживает это воздействие и помогает трансформировать физический и витальный планы. Мать воздействует непосредственно на психическое и на эмоциональное витальное и физическое существо через озаренное психическое сознание; при этом озаренные интуиции супраментального существа дают ей необходимое знание, чтобы действовать нужным образом и в нужный момент. Ее сила, представляющая собой аспект Шакти [Силы, Энергии], является непосредственно психической, витальной и физической, а ее духовное знание — преимущественно практическим по своей природе. Говоря точнее, это обширное и подробное знание и опыт взаимодействия с ментальными, витальными и физическими силами, вовлеченными в процесс, и наряду со знанием — сила и способность распоряжаться ими и использовать их для целей жизни и йоги.

Цит. по: Амаль Киран. Наш Свет и Восторг, с. 5

О необходимости участия Матери для осуществления его собственной миссии и ее роли в этой духовной работе Шри Ауробиндо писал ученикам:

Для осуществления собственной трансформации йогину нет необходимости иметь шакти [— духовную сподвижницу, воплощающую в себе динамическую реализующую божественную Энергию]. Шакти нужна только, если на нем лежит особая миссия. В моем случае она была необходима для работы, стоящей передо мной. ... Для этой работы было нужно, чтобы оба аспекта [Пуруши и Шакти] действовали совместно. Наше с Матерью совместное действие создает определенные условия, которые облегчают вам осуществление трансформации. И вы можете воспользоваться этой благоприятной возможностью. ...

Прежде чем Мать приехала сюда, я продолжал поиски своего пути к трансформации и восхождению к Супраментальному (всего, что касается частей йоги, выходящих за пределы обычной веданты)... Приезд Матери оказал серьезную помощь в моей работе. Без нее все мои реализации — Нирвана и другие — не получили бы должного проявления во внешнем мире. Именно Мать показала путь к практической организации. Без нее организованная форма проявления была бы невозможна. Она занималась подобной работой с самого детства.

Цит. по: Амаль Киран. Наш Свет и Восторг, с. 4

Шри Ауробиндо видел в своей Шакти воплощение божественного материнского принципа, божественной Матери мироздания, которую с незапамятной древности столь почитали в Индии и во многих других сакральных и мистических традициях. Божественная Мать играет центральную роль в мировоззрении и Йоге Шри Ауробиндо как высочайший динамический принцип и трансформирующая Сила Божественного. Он писал:

Один из двух великих шагов в этой йоге — обрести убежище в Матери. Другой же — устремление искателя к божественной жизни.

Цит. по: Амаль Киран. Наш Свет и Восторг, с. 4

Вот что Шри Ауробиндо говорит о божественной Матери:

Та, кому мы поклоняемся как Матери, есть божественная Сознательная Сила, которая господствует над всем существующим, единая и в то же время настолько многообразная, что даже самый живой ум и самый свободный и широкий интеллект на в состоянии уследить за ее движением. Мать — это сознание и сила Всевышнего — и пребывает высоко над всем, что она создает.

...Мать пребывает над всеми мирами и несет в своем вечном сознании Высочайшее Божественное. Она единственная служит вместилищем абсолютной Силы и невыразимого Присутствия; держа в себе или вызывая Истины, которым суждено проявиться, она низводит их из Мистерии, в которой они были скрыты, в свет своего бесконечного сознания и в своей всемогущей власти наделяет их силой, своей беспредельной жизнью и телом во вселенной. ... Все есть ее игра с Всевышним; все есть ее проявление тайн Вечного, чудес Бесконечного. Все есть она, ибо все является долей и частью божественного Сознания-Силы.

...Мать не только управляет всем сверху, но и нисходит в эту более ограниченную тройственную вселенную [Ума, Жизни и Материи]... ибо, движимая тайным указом Всевышнего выработать нечто, что было в возможностях Бесконечного, она согласилась на великую жертву и как маску приняла душу и формы Неведения. И даже в личном аспекте соблагОВОЛИЛА она нисзойти сюда, во тьму, чтобы привести ее к Свету; в Ложь и Заблуждение, чтобы обратить их в Истину; в Смерть, чтобы превратить ее в богоподобную Жизнь; в мировую боль и нескончаемую скорбь и страдание, чтобы положить им конец в преобразующем экстазе своей возвышенной Ананды. В глубокой и великой любви к своим детям она согласилась надеть на себя покров этого мрака, снизошла до того, чтобы сносить атаки и мучительные воздействия сил Тьмы и Ажи ... приняла на себя терзания, горести и муки творения, поскольку, похоже, только так можно возвысить его до Света, Радости, Истины и вечной Жизни.

Час Бога, с. 48—51

Именно этому спасительному пришествию божественной Матери на землю и посвящена «Савитри».

Таким образом, Шри Ауробиндо и Мать представляют собой также самый возвышенный и полноценный синтез мужского и женского начал как провидящего и санкционирующего Духа и воплощающей творческой Энергии.

Лейтмотив жизни и деятельности Шри Ауробиндо и Матери, их трудов и устремлений и их величественного синтеза глубоко и емко выражен в следующем высказывании Шри Ауробиндо:

Всеобъемлющий синтез совершенства — в самых грандиозных масштабах, на которые только способна мысль, — есть единственное достойное устремление для тех, чей исполненный благоговения взгляд постигает Бога, тайно пребывающего в человеке.

Синтез Йоги, с. 50

«Савитри» является самым могучим, глубоким и многосторонним выражением всеобъемлющего мировоззрения Шри Ауробиндо, а также его и Матери духовной работы.

Стиль и язык «Савитри»

Стиль «Савитри» можно охарактеризовать как универсальный мистический классицизм будущего — универсальный, прежде всего, в том смысле, что она объединяет в себе главные достижения наиболее выдающихся культур мира: в первую очередь, высшие классические ценности интеллектуально-эстетической культуры Европы и тысячелетней духовно-мистической культуры Индии. Хотя основу поэмы составляет классический пятистопный ямб (ямбический пентаметр), ее нерифмованный белый стих содержит разнообразные ритмические вариации. По словам автора, это

...белый стих, не содержащий (за редким исключением) строчковых переносов (enjambement): строки, каждая из которых является вещью в себе, образуют абзацы из одной, двух, трех, четырех, пяти строк (изредка более длинная серия), в попыт-

не передать что-то от ритма Упанишад или произведений Калидасы, насколько это возможно в английском.

Письма о поэзии и искусстве, с. 276

То есть, уже в аспекте ритмики «Савитри» представляет собой сплав высших классических достижений восточного и западного поэтического искусства. Но классическая основа получает новое развитие с учетом лучших находок и наиболее утонченного духа модернизма:

В «Савитри» ... я принял некоторые из свобод, введенных модернистами, включая внутренний ритм, ассонанс слогов, нерегулярности, вводимые в ямбический метр и прочее, что было бы болезненно для моего раннего вкуса. Но я использовал все это не механически и не ради какой-то манерности, а только в том случае, если это было ритмически оправдано; ибо всякая свобода несет в себе определенную истину и порядок — либо рациональный, либо инстинктивный, либо интуитивный.

Письма о поэзии и искусстве, с. 31

В поздний период творчества Шри Ауробиндо много экспериментировал с количественным стихосложением, а также пытался обогатить английскую поэзию за счет органичного введения в нее образцов стихотворчества из других языков. Тем самым он исследовал пригодность различных примеров поэтической речи для выражения высших духовных переживаний и реальностей и даже написал небольшую работу, в которой обосновал принципы количественного стихосложения в английском языке. В «Савитри» также ощущается влияние количественного принципа стихосложения: во многих ее строках пятистопный размер выдерживается, скорее, в тоническом смысле, а не в рамках общепринятой метрической структуры. Такой более свободный подход к метрическим принципам позволяет Шри Ауробиндо отступать там, где это оправдано, от классической ямбической схемы и использовать различные ритмические вариации, добываясь нужного эффекта звучания, когда звуковые модуляции подчеркивают и усиливают смысловое наполнение строк. Таким образом, «Савитри» присуща совершенно

своеобразная модель стиха. Причем это своеобразие проявляется не только в ритмическом отношении, но и в самой структуре поэтического текста, которую Шри Ауробиндо характеризует так:

Структура пятистопного белого стиха в «Савитри» весьма своеобразна и отличается по своему строению и замыслу от белого стиха, который стал общеупотребимым в английской поэзии. В «Савитри» практически нет строчных переносов: они используются крайне редко и только тогда, когда нужен особый эффект; каждая строка должна быть достаточно сильной, чтобы выступать как законченное целое, и в то же время строки гармонично складываются в предложение или абзац, как камень к камню. Предложение обычно состоит из одной, двух, трех или четырех строк, реже из пяти, шести или семи; как для строки, так и для предложения почти неизбежны сильные окончания, кроме тех случаев, когда нужна некая модуляция незавершенности; в ритме или метрическом движении нигде не должно быть слабости, вялости или расплывчатости — это должен быть ровный, мощный поток, а не беспорядочное, прерывистое течение.

Письма о поэзии и искусстве, с. 342

Можно также отметить, что для «Савитри», как для всякого подлинно великого поэтического творения, характерен очень ясный, непосредственно точный и лаконичный и вместе с тем глубокий и выразительный язык. Вот что говорит о нем Шри Ауробиндо:

Что касается метода «Савитри», то для нее характерно стремление к определенной силе и непосредственности, духовной ясности и реальности выражения. Непонимание этого возникает из-за того, что выражаемые в ней истины не знакомы обычному уму или принадлежат неизведанной области или областям либо относятся к сфере оккультного опыта, — а не из-за того, что ставилась задача добиться смутной и замысловатой псевдоглубины или избежать всякой отчетливой мысли. Просто мысль здесь является не интеллектуальной,

а интуитивной или более высокой, чем интуитивная, и всегда выражает видение, духовное соприкосновение или знание, которое возникает за счет проникновения в самую суть явления, за счет тождества.

Письма о поэзии и искусстве, с. 317

Так, словно волны, каждая из которых имеет свой неповторимый образ и в то же время подчиняется единому ритму беспредельной божественной стихии, плавно движутся строки «Савитри», слагаясь в необъятный и прекрасный океанический лик Эпоса, выразившего в человеческом слове сверхчеловеческие уровни бытия.

В «Савитри» также осуществлен глубокий синтез достижений и открытий прошлого и настоящего с самым возвышенным видением будущего: очень многое в поэме основано на многовековом духовном наследии древней Индии, она пронизана ведийской и ведантистской образностью и символизмом. И вместе с тем, в текст поэмы искусно вплетаются образы и понятия, связанные с самыми современными открытиями. Вот лишь один пример:

*An ocean of electric Energy
Formlessly formed its strange wave-particles
Constructing by their dance this solid scheme,
Its mightiness in the atom sbut to rest;
Masses were forged or feigned and visible shapes;
Light flung the photon's swift revealing spark
And showed, in the minuteness of its flash
Imaged, this cosmos of apparent things.
Thus has been made this real impossible world...*

*Пучина электрической Энергии,
В аморфном созидательном волнении
Исторгла чудо странных волн-частиц
И в пляске их воздвигла тверди мира,
И в атом затворила мощь свою...
Свет разметал, пространство озаряя,
Стремительные искорки фотонов
И очертил в их крохотных огнях,*

*Как грезу, космос видимых предметов.
Так явью стал наш невозможный мир...*

Савитри, с. 155

Какое емкое поэтическое описание рождения вселенной, в котором отражены и современные научные воззрения! Частицы-волны, атомы, фотоны и протоны, телевидение — все это находит отражение на страницах «Савитри», увидевших свет еще в середине 40-х годов!

При этом с точки зрения богатейшего образно-интуитивного поэтического языка и глубочайшего мистического содержания «Савитри», безусловно, написана на языке будущего. Этот великолепный классический и одновременно мистически-модернистский язык вобрал в себя и величайшие достижения мировой классической культуры, и высочайшие мистические открытия человечества. Очень часто «Савитри» звучит голосом грядущего, зовущим человека превзойти себя и стать достойным своего высшего божественного предназначения. Недаром Шри Ауробиндо писал:

Мои более поздние мистические произведения и «Савитри» принадлежат будущему и, возможно, им придется дожидаться еще одного радикального изменения эстетической атмосферы, прежде чем хоть что-то в них обретет признание.

Письма о поэзии и искусстве, с. 349

«Савитри» — это запись видения, опыта, которые не относятся к общедоступным и часто очень далеки от того, что видит и испытывает обычный человеческий ум. Не стоит ожидать признания и понимания широкой публики или даже просто многих читателей при первом соприкосновении с ней. Как я указывал, необходимо новое расшифрование сознания и эстетического восприятия, чтобы по достоинству оценить мистическую поэзию нового рода. Более того, если это действительно новая поэзия, то она может использовать и новую технику — может быть не всецело новую, но по крайней мере новую в некоторых или во многих своих элементах; и в этом случае прежние правила, каноны и стандарты могут быть

неприменимы к ней... То есть нам нужно увидеть, действительно ли в ней есть то, что составляет суть поэзии, и насколько новая техника оправдывает себя, выражая новую красоту и совершенство; и, чтобы увидеть это, необходима определенная свобода ума от прежних общепринятых воззрений, позволяющая составить справедливое и объективное суждение.

Письма о поэзии и искусстве, с. 345

Таким образом, «Савитри», являясь наиболее многосторонним выражением мировоззрения Шри Ауробиндо, представляет собой глубокий органичный синтез восточного и западного миропонимания и культуры, материализма и духовности, мудрости незапамятных веков и научных открытий настоящего, возвышенного классицизма и смелого модернизма, философии и поэзии, мистики и реализма, откровений прошлого и прозрений будущего. Сам Шри Ауробиндо характеризовал «Савитри» как *«своеобразную поэтическую философию Духа и Жизни, охватывающую большинство предметов философской мысли и видения, а также многие аспекты духовного опыта»* (Письма о поэзии и искусстве, с. 279). Можно с уверенностью утверждать, что, как когда-то Веды и Упанишады положили начало великой цивилизации Индии, «Савитри» с ее синтетичностью и универсализмом зачинает новую общечеловеческую культуру, новую одухотворенную цивилизацию, высший идеал которой Шри Ауробиндо емко и поэтично сформулировал как *«божественная жизнь в божественном теле»*.

Сюжет «Савитри»

С точки зрения сюжета «Савитри» достаточно четко делится на две практически равные по объему части. Первая ее половина (соответствующая Части I поэмы) в основном посвящена описанию грандиозной йоги великого духовного искателя царя Ашвапати, его восхождению по всем уровням проявленного бытия, в результате которого на вершине Проявления он удостоивается встречи с Божественной Матерью мироздания. Вторая половина «Савитри» (соответствующая Частям II и III) посвящена рождению, жизни

и миссии Савитри, дочери Ашвапати, которая является земным воплощением Божественной Матери, пришедшей спасти человечество от неведения и смерти. Каждая из частей поэмы фактически представляет собой законченное целостное произведение.

Фигура Ашвапати необычайно возвышенна и запредельна и, казалось бы, далека от обычной человеческой жизни. Этот царь-йогин, *«первопроходец из бессмертных сфер»*, *«странник иных миров»*, *«зодчий в сферах идеала»* словно символизирует высшее устремление к сферам Духа. Он олицетворение стремления, надежды, мечты всего человечества об освобождении, о гармонии, о непреходящей радости, о высшей и более светлой жизни. Символизм этого персонажа подчеркивается тем фактом, что автор впервые называет его имя лишь в самом конце Части I, на вершине его восхождения, когда тот обращается с мольбой о спасении человечества к Божественной Матери — только в этот судьбоносный момент раскрывается его глубинная человечность. Савитри же, не смотря на то — или, скорее, благодаря тому, что она является воплощением Божественной Матери, невзирая на всю божественную высоту своего внутреннего существа, запредельность своей Души — чрезвычайно человечна; ее духовное развитие, ее миссия естественно и неразрывно связаны с ее человеческой жизнью и развитием, с ее судьбой, с ее чаяниями, страданиями и борениями. Прекрасные проникновенные Песни, повествующие о рождении и детстве Савитри, ее юности, поисках возлюбленного, встрече и жизни с ним, постепенно сменяются драматическими описаниями противоборства Савитри с жестокой судьбой, ее поисков и открытий в собственном внутреннем мире в стремлении обрести в себе силу, способную победить рок, и наконец, ее грандиозного противостояния с Богом Смерти, воплощающим в себе сам принцип фундаментального Отрицания, Несознания, Небытия, и победы над ним. Этому противостоянию Савитри с Богом Смерти и посвящена данная книга.

Интересно, что при этом йога Ашвапати получает реализацию именно на земле, с рождением Савитри, хотя эта реализация и является лишь проявлением того, что прорекает ему божественная Мать на вершине его восхождения; йога же Савитри получает реализацию в высочайших сферах, когда Всевышний прорекает ей освобождение земли, хотя и в этом случае осуществление предречен-

ного должно произойти в земном мире. Также следует отметить, что царь Ашвапати, являясь вестником и представителем человечества, на вершине своего духовного восхождения получает Откровение божественной Матери; Савитри же, будучи воплощением божественной Матери, в кульминации своей йоги достигает Откровения Всевышнего и молит Его как Матерь человечества о спасении и освобождении своих чад, вызывая Его спасительный высочайший Глагол и сама проявляясь как этот Глагол-Возвестие для мира и человека. Таким образом Шри Ауробиндо показывает роль божественной Матери как *«посредницы меж миром и Всевышним»*: только Она может осуществить эту связь между проявленным космосом и трансцендентным Божественным, предстательствуя за человека и мир пред непостижимым Ликом Вечного.

В целом, можно говорить о том, что первая и вторая половины эпоса отражают два взаимодополняющих аспекта, два движения Интегральной Йоги Шри Ауробиндо и Матери. Первая олицетворяет восходящее движение Йоги, пролагающее своеобразный мост между нашим низшим миром Неведения и Тьмы и высшим Источником Бытия; это духовная самореализация, включающая работу на тонких планах Проявления, их открытие и освоение для человека и восхождение по уровням Сверхсознания вплоть до вершины проявленного Существования, увенчивающееся высочайшим Откровением божественной Матери — трансцендентной Сознательной Силы, Сознания-Истины, которая одна только может принести земле спасение от Неведения. Вторая половина «Савитри» олицетворяет нисходящее движение Йоги, описывая нисхождение божественной Силы, *«ниспосланного Пламени»*, в мир Неведения и ее работу по преобразованию основополагающих принципов этого мира в принципы Истины; она включает психическую самореализацию, то есть раскрытие своего глубинного истинного «я», подлинной души, психического существа, и супраментальную самореализацию-проявление через психическое. Если йогу Ашвапати можно охарактеризовать как психодуховную трансформацию с освоением тонких планов внутреннего существа и уровней Сверхсознания, ведущую к реализации высшего «Я» и высшей Реальности в ее статическом и динамическом аспектах и делающую возможным Нисхождение высшей божественной Силы-Истины в мир Неведения,

то йога Савитри направлена на физическую трансформацию через раскрытие психического существа, интеграцию всего существа в свет и истину души и воссоединение через психический центр со своим высшим супраментальным Источником, также ведущее к реализации высшей Реальности в ее статическом и динамическом аспектах и высшей божественной Личности и делающее возможным излияние супраментальных сил в физический мир и трансформацию фундаментальных принципов низшего бытия и самой Материи в выражение Духа, Истины и Света. Оба движения дополняют друг друга и не могут достичь полноты осуществления в отрыве друг от друга: первое движение делает возможным второе; второе приносит достижение цели и полноту осуществления первому.

Можно заметить, что эти движения соответствуют мистической истине двух взаимодополняющих аспектов Йоги, которые олицетворяют собой Шри Ауробиндо и Мать (см. цитату на с. 25). То есть две половины «Савитри» и по содержанию, и по качеству вибраций выражают два эти воздействия. Первая половина (йога Ашвапати) в большей мере выражает *«озаренное знание»*, исходящее из высших уровней Сверхсознания, и соответствует работе на ментальном и витальном плане через воздействие этого знания, которое на заднем плане поддерживается психическим, оказывающим влияние также на витальный и физический планы. Вторая половина поэмы (жизнь и йога Савитри) выражает *«озаренное психическое сознание»* и соответствует работе на психическом, витальном и физическом плане через воздействие этого психического сознания, служащего проводником для супраментальных интуиций и сил. Нужно сказать, что первая часть «Савитри» изобилует описаниями запредельных опытов Ашвапати и его странствий в иных мирах и является более сложной для восприятия. Части же поэмы, посвященные жизни и миссии Савитри, ближе и понятнее нам.

Как уже отмечалось, различие между двумя половинами эпоса ощущается и в вибрационном отношении: если для первой половины более характерны могучие высокодуховные вибрации, соответствующие запредельной работе Ашвапати (и в мистическом аспекте выражающие силу озаренного сверхсознательного Знания, которую олицетворяет собой Шри Ауробиндо), то для второй, ско-

рее, свойственны проникновенные и глубокие психические вибрации, выражающие сущность Савитри и ее миссии (или в мистическом аспекте — сущность озаренного психического сознания, которое олицетворяет собой Мать), — причем в начале второй половины в большей мере выражена утонченная психическая красота, зачастую насыщенная тонким прекрасным лиризмом, в конце же ее — психическая сила, могущество души, противостоящей року и торжествующей над ним. Вместе с тем, и Ашвапати, и Савитри совершают не только индивидуальную йогу, но и духовную работу для всего человечества. Йога Ашвапати во многом ассоциируется с духовным трудом Шри Ауробиндо; йога Савитри — с работой Матери, хотя, конечно, два эти движения тесно связаны и во многом пересекаются друг с другом. Очень точно говорит об этом Мать:

Шри Ауробиндо описал в «Савитри» все стадии, указал каждый шаг, чтобы дать возможность интегрального продвижения в интегральной Йоге. Все это его собственный опыт, но, что самое удивительное, — это и мой опыт тоже. Его садхана была моей садханой. Каждый объект, каждое событие, каждая реализация — все описания, даже оттенки — именно те, что я видела, а слова, фразы — именно те, что я слышала в своих опытах. ... Обычно каждое утро я приходила к нему и он читал мне «Савитри». Ночью он работал над нею, а утром читал мне написанные за ночь строки. И вот что любопытно: день за днем он читал мне по утрам описания в точности тех переживаний и опытов, которые я получила перед этим ночью, слово в слово. Да, все описания, цвета, картины, которые я видела, слова, которые слышала, — все, все это обретало выражение в поэтической форме, в его дивной поэзии. ... Именно мои опыты он изложил столь подробно в «Савитри» — и это были также и его опыты. Более того, это картина нашего совместного странствия в неведомое — или, точнее, в Сверхразум.

Мать. (Цит. по: М. Шаркар. Гармонии Света, с. 27—29)

Можно сказать, что «Савитри» является наиболее точным, полным и действительно живым дневником духовной работы Шри Ауробиндо и Матери.

Источник вдохновения и процесс создания «Савитри»

Интересно, что каждая Песнь, также как и каждая Книга «Савитри», словно бы представляет собой отдельное законченное произведение — такое ощущение возникает прежде всего потому, что тема, которой посвящена каждая из этих частей поэмы, получает в ней чрезвычайно глубокое, всестороннее и законченное освещение. И при этом отдельные части гармонично увязаны друг с другом в единое многоаспектное целое. Все дело в том, что «Савитри» является могучим образцом творчества высшего уровня ментального Сверхсознания, который Шри Ауробиндо назвал Верховным или Глобальным Разумом (Overmind)¹:

Между супраментальным и человеческим сознанием существует ряд последовательных планов бытия, или уровней сознания, где субстанция разума и все его проявления от уровня к уровню по восходящей несут в себе все больше и больше света, силы и широты охвата. Верховный Разум есть высший из уровней этого восходящего ряда, непосредственно предшествующий Супраментальному плану бытия. Он исполнен большого света и силы, но по сравнению со Сверхразумом представляет собой разделительную черту между полнотой неделимого знания и нисходящим путем в Неведение.

Письма о Йоге, с. 257

На уровне Верховного Разума видение отличается покоем и устойчивостью, охватывая огромные промежутки времени и пространства, глобальных связей и отношений. То же самое характерно и для созидательного действия Верховного

¹ В разных источниках переводится как Глобальный Разум, Надментальный Разум, Сверхразум, Надразум. В подлиннике Overmind означает одновременно высший и конечный уровень, увенчивающий сферу Разума. Нам представляется наиболее удачным перевод «Верховный Разум», поскольку он точно отражает положение этого уровня сознания в иерархии планов Разума и, судя по всему, наиболее точно соответствует смыслу оригинального термина. Более подробно о Верховном Разуме см. в нашем издании: Шри Ауробиндо. Савитри. IV—1. Рождение Пламени, с. 154—163.

Разума. Это уровень бытия великих Богов и божественных Творцов.

Письма о Йоге, с. 1154

Верховный Разум ... является силой космического сознания, принципом глобального знания, несущего в себе делегированный свет супраментального Гнозиса. ... [на этом плане обретаются] широкое космическое восприятие и ощущение беспредельного универсального «я» и вселенского движения ... чувства, эмоции, ощущения воспринимаются как волны все той же космической безграничности, накатывающие на тонкое и грубое тело и вызывающие соответствующую [их природе] реакцию индивидуального центра универсальности, — ибо тело становится лишь крошечной опорой или даже всего лишь точкой взаимосвязи для деятельности космических инструментальных сил. В этой беспредельной грандиозности не только обособленное эго, но и всякое чувство индивидуальности, даже подчиненной или инструментальной индивидуальности, может полностью исчезнуть; остаются лишь космическое бытие, космическое сознание, космическое блаженство, игра космических сил...

Жизнь Божественная, с. 950—951

Воспринимая супраментальный Свет, Верховный Разум приносит в него разделение на аспекты, отдельные силы и всевозможные отличные друг от друга принципы, которые, попадая на более низкие планы бытия, еще больше деградируют в своем сознании, как, например, в случае с Разумом, и начинают считать себя исключительными носителями всей полноты Истины, вступая при этом в противоречия со всеми остальными.

Письма о Йоге, с. 243

Вот что Шри Ауробиндо говорит о способе отображения действительности Верховным Разумом:

В этой поэме я постоянно представляю тот или иной частный взгляд на жизнь таким образом, что он на время словно бы

предстает целостным и завершенным ее восприятием; и делаю я это для того, чтобы выявить полную ценность опыта тех, кто ограничен этим взглядом, — например, опыта, приобретаемого в рамках материалистического восприятия жизни, — но если кто-то обвинит меня в мировоззренческой непоследовательности, то, значит, он просто не понимает техники интерпретации жизни Верховным Разумом.

Письма о поэзии и искусстве, с. 313

Верховный Разум представляет каждый аспект реальности как отдельное завершенное целое во взаимосвязи с другими представленными таким же образом аспектами и, охватывая все аспекты, увязывает их в едином гармоничном сосуществовании. Согласно Шри Ауробиндо, Верховный Разум является наивысшим уровнем сознания, который можно выразить в человеческом слове, и соответственно полноценное его выражение стало бы словотворчеством высочайшего уровня:

Нет сомнения, что, если бы удалось добиться продолжительного вдохновения, исходящего из Верховного Разума, результатом стала бы поэзия, чье совершенство и духовное качество превосходило бы все созданное доньше; но на сегодня нам, в лучшем случае, дано выразить смутное ощущение этого плана, да и то лишь в коротких отрывках и строках.

Письма о поэзии и искусстве, с. 26

Шри Ауробиндо находил примеры вдохновения Верховного Разума в отдельных строках великих поэтов разных стран и эпох. Но то было лишь «смутное ощущение» этого глобального Сознания, а не его прямое выражение. Шри Ауробиндо же стремился достичь продолжительного непосредственного *самовыражения* Верховного Разума в слове. Все его поздние поэтические произведения в той или иной мере несут в себе силу мантр Сверхсознания, но полностью эта цель осуществилась именно в «Савитри», в которой он поистине воплотил это «*продолжительное вдохновение, исходящее из Верховного Разума*» в пробуждающих строках могучей мистической поэзии. «Савитри», вероятно, является пока единст-

венным произведением человечества, автор которого целенаправленно стремился выразить в человеческом слове в максимально возможной степени столь высокий уровень Сверхсознания, причем делал это с такой тщательностью, выверяя не только каждую строку и каждое слово, но даже каждый звук в стремлении достичь «совершенного совершенства» каждой строки и всего эпоса:

Каждое слово должно быть верным словом, иметь верную атмосферу, верную связь со всеми другими словами, так же как и каждый звук должен быть на своем месте и все звучание в целом должно воплощать в себе то неопределимое значение, которое лежит за пределами вербального выражения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 283

В результате этой беспримерной работы сознание, видение и вибрации Верховного Разума выражены в «Савитри» в наиболее чистом и непосредственном виде.

Таким образом, «Савитри» создавалась великим Мастером Йоги с особыми целями — как мантрическое откровение высочайших уровней Сверхсознания, и поэтому неудивительно, что метод ее создания также был весьма необычен. Вот как его описывает сам Шри Ауробиндо:

Мой собственный метод [при написании поэзии] заключается не в том, чтобы успокоить свой ум, поскольку он и так пребывает в вечном покое, но в том, чтобы обратить его вверх и внутрь. ...Все, что я написал с 1909 г., написано именно таким способом, то есть из безмолвного разума или, точнее, через безмолвный разум — при полном безмолвии не только разума, но и всего сознания в целом. ...

Я не делаю никаких усилий, чтобы написать что-либо. Я просто предоставляю высшей Силе совершать работу, и когда она не работает, не прилагаю никаких усилий. В прежние интеллектуальные дни я, бывало, пытался добиться чего-то за счет усилий, но не после того, как начал развивать поэзию и прозу с помощью йоги. ... Я никогда не думаю и не ищу нужных выражений, как и не пытаюсь писать хорошим

стилем; я записываю в безмолвии разума то, что приходит в готовой форме свыше. Даже когда я исправляю что-то, исправления приходят таким же способом... Супраинтеллектуальное (а не только супраментальное) — это сфера спонтанного автоматического действия. Чтобы добраться туда или чтобы открыться ей, нужны усилия, но когда оно уже действует в вас, усилия больше не нужны.

Письма о поэзии и искусстве, с. 214—217

Я получаю строки свыше, из пространства над головой, и впоследствии таким же образом получаю правки и изменения без каких-либо собственных усилий или умственной деятельности. Даже если я исправляю написанное сотню раз, ум совершенно не участвует в этом процессе — он лишь воспринимает приходящее свыше.

Письма о поэзии и искусстве, с. 211

Мой литературный стиль развился благодаря йоге — вследствие развития сознания, утонченности и точности мышления и видения, возрастающего вдохновения и возрастающего интуитивного различения верных мыслей, словоформ, подходящих образов и выражений. ...

Я не размышляю о технике, поскольку размышление у меня больше не в ходу. Но я вижу и чувствую ее, когда строки приходят и впоследствии — при редактировании написанного... Если вдохновение подлинно, мне незачем беспокоиться о технике ни сразу, ни впоследствии, поскольку строка приходит совершенной, обладая совершенным ритмом... Я могу добавить, что эта техника не подчиняется каким бы то ни было правилам, установленным умом, поскольку цель здесь — не в безупречном изяществе техники в общепринятом смысле, а в сущности звуков, образующей сущность слов¹. Если это достигается нарушением правил, что ж, — тем хуже для правил.

Письма о поэзии и искусстве, с. 215, 273—274

¹ В подлиннике: *sound-significance filling out the word-significance* — можно также перевести как «значение звуков, образующее (наполняющее) значение слов».

Мой труд над «Савитри» не был трудом в обычном смысле, кропотливой работой трудоемкого «конструирования»: я могу описать его как бесконечную способность ждать и прислушиваться к истинному вдохновению, отвергая все, что ниже его уровня, сколь бы хорошим воспринятое ни казалось с точки зрения более низкого стандарта, пока не получу то, что буду ощущать как абсолютно верное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 344

Пожалуй, лучше всего процесс создания «Савитри» описан в строках самой поэмы:

*Oft inspiration with her lightning feet,
A sudden messenger from the all-seeing tops,
Traversed the soundless corridors of his mind
Bringing her rhythmic sense of hidden things.
A music spoke transcending mortal speech.
As if from a golden phial of the All-Bliss,
A joy of light, a joy of sudden sight,
A rapture of the thrilled undying Word
Poured into his heart as into an empty cup,
A repetition of God's first delight
Creating in a young and virgin Time.
In a brief moment caught, a little space,
All-Knowledge packed into great wordless thoughts
Lodged in the expectant stillness of his depths
A crystal of the ultimate Absolute,
A portion of the inexpressible Truth
Revealed by silence to the silent soul.*

*Молниекрылый вестник, вдохновенье,
Вдруг низлетая из всезрящих высей,
Блистало в залах разума беззвучных,
Неся заветных тайн ритмичный смысл.
Реченьем плавным музыка текла,
Превосходя убогий говор смертных.
Как из золотого кубка Всеблаженства,*

*Услада света, благодать прозренья,
 Счастливым пыл бессмертного Глагола
 Алились рекой в пустую чашу сердца —
 Так разлилась впервые радость Божья
 В твореньи юных, девственных Времен.
 Явившись в краткий миг, в пространстве тесном,
 Всеведенье лучом бессловной мысли
 Роняло в тишь его глубин молящих
 Верховной Абсолютности кристалл,
 Невыразимой Истины частицу —
 Безмолвья дар душе его безмолвной.*

Савитри, с. 38

Заключение

«Савитри» — это зов в прекрасное будущее, это устремление к прежде казавшимся недостижимыми высотам Бытия на основе глубочайших прозрений и высочайших постижений прошлого, которые воскресают к новой жизни в свежих потоках Духа, свободно низливающих с далеких вершин грядущего. Вслед за чувственно-мистическим видением-воображением «Божественной Комедии» Данте и вдохновенной интеллектуально-этической мыслью «Потерянного Рая» Мильтона к нам приходит духовное откровение «Савитри» Шри Ауробиндо — этой Божественной Драмы Блаженства, в которой Любовь торжествует над Смертью, а человек, раскрывая в себе божественность, побеждает враждебных богов, неумолимую судьбу и неотвратимый рок, возвращая «потерянный рай» всей земле. Здесь мы встречаем и поражающие воображение описания всей иерархии проявленных миров, от низших inferнальных царств до трансцендентных божественных сфер, и пронзительные по своей глубине и живой достоверности откровения немислимых духовных реализаций, и грандиозные прозрения о сотворении мира, о вселенской эволюции, о судьбе человечества. Великий провидец словно доносит до нас в строках могучей поэзии медовые струи божественного Восторга, утоляя нашу душу живительным нектаром сокровенных истин, истекающим из высо-

чайших родников Духа. Очень много в «Савитри» и просто блистательных поэтических описаний красоты природы и мира, человеческой души и жизни — тонких лиричных строк, проникнутых просветленным духовным видением. Здесь нашли отражение, вероятно, все стороны нашего бытия, все наши устремления и трудности, чаяния и мечты, заблуждения и достижения. Искренний искатель может черпать в «Савитри» нескончаемые силы для духовного восхождения, для самопознания и самосовершенствования, для привнесения в свою жизнь все большего света и гармонии. Мы надеемся, что всем читателям будет интересно познакомиться с этой поэмой, безусловно, принадлежащей к числу наиболее выдающихся произведений человечества.

В своей работе «Поэзия будущего», написанной во втором десятилетии XX века, Шри Ауробиндо говорит о высших возможностях эпической поэзии в новом веке:

Эпос, великое поэтическое сказание о человеке, мире или богах, не обязательно должен быть ярким, энергичным изложением внешних действий... Эпические реальности души, прозреваемые в их самой глубинной сути — а именно так будет видеть их интуитивная поэзия, — станут величайшим возможным предметом эпического творца, и именно такой поэзии высочайшего образца мы будем ожидать от некоего глубокого и могучего голоса будущего, которому еще предстоит проявиться. Его песнь, воистину, может достичь величайшего взлета, чтобы с этих высочайших высей и с обширнейшим охватом видения раскрывать судьбу человеческого духа, а также присутствие, пути и цель Божества в человеке и вселенной.

Поэзия будущего, с. 286

Несколькими десятилетиями позже он сам зазвучал для нас этим глубоким и могучим голосом будущего, воплотив эпические реальности души, прозреваемые в их самой глубинной сути, и поистине раскрыл нам с высочайших высей и с обширнейшим охватом видения судьбу человеческого духа, а также присутствие, пути и цель Божества в человеке и вселенной в своей божественной песне «Савитри».

Однажды Шри Ауробиндо написал о другом поэтическом и мантрическом шедевре — Бхагавадгиде, одном из самых почитаемых в Индии священных Писаний, «божественной Песни» Шри Кришны:

Невозможно отделить Шри Кришну как Повествователя от Его Слова, от Гиты. Шри Кришна и Гита — одно целое, Гита — это сам Шри Кришна в Его форме Слова.

Сочинения на бенгали. с. 95

И перефразируя его собственное высказывание, мы можем сказать: Шри Ауробиндо и «Савитри» — одно целое, «Савитри» — это сам Шри Ауробиндо в его форме Слова.

Вряд ли можно сказать о «Савитри» лучше, чем это сделала в своих прекрасных вдохновенных словах Мать — та, чья жизнь и духовный подвиг легли в основу возвышенного характера героини эпоса:

«Савитри» — это откровение, это медитация, это поиск Беспредельного, Вечного. Если читать ее с подобной устремленностью к Бессмертию, то само чтение будет вести и направлять вас к Бессмертию. Чтение «Савитри» — это воистину практика йоги, духовной концентрации; в ней вы найдете все, что нужно для реализации Божественного. Здесь описан каждый шаг, каждый этап [Интегральной] Йоги, включая секреты всех других йогических путей. ... Это поистине безупречный путеводитель, который никогда не подведет и не покинет вас; тот, кто стремится следовать духовному пути, всегда найдет в нем опору и поддержку.

Мать. (Цит. по: М. Шаркар. Гармонии Света, с. 25—26)

Мы приглашаем вас совершить это удивительное путешествие сознания с «Савитри».

СИМВОЛИЗМ «САВИТРИ»

Сказание о Сатьяване и Савитри излагается в Махабхарате как история супружеской любви, побеждающей смерть. Но эта легенда, как показали многие особенности человеческого повествования, является одним из множества символических мифов ведийского цикла.

Сатьяван — это душа, несущая в себе божественную истину бытия, но низошедшая во власть смерти и неведения; Савитри — Божественное Слово, дочь Солнца, богиня верховной Истины, которая нисходит и рождается во имя спасения мира; Ашвапати, Повелитель Коня, ее человеческий отец, является Повелителем *танасви*, концентрированной энергии духовного устремления, помогающей нам взойти от смертного к бессмертным планам бытия; Дьюматсена, Повелитель Светозарных Воинств, отец Сатьявана, это Божественный Разум, который здесь ослеп, утратив свое небесное царство видения и в результате этой потери — и свое царство величия и славы.

Тем не менее, все это — не просто аллегория, а герои сказания — не просто персонифицированные качества, но воплощения или эманации живых сознательных Сил, с которыми мы можем установить конкретную взаимосвязь, и они воплощаются в человеческих телах, чтобы прийти на помощь человеку и показать ему путь из его смертного состояния к божественному сознанию и бессмертной жизни.

Шри Ауробиндо

Savitri
Part I -
Book I
The Book of Beginnings
§ 19 The Symbol Dawn

It was the hour before the Gods awake.
Across the path of the divine event,
The huge forboding ~~reminiscent~~ of Night, alone,
Lay stretched immobile upon Silence' margin,
A mate unconscious son of the unknown,
Abyss of the un bodied Infinite
Whose fatherless eyes occupied the world,
Cradled the cosmic dream of ignorant force
In novel creative slumber huddling the suns
That came all things in its somnambulist school.
Across the vast enormous trances of space,
Its formless stupor without mind or life,
A shadow spinning through the swifter vast,
Earth wheeled abandoned in the hollow gulfs,
Forgetful of her spirit and her fate.
The impassive spheres were neutral, empty still.
Then a blank presence yearned towards that start change.
Along her line of frontality, here
Like a compass needle tempting a desert hand
Fumbled the form of life's obscure sleep.
Apparant on some unseen eternal verge
An eye of duty looked through the faint rift,
Calling for the venture of consciousness and joy
Compelled received consent to see and feel.
A thought was born in the unbounded void,
A sense was born within the darkness' depth,
A memory quivered with the least of time,
As if a soul long dead were moved to love;
In the oblivion that succeeds the fall
Blotted the crowded tablets of the past
And all that was destroyed must be rebuilt
And old endeavour laboured out once more.
At first a habit that hardly dared to be
While the night's far loner ill-fortune,
A slow unceasing gesture's dim appeal
The mountain still of a transfiguring touch
Permeated the most black ~~quintessence~~
And beauty, and wonder that habited the fields of God.

Рукопись одного из ранних вариантов
начального фрагмента «Савитри»

I

КНИГА НАЧАЛ

I

THE BOOK OF BEGINNINGS

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Символическая Заря

Canto One

The Symbol Dawn

[1] It was the hour before the Gods awake.
Across the path of the divine Event
The huge foreboding mind of Night, alone
In her unlit temple of eternity,
5 Lay stretched immobile upon Silence' marge.
Almost one felt, opaque, impenetrable,
In the sombre symbol of her eyeless muse
The abyssm of the unbodied Infinite;
A fathomless zero occupied the world.
10 A power of fallen boundless self awake
Between the first and the last Nothingness,
Recalling the tenebrous womb from which it came,
Turned from the insoluble mystery of birth
And the tardy process of mortality
15 And longed to reach its end in vacant Nought.
As in a dark beginning of all things,
A mute featureless semblance of the Unknown
Repeating for ever the unconscious act,
Prolonging for ever the unseeing will,
20 Cradled the cosmic drowse of ignorant Force
Whose moved creative slumber kindles the suns
And carries our lives in its somnambulist whirl.
Athwart the vain enormous trance of Space,
Its formless stupor without mind or life,
25 A shadow spinning through a soulless Void,
Thrown back once more into unthinking dreams,
Earth wheeled abandoned in the hollow gulfs
Forgetful of her spirit and her fate.
The impassive skies were neutral, empty, still.
30 Then something in the inscrutable darkness stirred;

БЫЛ час, когда готовы пробудиться Боги.
Преградою всевышнему Событию,
На рубеже Безмолвья, одинока
В безвременье своем, как в темном храме,
Гигантской, мрачной думой стыла Ночь.
Разверзлась, непроглядна и черна,
В знаменьи грозном той незрячей грезы
Пучина бесконечности бесплотной;
Весь мир заполонил бездонный ноль.
Безмерный падший дух, воскресший к жизни
Среди предвечного Небытия,
Желая кануть вновь во чрево Тьмы,
Презрел загадку вечную рожденья
И таинство мучительное смерти
И жаждал сгинуть в Небыти пустой.
Словно в истоке мрачном мирозданья,
Неведомого призрак онемелый,
Твердя вовек несознанное действо,
Блюдя вовек несведущую волю,
Хранил вселенский сон незрячей Силы,
Что в забытьи своей творящей дремы
Светила возжигает и несет
В сомнамбуличном вихре наши жизни.
Сквозь беспредельный, тщетный транс Пространства —
Аморфный ступор без ума, без жизни, —
Тенью вращаясь в Пустоте бездушной,
Заблудшая опять в бездумных грезах,
Земля влеклась, покинутая в безднах,
Забыв свой дух, забыв свою судьбу.
Безлико, тускло, немо небо снуло.
Вдруг в недрах мрака что-то шевельнулось...

- A nameless movement, an unthought Idea
[2] Insistent, dissatisfied, without an aim,
Something that wished but knew not how to be,
Teased the Inconscient to wake Ignorance.
- 35 A throe that came and left a quivering trace,
Gave room for an old tired want unfilled,
At peace in its subconscious moonless cave
To raise its head and look for absent light,
Straining closed eyes of vanished memory,
- 40 Like one who searches for a bygone self
And only meets the corpse of his desire.
It was as though even in this Nought's profound,
Even in this ultimate dissolution's core,
There lurked an unremembering entity,
- 45 Survivor of a slain and buried past
Condemned to resume the effort and the pang,
Reviving in another frustrate world.
An unshaped consciousness desired light
And a blank prescience yearned towards distant change.
- 50 As if a childlike finger laid on a cheek
Reminded of the endless need in things
The heedless Mother of the universe,
An infant longing clutched the sombre Vast.
Insensibly somewhere a breach began:
- 55 A long lone line of hesitating hue
Like a vague smile tempting a desert heart
Troubled the far rim of life's obscure sleep.
Arrived from the other side of boundlessness
An eye of deity peered through the dumb deeps;
- 60 A scout in a reconnaissance from the sun,
It seemed amid a heavy cosmic rest,
The torpor of a sick and weary world,

Невнятный вздох, бездумная Идея —
Упрямо, не утолено, бесцельно,
Нечто, желая быть, но как — не зная,
К Неведенью будило Несознание.
Спазм, отозвавшись трепетом во тьме,
Впустил неутоленную потребность,
Что издавна покоилась бессильно
В безлунной подсознательной пещере,
Но поднялась, ища пропавший свет
Ослепшим оком памяти истлевшей —
Как тот, кто ищет прежнего себя,
Но видит прах лишь своего желанья.
Словно и в недрах Несуществованья,
В пучине безысходного распада
Беспамятная уцелела сущность —
Погубленного прошлого частица,
Воскресшая на муки и борьбу
Во мгле несостоявшегося мира.
Сознание смутное в тоске о свете
Предощутило отблеск дальней нови.
Как детский перст, коснувшийся щеки,
Напомнил о бескрайней жажде мира
Всепозабывшей Матери вселенской, —
Младенец-пыл вцепился в бездну тьмы.
Неощутимо где-то брешь возникла:
Разлетом тонким трепетный просвет —
Улыбки луч, блеснувший в мертвом сердце,
Встревожил дали тусклой спячки жизни.
Придя с обратной стороны безбрежья,
Небесный взор проник в немые глубины;
Разведчик, что в дозор направлен солнцем,
Казалось, он в тяжелом сне вселенском,
В оцепенении страждущего мира,

To seek for a spirit sole and desolate
Too fallen to recollect forgotten bliss.
65 Intervening in a mindless universe,
Its message crept through the reluctant hush
Calling the adventure of consciousness and joy
[3] And, conquering Nature's disillusioned breast,
Compelled renewed consent to see and feel.
70 A thought was sown in the unsounded Void,
A sense was born within the darkness' depths,
A memory quivered in the heart of Time
As if a soul long dead were moved to live:
But the oblivion that succeeds the fall,
75 Had blotted the crowded tablets of the past,
And all that was destroyed must be rebuilt
And old experience laboured out once more.
All can be done if the god-touch is there.
A hope stole in that hardly dared to be
80 Amid the Night's forlorn indifference.
As if solicited in an alien world
With timid and hazardous instinctive grace,
Orphaned and driven out to seek a home,
An errant marvel with no place to live,
85 Into a far-off nook of heaven there came
A slow miraculous gesture's dim appeal.
The persistent thrill of a transfiguring touch
Persuaded the inert black quietude
And beauty and wonder disturbed the fields of God.
90 A wandering hand of pale enchanted light
That glowed along a fading moment's brink,
Fixed with gold panel and opalescent hinge
A gate of dreams ajar on mystery's verge.
One lucent corner windowing hidden things
95 Forced the world's blind immensity to sight.

Искал забытый, одинокий дух,
Что слишком пал, чтоб вспомнить вновь блаженство.
Пресветлой вестью в космосе бездумном,
Он крался в неподатливую тишь,
Зовя на путь сознания и счастья,
И, побеждая мрачный транс Природы,
В ней снова зренье пробуждал и чувство.
И мысль запала в бездны Несознания,
И чувство родилось в пучинах мрака,
И память встрепенулась в сердце тленья,
Словно душа погибшая воскресла —
Но за паденьем следует забвенье,
Что затмевает свод скрижалей прошлых,
И нужно все, что было, вновь построить
И прежний опыт выстрадать опять.
Прикосновенье Божье всемогуще.
Надежда ожила, осмелясь быть
В том безнадежном равнодушьи Ночи.
Словно ниспослан во враждебный мир
Тревожной, робкой милости порывом,
Осиротев и тщась найти свой кров,
Скитающимся дивом бесприютным,
В далекий уголок небес проник
Призыв неясный чудо-мановенья.
Преображающим прикосновеньем,
Будя инертность черной немоты,
Очарованья трепет тронул Божьи шири.
Манящей дланью бледный свет волшебный,
Лучась над краем тающего часа,
Воздвиг ворота грез на бреге тайны —
Златые двери в радужном проеме.
Окном заветным, одинокий светоч
К прозренью влек слепую бездну мира.

The darkness failed and slipped like a falling cloak
From the reclining body of a god.
Then through the pallid rift that seemed at first
Hardly enough for a trickle from the suns,
100 Outpoured the revelation and the flame.
The brief perpetual sign recurred above.
A glamour from unreached transcendences
Iridescent with the glory of the Unseen,
[4] A message from the unknown immortal Light
105 Ablaze upon creation's quivering edge,
Dawn built her aura of magnificent hues
And buried its seed of grandeur in the hours.
An instant's visitor the godhead shone.
On life's thin border awhile the Vision stood
110 And bent over earth's pondering forehead curve.
Interpreting a recondite beauty and bliss
In colour's hieroglyphs of mystic sense,
It wrote the lines of a significant myth
Telling of a greatness of spiritual dawns,
115 A brilliant code penned with the sky for page.
Almost that day the epiphany was disclosed
Of which our thoughts and hopes are signal flares;
A lonely splendour from the invisible goal
Almost was flung on the opaque Inane.
120 Once more a tread perturbed the vacant Vasts;
Infinity's centre, a Face of rapturous calm
Parted the eternal lids that open heaven;
A Form from far beatitudes seemed to near.
Ambadress twixt eternity and change,
125 The omniscient Goddess leaned across the breadths
That wrap the fated journeyings of the stars
And saw the spaces ready for her feet.

Мрак ослабел и соскользнул покровом
С простершегося тела божества.
И сквозь разрыв туманный, что, казалось,
Едва ль пропустит каплю света солнц,
Низлились откровение и пламя.
Вновь краткий вечный знак явился свыше.
Красою запредельностей заветных,
Блестая многоцветием Незримого,
Посланьем сфер немеркнувшего Света,
Пылая над трепещущим творением,
Заря восстала аурой чудесной
И погребла в часы величья семя.
Мгновенья гостем, божество сияло.
На горизонте жизни светлый Образ
Объял чело плененное земли.
Поведав тайны красоты и счастья
Мистическими письменами цвета,
Он начертал глубокое преданье,
Завет лучистый на странице неба,
Глаголя о величьи зорь духовных.
Почти в тот день явилось Откровенье,
Что нам пророчат мысли и надежды.
Незримой цели одинокий проблеск
Почти проник в бессмысленную Тьму.
Вновь раздались шаги в пустынных Ширях.
Безбрежья кладезь, Лик тиши счастливой
Приподнял вежды вечные небес;
Казалось, близко Явь блаженств далеких.
Посланица меж вечностью и тленьем,
Всеумудрая Богиня преклонилась
К земле сквозь беспредельность звездных бездн,
Объявших судьбоносный ход светил,
И мир нашла для стоп ее готовым.

Once she half looked behind for her veiled sun,
Then, thoughtful, went to her immortal work.
130 Earth felt the Imperishable's passage close:
The waking ear of Nature heard her steps
And wideness turned to her its limitless eye,
And, scattered on sealed depths, her luminous smile
Kindled to fire the silence of the worlds.
135 All grew a consecration and a rite.
Air was a vibrant link between earth and heaven;
The wide-winged hymn of a great priestly wind
Arose and failed upon the altar hills;
The high boughs prayed in a revealing sky.
[5] 140 Here where our half-lit ignorance skirts the gulfs
On the dumb bosom of the ambiguous earth,
Here where one knows not even the step in front
And Truth has her throne on the shadowy back of doubt,
On this anguished and precarious field of toil
145 Outspread beneath some large indifferent gaze,
Impartial witness of our joy and bale,
Our prostrate soil bore the awakening ray.
Here too the vision and prophetic gleam
Lit into miracles common meaningless shapes;
150 Then the divine afflatus, spent, withdrew,
Unwanted, fading from the mortal's range.
A sacred yearning lingered in its trace,
The worship of a Presence and a Power
Too perfect to be held by death-bound hearts,
155 The prescience of a marvellous birth to come.

Она еще раз полуобернулась,
Вбирая солнце тайное свое,
И погрузилась в свой бессмертный труд.
Земля узнала близкий шаг Нетленной:
Ее услышал чуткий слух Природы,
К ней обратила взор безбрежный ширь,
И, разлетевшись по заветным глубям,
Ее всеозарившая улыбка
Зажгла огнем безмолвие миров.
Все стало посвященьем и обрядом.
Воздух дрожал, связуя землю с небом;
Крылатый гимн мольбы великой ветра
Взмывал и ник над алтарем холмов;
Ветви стремились к небесам отверстым.
Здесь, где наше полутемное невежество
Мерцает на краю пучин бездонных
В немом плену двусмысленной земли,
Здесь, где неведом каждый новый шаг
И Правда зиждет трон во тьме сомненья,
На этом тяжком поле мук и риска,
Простертом под бесстрастным Взглядом свыше,
Что равно зрит на радость и на горечь,
Наш косный прах будил упорный луч.
Здесь прозорливый взгляд и озаренье
В обычных формах высветили чудо...
Но скрылось, ослабев, знаменье свыше,
Ненужное, угасло в царстве смертных.
Святая жажда вслед ему стремилась,
Моление Присутствию и Силе,
Чрезмерно совершенным для земли,
Для смертию закованных сердец,
Предвиденье грядущей чудо-нови.

Only a little the god-light can stay:
Spiritual beauty illumining human sight
Lines with its passion and mystery Matter's mask
And squanders eternity on a beat of Time.
160 As when a soul draws near the sill of birth,
Adjoining mortal time to Timelessness,
A spark of deity lost in Matter's crypt
Its lustre vanishes in the inconscient planes,
That transitory glow of magic fire
165 So now dissolved in bright accustomed air.
The message ceased and waned the messenger.
The single Call, the unaccompanied Power,
Drew back into some far-off secret world
The hue and marvel of the supernal beam:
170 She looked no more on our mortality.
The excess of beauty natural to god-kind
Could not uphold its claim on time-born eyes;
Too mystic-real for space-tenancy
Her body of glory was expunged from heaven:
175 The rarity and wonder lived no more.
[6] There was the common light of earthly day.
Affranchised from the respite of fatigue
Once more the rumour of the speed of Life
Pursued the cycles of her blinded quest.
180 All sprang to their unvarying daily acts;
The thousand peoples of the soil and tree
Obeyed the unforeseeing instant's urge,
And, leader here with his uncertain mind,
Alone who stares at the future's covered face,
185 Man lifted up the burden of his fate.

Лишь ненадолго Божий свет нисходит:
Духовной красоты очарованье,
Собою озаряя взор людской,
Живит восторгом, тайной маску праха
И расточает вечность в пульсе лет.
Как на пути своем к черте рожденья,
С Вневременьем связуя смертный час,
Искрою божества в могиле плоти,
Душа тускнеет в планах Несознания,
Так пыл недолгий дивного огня
Растаял в светлом воздухе привычном.
Прервалась весть и удалился вестник.
Единый Зов, единственная Сила
Влекли назад в далекий, тайный мир
Оттенок, прелесть горнего луча:
Она уж не взирала в наше тленье.
Божественный избыток красоты
Не мог тиранить больше очи смертных;
Невыносимым чудом в царстве бренном,
Растаял в небе лик ее пресветлый:
Диковинность и дивность удалились.
Настал обычный свет земного дня.
Отпущенный из краткой передышки,
Опять неугомонной Жизни гам
Пустился в круг ее слепых исканий.
Все возвратились в плен своих забот;
Земли и древа тысячное племя
Предалось нуждам мимолетных миггов,
И, здешний вождь с блуждающим умом,
Едиственный, кто ищет смысл в грядущем,
Понес свой тяжкий жребий человек.

And Savitri too awoke among these tribes
That hastened to join the brilliant Summoner's chant
And, lured by the beauty of the apparent ways,
Acclaimed their portion of ephemeral joy.
190 Akin to the eternity whence she came,
No part she took in this small happiness;
A mighty stranger in the human field,
The embodied Guest within made no response.
The call that wakes the leap of human mind,
195 Its chequered eager motion of pursuit,
Its fluttering-hued illusion of desire,
Visited her heart like a sweet alien note.
Time's message of brief light was not for her.
In her there was the anguish of the gods
200 Imprisoned in our transient human mould,
The deathless conquered by the death of things.
A vaster Nature's joy had once been hers,
But long could keep not its gold heavenly hue
Or stand upon this brittle earthly base.
205 A narrow movement on Time's deep abysm,
Life's fragile littleness denied the power,
The proud and conscious wideness and the bliss
She had brought with her into the human form,
The calm delight that weds one soul to all,
210 The key to the flaming doors of ecstasy.
[7] Earth's grain that needs the sap of pleasure and tears
Rejected the undying rapture's boon:

И Савитри тоже пробудилась с ними,
Спешившими скорее подхватить
Глашатая блистающего песнь,
Восславить эфемерный жребий свой,
Свою частицу призрачного счастья,
Пленившись красотой путей манящих.
Созданье вечности, ее пославшей,
Той скудной радости она не вняла;
Чужак могучий в этом бренном царстве,
Всевышний Гость безмолвствовал внутри.
Тот зов, что возбуждает бренный ум,
Изменчивую страсть его погони
Иль трепетный мираж его желанья,
Входил ей в сердце сладкой чуждой нотой.
Не для нее был преходящий свет —
Послание, подверженное тленью.
Она терзалась мукою богов,
Плененных в нашем бренном, косном прахе,
Бессмертных, покоренных смертью плоти.
Природы высшей радость в ней жила,
Но горний цвет ее золотой померк
На скудной почве горестной земли.
В пучинах Времени струею узкой,
Ничтожна, тленна, Жизнь отторгла силу,
И ширь сознанья, и блаженства пыл,
Что принесла она в земную форму,
И тихое бестрепетное счастье,
Что обручает душу с целым миром,
Ключ к пламенеющим дверям экстаза.
Земное семя, что возрастать не может
Без влаги удовольствия и слез,
Отвергло дар нетленного восторга

Offered to the daughter of infinity
Her passion-flower of love and doom she gave.
215 In vain now seemed the splendid sacrifice.
A prodigal of her rich divinity,
Her self and all she was she had lent to men,
Hoping her greater being to implant
And in their body's lives acclimatise
220 That heaven might native grow on mortal soil.
Hard is it to persuade earth-nature's change;
Mortality bears ill the eternal's touch:
It fears the pure divine intolerance
Of that assault of ether and of fire;
225 It murmurs at its sorrowless happiness,
Almost with hate repels the light it brings;
It trembles at its naked power of Truth
And the might and sweetness of its absolute Voice.
Inflicting on the heights the abysm's law,
230 It sullies with its mire heaven's messengers:
Its thorns of fallen nature are the defence
It turns against the saviour hands of Grace;
It meets the sons of God with death and pain.
A glory of lightnings traversing the earth-scene,
235 Their sun-thoughts fading, darkened by ignorant minds,
Their work betrayed, their good to evil turned,
The cross their payment for the crown they gave,
Only they leave behind a splendid Name.
A fire has come and touched men's hearts and gone;
240 A few have caught flame and risen to greater life.

И дочери безмерности в ответ
Взрастило страстоцвет любви и рока.
Казалась тщетной ныне чудо-жертва.
Одарена божественностью щедрой,
Всю душу, всю себя, все, чем была,
Она пожертвовала человеку,
Свой вышний дух стремясь ему привить,
В его телесной жизни прорасти,
Чтоб небо прижилось на смертной почве.
Непросто изменять земную суть;
Прикосновение нетленных сфер
Невыносимо для природы брэнной:
Пречистая божественная мука —
Вторжение эфира и огня —
Рождает в ней лишь трепет, ропот, страх;
Ее гнетут безоблачное счастье
И свет, что принесет оно с собой,
И обнаженной Истины всесилье,
И всемогущий, сладкий горний Глас.
Законом бездны притесняя выси,
Она ввергает в грязь посланцев неба,
Встречает терниями падшей персти
Спасительные руки Благодати,
Божьим сынам готовит смерть и боль.
Блистанием зарниц во мраке мира,
Их мысли-солнца гаснут в тьме умов;
Их труд прейдет, их благо станет злом,
Крест — их цена за царственный венец,
И лишь сияет Имя после них.
Явился огонь, зажег сердца и скрылся;
Немногие уберегли то пламя
И к высшей жизни вслед за ним взошли.

Too unlike the world she came to help and save,
Her greatness weighed upon its ignorant breast
And from its dim chasms welled a dire return,
A portion of its sorrow, struggle, fall.
245 To live with grief, to confront death on her road,—
The mortal's lot became the Immortal's share.
[8] Thus trapped in the gin of earthly destinies,
Awaiting her ordeal's hour abode,
Outcast from her inborn felicity,
250 Accepting life's obscure terrestrial robe,
Hiding herself even from those she loved,
The godhead greater by a human fate.
A dark foreknowledge separated her
From all of whom she was the star and stay;
255 Too great to impart the peril and the pain,
In her torn depths she kept the grief to come.
As one who watching over men left blind
Takes up the load of an unwitting race,
Harbouring a foe whom with her heart she must feed,
260 Unknown her act, unknown the doom she faced,
Unhelped she must foresee and dread and dare.
The long-foreknown and fatal morn was here
Bringing a noon that seemed like every noon.
For Nature walks upon her mighty way
265 Unheeding when she breaks a soul, a life;
Leaving her slain behind she travels on:
Man only marks and God's all-seeing eyes.

Придя спасти, возвысить падший мир,
Она своим величием столь нездешним
Теснила грудь незрячую его,
И из его глубинных смутных бездн
Восстал в ответ ужасный тяжкий отклик —
Ее удел в борьбе, паденьи, скорби.
Бессмертная избрала участь смертных —
Юдоль страданий, жизнь под гнетом смерти.
Так, пойманная в плен земных судеб,
Застыв в преддверьи рокового часа,
Простившись со своим врожденным счастьем,
Приняв покров земной унылой жизни,
Не открывая горя даже близким,
Богиня возвышалась смертной долей.
Отделена предвидением мрачным
От всех, кому была звездой и опорой,
И слишком велика, чтоб разделить
С другими гнет опасности и боли,
Она хранила скорбь в истерзанных глубинах.
Как тот, кто за людьми следит слепыми,
Приемля гнет несведущего рода,
Врага в себе питая мукой сердца,
Неведомо для всех неся свой рок,
Без помощи извне и без поддержки
Она должна, страшась, предвидеть и посметь.
Предвещенное роковое утро
Настало ныне, зачиная день,
Казавшийся совсем обычным днем:
Природа, вечно шествуя вперед,
Вдруг отнимает душу, губит жизнь
И путь свой продолжает беззаботно —
Лишь человек оплакивает павших
И Божье Око примечает все.

Even in this moment of her soul's despair,
In its grim rendezvous with death and fear,
270 No cry broke from her lips, no call for aid;
She told the secret of her woe to none:
Calm was her face and courage kept her mute.
Yet only her outward self suffered and strove;
Even her humanity was half divine:
275 Her spirit opened to the Spirit in all,
Her nature felt all Nature as its own.
Apart, living within, all lives she bore;
Aloof, she carried in herself the world:
Her dread was one with the great cosmic dread,
280 Her strength was founded on the cosmic might;
The universal Mother's love was hers.
Against the evil at life's afflicted roots,
[9] Her own calamity its private sign,
Of her pangs she made a mystic poignant sword.
285 A solitary mind, a world-wide heart,
To the lone Immortal's unshared work she rose.

Но даже в этот час душевной муки
Пред ликом грозным ужаса и смерти
Ни вопль отчаяния, ни зов надежды
Не разомкнули уст ее безмолвных;
В себе она хранила боль свою
И лишь молчала, мужества полна,
И лик ее хранил печать покоя.
Но все же все борения и муки
Лишь внешнее затрагивали «я»:
В ней даже человеческая сущность
Являла образ полубожества,
И дух ее был вездесущим Духом,
Природа — обнимала всю Природу.
Живя в себе, она несла все жизни;
Уйдя в себя, она вмещала мир,
И боль ее вобрала скорбь вселенной,
И мощь ее росла из сил вселенских:
В ней Матери миров жила любовь.
И в зло, что поразило корни жизни,
Чьим символом была ее беда,
Меч горьких мук своих она вонзила.
Вселенной сердце, одинокий разум,
Навстречу року поднялась она,
Приняв неразделенный труд Бессмертной.

At first life grieved not in her burdened breast:
On the lap of earth's original somnolence
Inert, released into forgetfulness,
290 Prone it reposed, unconscious on mind's verge,
Obtuse and tranquil like the stone and star.
In a deep cleft of silence twixt two realms
She lay remote from grief, unsawn by care,
Nothing recalling of the sorrow here.
295 Then a slow faint remembrance shadowlike moved,
And sighing she laid her hand upon her bosom
And recognised the close and lingering ache,
Deep, quiet, old, made natural to its place,
But knew not why it was there nor whence it came.
300 The Power that kindles mind was still withdrawn:
Heavy, unwilling were life's servitors
Like workers with no wages of delight;
Sullen, the torch of sense refused to burn;
The unassisted brain found not its past.
305 Only a vague earth-nature held the frame.
But now she stirred, her life shared the cosmic load.
At the summons of her body's voiceless call
Her strong far-winged spirit travelled back,
Back to the yoke of ignorance and fate,
310 Back to the labour and stress of mortal days,
Lighting a pathway through strange symbol dreams
Across the ebbing of the seas of sleep.
Her house of Nature felt an unseen sway,
Illumined swiftly were life's darkened rooms,
315 And memory's casements opened on the hours
And the tired feet of thought approached her doors.

Сначала жизнь не скорбела в ее обремененной груди:
В объятиях первородной дремоты земли,
Инертная, нашедшая освобождение в забвении,
Простершись, она покоилась в бессознательном отдохновении
на краю разума,

Замерев в глухом успокоении, как камень или звезда.

В глубоком ущелье безмолвия между двух царств
Она лежала вдали от горя, нетерзаемая заботой, —
Ничто не напоминало о поджидающей здесь скорби.
Затем, словно тень, в ней шевельнулась

медленная слабая память

И со вздохом она положила руку себе на грудь

И ощутила близкую нестихающую боль,

Глубинную, затаенную, старую, прижившуюся на своем месте,
Но еще не знала, почему она была там и откуда взялась.

Сила, зажигающая восприятие разума, еще не вернулась к ней:

Тяжело и нехотя пробуждались слуги жизни,

Словно работники, лишённые всякого заработка радости;

Пригасший факел чувств угрюмо отказывался гореть;

Не получающий помощи мозг не находил своего прошлого.

Лишь смутная земная природа владела брэнной оболочкой.

Но вот по ее членам пробежал трепет и ее жизнь разделила

космическое бремя.

Откликнувшись безмолвному зову тела,

Ее могучий далеко залетевший дух странствовал обратно —

Обратно под ярмо неведения и судьбы,

Обратно к труду и тяготам смертных дней,

Освещая себе путь сквозь странные символические видения

По отступающим морям сна.

Ее природный дом ощутил невидимое сотрясение,

Внезапно озафились затемненные покои жизни,

И створы памяти раскрылись навстречу скоротечным часам,

И утомленные стопы мысли приблизились к ее дверям.

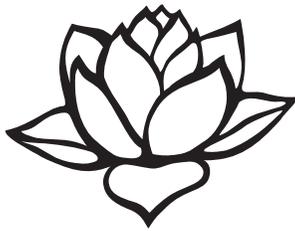
All came back to her: Earth and Love and Doom,
The ancient disputants, encircled her
[10] Like giant figures wrestling in the night:
320 The godheads from the dim Inconscient born
Awoke to struggle and the pang divine,
And in the shadow of her flaming heart,
At the sombre centre of the dire debate,
A guardian of the unconsolated abyss
325 Inheriting the long agony of the globe,
A stone-still figure of high and godlike Pain
Stared into Space with fixed regardless eyes
That saw grief's timeless depths but not life's goal.
Afflicted by his harsh divinity,
330 Bound to his throne, he waited unappeased
The daily oblation of her unwept tears.
All the fierce question of man's hours relived.
The sacrifice of suffering and desire
Earth offers to the immortal Ecstasy
335 Began again beneath the eternal Hand.
Awake she endured the moments' serried march
And looked on this green smiling dangerous world,
And heard the ignorant cry of living things.
Amid the trivial sounds, the unchanging scene
340 Her soul arose confronting Time and Fate.
Immobile in herself, she gathered force.
This was the day when Satyavan must die.

End of Canto One

И все вернулось к ней: Земля, Любовь и Рок —
Извечные борцы вокруг воздвиглись,
Гиганты, что схватились в безднах ночи.
И началось богов противоборство,
Рожденных из пучины Несознания:
В тени ее пылающего сердца,
Во мрачном центре страшного сраженья,
Суровым стражем безутешной бездны,
Наследник вековечных мук земли,
Стыл богоравной Боли истукан,
Вперясь в пространство беспросветным зраком,
Что зрил не жизни цель, но вечность скорби.
Томим своим божественным терзаньем,
Прикован к своему престолу, ждал он,
Неутоленный, ежедневной дани
Ее таимых непролитых слез.
Вновь жизни смертной ожил яростный вопрос.
И жертвоприношение муки и желанья,
Что воздает земля бессмертному Экстазу,
Возобновилось вновь под вечной Дланью.
От сна очнувшись, медлила она,
Переноса мгновений ход сплоченный,
И глядя на цветущий грозный мир,
И слыша крик невежественных тварей.
Среди привычных образов и звуков
Ее душа противостала Року.
Безмолвствуя, она копила силу.
Так наступил день смерти Сатьявана.

Конец Песни первой

II

КНИГА СМЕРТИ

II

THE BOOK OF DEATH

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Смерть в лесу

Canto One

Death in the Forest

[561] Now it was here in this great golden dawn.
By her still sleeping husband lain she gazed
Into her past as one about to die
Looks back upon the sunlit fields of life
5 Where he too ran and sported with the rest,
Lifting his head above the huge dark stream
Into whose depths he must for ever plunge.
All she had been and done she lived again.
The whole year in a swift and eddying race
10 Of memories swept through her and fled away
Into the irrecoverable past.
Then silently she rose and, service done,
Bowed down to the great goddess simply carved
By Satyavan upon a forest stone.
15 What prayer she breathed her soul and Durga knew.
Perhaps she felt in the dim forest huge
The infinite Mother watching over her child,
Perhaps the shrouded Voice spoke some still word.
At last she came to the pale mother queen.
20 She spoke but with guarded lips and tranquil face
Lest some stray word or some betraying look
Should let pass into the mother's unknowing breast,

ТЕПЕРЬ заря золотая догорала.
И Савитри со спящим мужем рядом
Застыла и стремилась снова взгляд
В былое — так пред смертью человек
Подъемлет взор к раздольям светлым жизни,
Где с прочими резвился до сих пор,
Из мрачных волн гигантского потока,
В чью глубь теперь уходит навсегда.
Все проживала вновь она — чем стала,
Что делала в последний этот год:
Кружась, воспоминанья вихрем мчались
В ее душе и уносились прочь
Навек, скрываясь в невозвратном прошлом.
Поднявшись молча и свершив обряд,
Богине властной, высеченной просто
На мшистом камне милым Сатьяваном,
Она припала к ней в немой надежде.
Что за молитву выдохнула грудь —
Лишь ведали душа ее и Дурга.
Она склонилась пред богиней властной,
Что высек Сатьяван на мшистом камне.
Предстала ль ей в тиши лесов бескрайних
Вселенной Мать, храня свое дитя,
Явился ль ей в глуши лесов бескрайних
Взгляд Матери миров, хранящей дочь,
Иль тайный Глас утешил тихим словом —
Но поднялась она судьбе навстречу,
Направляясь к бледной матери-царице —
И обратилась к ней, лицом тиха,
Настороже внутри, чтоб ненароком
Неловкий взгляд, оброненное слово
Не отозвались в материнском сердце,

- Slaying all happiness and need to live,
A dire foreknowledge of the grief to come.
- 25 Only the needed utterance passage found:
All else she pressed back into her anguished heart
And forced upon her speech an outward peace.
- [562] “One year that I have lived with Satyavan
Here on the emerald edge of the vast woods
30 In the iron ring of the enormous peaks
Under the blue rifts of the forest sky,
I have not gone into the silences
Of this great woodland that enringed my thoughts
With mystery, nor in its green miracles
35 Wandered, but this small clearing was my world.
Now has a strong desire seized all my heart
To go with Satyavan holding his hand
Into the life that he has loved and touch
Herbs he has trod and know the forest flowers
40 And hear at ease the birds and the scurrying life
That starts and ceases, rich far rustle of boughs
And all the mystic whispering of the woods.
Release me now and let my heart have rest.”
She answered: “Do as thy wise mind desires,
45 O calm child-sovereign with the eyes that rule.
I hold thee for a strong goddess who has come
Pitying our barren days; so dost thou serve
Even as a slave might, yet art thou beyond
All that thou doest, all our minds conceive,
50 Like the strong sun that serves earth from above.”
Then the doomed husband and the woman who knew
Went with linked hands into that solemn world
Where beauty and grandeur and unspoken dream,

Перечеркнув весь смысл, всю радость жизни,
Предвестьем страшной близящейся скорби.
Лишь нужные слова слетели с уст —
Иное скрылось в омертвелом сердце,
И внешне речь была полна покоя.
«За год, что прожила я с Сатьяваном,
Здесь, на краю необозримых чащ
В кольце могучих броненосных гор
Под кровлей неба, что в листве синее,
Я не бывала в изумрудной сени
Лесных пространств, мои объявших думы
Загадочно, цветеньем их чудес
Не любовалась — лишь полянка эта
Была приютом мне, была мне миром.
Теперь же сердцем всем я возжелала
Пойти, за руки взявшись с Сатьяваном,
В живую сень, где он мечтал, касаться
Трав, где ступал он, узнавать цветы
И слушать вольно птиц и гомон жизни,
Что, грянув, молкнет вновь, и шепот крон —
Таинственную перемолвку чащ.
Позвольте мне пойти по зову сердца».
Та отвечала: «Поступай как знаешь,
Твой мудрый разум пусть велит тебе.
О милое дитя с всевластным взором,
Я верю: ты могучая богиня,
Что, сострадая нашим горьким дням,
Явилась к нам — и так ты служишь нам:
Полна смиренья, но всего превыше,
Что делаешь, что ум наш разумеет, —
Так солнце свыше служит всей земле.
И обреченный муж с женою знавшей
Пошли рука в руке в тот пышный мир —
Мир красоты, раздолья, грез безмолвных,

- Where Nature's mystic silence could be felt
55 Communing with the secrecy of God.
Beside her Satyavan walked full of joy
Because she moved with him through his green haunts:
He showed her all the forest's riches, flowers
Innumerable of every odour and hue
60 And soft thick clinging creepers red and green
And strange rich-plumaged birds, to every cry
That haunted sweetly distant boughs replied
With the shrill singer's name more sweetly called.
[563] He spoke of all the things he loved: they were
65 His boyhood's comrades and his playfellows,
Coevals and companions of his life
Here in this world whose every mood he knew:
Their thoughts which to the common mind are blank,
He shared, to every wild emotion felt
70 An answer. Deeply she listened, but to hear
The voice that soon would cease from tender words
And treasure its sweet cadences beloved
For lonely memory when none by her walked
And the beloved voice could speak no more.
75 But little dwelt her mind upon their sense;
Of death, not life she thought or life's lone end.
Love in her bosom hurt with the jagged edges
Of anguish moaned at every step with pain
Crying, "Now, now perhaps his voice will cease
80 For ever." Even by some vague touch oppressed
Sometimes her eyes looked round as if their orbs
Might see the dim and dreadful god's approach.

Где в тишине таинственной Природа
К единству с Богом приобщала сердце.
Шагал счастливый рядом Сатъяван,
Ведь вместе шли они в его угожьях:
Ей открывал он в уголках тенистых
Лесные дива: россыпи цветов
Несметных ароматов и оттенков,
И гибких пестрых змей, скользящих мягко,
И чудных ярких птиц, чей каждый крик
В ответ на клич, слетевший с крон далеких,
Лишь звал к себе нежней певца шального.
Он говорил о тех, кого любил,
С кем рос, о детства спутниках и друзьях,
О сверстниках и братьях дней его
Здесь, в мире чащ, где знал он каждый шорох:
Их мыслям, что не разумеют люди,
Внимал он, диким отзывался чувствам
Всем сердцем. И она ему внимала
Душою — лишь бы слышать милый глас,
Что скоро уж не скажет нежных слов,
И каждый тембр его в себя вбирала,
Чтоб вспоминать, когда уйдет любимый
Навеки и не молвит уж ни звука.
Но смысл речей она едва ловила,
О смерти, не о жизни дум полна
Иль о закате одиноком жизни.
Любовь в ее груди, пронзенной болью,
Иззубренным клинком жестоких мук,
Стонала с каждым шагом: «Вот, сейчас,
Сейчас, быть может, глас его умолкнет
Навек». И взгляд ее, встревожен смутно,
Украдкой озирался, словно глядя,
Не рядом ли ужасный мрачный бог.

But Satyavan had paused. He meant to finish
 His labour here that happy, linked, uncaring
 85 They two might wander free in the green deep
 Primalæval mystery of the forest's heart.
 A tree that raised its tranquil head to heaven
 Luxuriating in verdure, summoning
 The breeze with amorous wideness of its boughs,
 90 He chose and with his steel assailed the arm
 Brown, rough and strong hidden in its emerald dress.
 Wordless but near she watched, no turn to lose
 Of the bright face and body which she loved.
 Her life was now in seconds, not in hours,
 95 And every moment she economised
 Like a pale merchant leaned above his store,
 The miser of his poor remaining gold.
 But Satyavan wielded a joyous axe.
 He sang high snatches of a sage's chant
 [564] 100 That pealed of conquered death and demons slain,
 And sometimes paused to cry to her sweet speech
 Of love and mockery tenderer than love:
 She like a pantheress leaped upon his words
 And carried them into her cavern heart.
 105 But as he worked, his doom upon him came.
 The violent and hungry hounds of pain
 Travelled through his body biting as they passed
 Silently, and all his suffering breath besieged
 Strove to rend life's strong heart-cords and be free.
 110 Then helped, as if a beast had left its prey,
 A moment in a wave of rich relief
 Reborn to strength and happy ease he stood
 Rejoicing and resumed his confident toil

Но Сатъяван привстал: хотел он труд свой
Доделать здесь, чтоб дальше без забот
Они могли блуждать счастливой парой,
Милюясь вольно, в зарослях зеленых,
В заветном сердце первозданных кущ.
У дерева, что взнеслось главой покойной к небу,
С роскошной кроной, что, раскинув ветви,
Звала радушно вольный ветерок,
Он стал и в крепкий сук врубился сталью,
Кряжистый, смуглый в изумрудных фалдах.
Она же, онемев, вбирала взглядом
В движенье каждом милого черты,
И ясный лик его, и стать родную.
Ведь жить осталось не часы — мгновенья,
И каждый миг она тянула жадно —
Так сохнет над ларцом своим скупец,
Сочтя остаток оскудевший злата.
Но пел топор в руках у Сатъявана —
И сам он пел стихи из гимна мудрых
О торжестве над злом, попрали смерти
И слал, прервавшись, ей слова любви
И шуток нежных, что любви милее —
Она ж, пантерой, тотчас в них вцеплялась
И уносила их в пещеру сердца.
Но за работой рок его настиг.
Неистовая свора гончих боли
По телу вдруг промчалась, вгрызлась в плоть
Беззвучно, и зашлось дыханье, силясь
Сорвать сдавивший сердце жгучий обруч.
И стихла боль, как хищник, бросив жертву;
В приливе сил, с великим облегченьем,
Вновь бодр и весел, перевел он дух
И труд продолжил, хоть не так искусно

But with less seeing strokes. Now the great woodsman
 115 Hewed at him and his labour ceased: lifting
 His arm he flung away the poignant axe
 Far from him like an instrument of pain.
 She came to him in silent anguish and clasped,
 And he cried to her, "Savitri, a pang
 120 Cleaves through my head and breast as if the axe
 Were piercing it and not the living branch.
 Such agony rends me as the tree must feel
 When it is sundered and must lose its life.
 Awhile let me lay my head upon thy lap
 125 And guard me with thy hands from evil fate:
 Perhaps because thou touchest, death may pass."
 Then Savitri sat under branches wide,
 Cool, green against the sun, not the hurt tree
 Which his keen axe had cloven,—that she shunned;
 130 But leaned beneath a fortunate kingly trunk
 She guarded him in her bosom and strove to soothe
 His anguished brow and body with her hands.
 All grief and fear were dead within her now
 And a great calm had fallen. The wish to lessen
 135 His suffering, the impulse that opposes pain
 [565] Were the one mortal feeling left. It passed:
 Griefless and strong she waited like the gods.
 But now his sweet familiar hue was changed
 Into a tarnished greyness and his eyes
 140 Dimmed over, forsaken of the clear light she loved.
 Only the dull and physical mind was left,
 Vacant of the bright spirit's luminous gaze.
 But once before it faded wholly back,
 He cried out in a clinging last despair,
 145 "Savitri, Savitri, O Savitri,

Вонзая сталь. Но лесоруб вселенский
Теперь его срубил: он покачнулся
И прочь отбросил тягостный топор,
Словно источник собственных мучений.
Она в тоске немой его обвила;
И простонал он: «Савитри, мне больно,
Словно топор с размаху вдруг пронзил
Мне голову и грудь, не ветвь живую.
Так, верно, дерево, безмолвно страждет
Под острым топором, прощаясь с жизнью.
О, дай к тебе я лягу на колени
И прогони рукою грозный рок:
Пусть минет смерть меня в твоих объятьях».
И села Савитри в сени прохладной
Раскидистых ветвей, но не под деревом,
Что ранил он, — того остерегаясь, —
А под другой счастливой гордой кроной,
И мужа обняла, унять стараясь
Руками боль в челе родном и теле.
Вся скорбь, весь страх в ней умерли теперь
И снизошел покой. Утишить муки,
Страданья облегчить — лишь это в ней
Из смертных жило чувств. Прошло и это:
Отбросив горе прочь, она ждала,
Неколебима в богоравной силе.
Но кожи милый цвет уже тускнел,
Мертвея серо, и в глазах его
Погас счастливый свет, услада сердца.
Лишь смутный ум еще боролся в теле,
Утратив духа просветленный взор.
Но, прежде чем замолкнуть навсегда,
Он вскрикнул, заходясь в последней муке:
«Савитри, Савитри, душа моя,

Lean down, my soul, and kiss me while I die.”
And even as her pallid lips pressed his,
His failed, losing last sweetness of response;
His cheek pressed down her golden arm. She sought
150 His mouth still with her living mouth, as if
She could persuade his soul back with her kiss;
Then grew aware they were no more alone.
Something had come there conscious, vast and dire.
Near her she felt a silent shade immense
155 Chilling the noon with darkness for its back.
An awful hush had fallen upon the place:
There was no cry of birds, no voice of beasts.
A terror and an anguish filled the world,
As if annihilation’s mystery
160 Had taken a sensible form. A cosmic mind
Looked out on all from formidable eyes
Contemning all with its unbearable gaze
And with immortal lids and a vast brow
It saw in its immense destroying thought
165 All things and beings as a pitiful dream,
Rejecting with calm disdain Nature’s delight,
The wordless meaning of its deep regard
Voicing the unreality of things
And life that would be for ever but never was
170 And its brief and vain recurrence without cease,
As if from a Silence without form or name
[566] The Shadow of a remote uncaring god
Doomed to his Nought the illusory universe,
Cancelling its show of idea and act in Time
175 And its imitation of eternity.

О, поцелуй меня — я умираю».
И только помертвелыми губами
Она, склонясь, к его губам прижалась,
Уж холодевшим, смолк их сладкий отклик;
Он пал щекой на длань ее златую
И замер. Тщетно вновь она искала
Его уста своими, словно силась
Вновь поцелуем душу в них вдохнуть, —
И поняла вдруг: рядом кто-то есть.
Дыша угрюмой беспросветной жутью,
Пред ней сгустился грозный исполин,
Безмолвной тенью заслоня полдень.
Зловещая повисла тишина:
Все смолкло — пенье птиц и крик зверей.
Ужас и мука обуяли мир,
Словно загадка всеуничтоженья
Вдруг стала зримой. Мрачный ум вселенский
На мир оставил жутких зраков мглу
И все презрел невыносимым взглядом;
Велик челом, из-под бессмертных вежд
Он видел в гибельной гигантской думе
Весь мир, всех тварей в нем лишь горькой грезой,
Природы радость отрицая хладно,
Глася без слов своим бездонным взглядом
О брэнной нереальности вещей
И жизни, грезящей продлиться вечно,
Но обреченной вечно гибнуть вновь, —
Словно из Бездн без имени и формы
Исторгся Мрак, немым бездушным богом:
Небытия овеществленный Призрак,
Он развенчал иллюзию вселенной,
Весь смысл, все действие скорбное Времен
В их тщетном подражанье вечности.

She knew that visible Death was standing there
And Satyavan had passed from her embrace.

End of Canto One

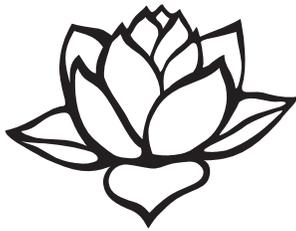
END OF BOOK II

И поняла она, что Смерть сама пред нею,
И Сатьяван усоп в ее объятьях.

Конец Песни первой

КОНЕЦ КНИГИ II

III

КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

III

THE BOOK OF ETERNAL NIGHT

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

К черной Пустоте

Canto One

Towards the Black Void

[571] So was she left alone in the huge wood,
Surrounded by a dim unthinking world,
Her husband's corpse on her forsaken breast.
In her vast silent spirit motionless
5 She measured not her loss with helpless thoughts,
Nor rent with tears the marble seals of pain:
She rose not yet to face the dreadful god.
Over the body she loved her soul leaned out
In a great stillness without stir or voice,
10 As if her mind had died with Satyavan.
But still the human heart in her beat on.
Aware still of his being near to hers,
Closely she clasped to her the mute lifeless form
As though to guard the oneness they had been
15 And keep the spirit still within its frame.
Then suddenly there came on her the change
Which in tremendous moments of our lives
Can overtake sometimes the human soul
And hold it up towards its luminous source.
20 The veil is torn, the thinker is no more:
Only the spirit sees and all is known.
Then a calm Power seated above our brows
Is seen, unshaken by our thoughts and deeds,
Its stillness bears the voices of the world:
25 Immobile, it moves Nature, looks on life.
It shapes immutably its far-seen ends;
Untouched and tranquil amid error and tears
And measureless above our striving wills,
Its gaze controls the turbulent whirl of things.
30 To mate with the Glory it sees, the spirit grows:

ОДНА в глухом лесу она осталась,
Покинута в бездумном смутном мире,
И с мертвым мужем на груди убитой.
Но, замерев в безмолвной шири духа,
Она не сокрушалась над утратой
В бессильных мыслях, не рвала слезами,
Отчаясь, мраморных печатей боли,
Еще не встав на бой с ужасным богом.
Душа ее склонилась над любимым
В великой тишине, немой, недвижимой,
Как будто ум в ней умер с Сатъяваном.
Но все же билось в ней земное сердце.
И, чувствуя его с собою рядом,
Она сжимала крепко прах остывший,
Словно спасти пытаюсь их единство
И удержать в сосуде мертвом дух.
Но вдруг свершилась перемена в ней,
Что в высшие моменты наших жизней
В нас иногда охватывает душу
И в свет ее несет, в исток лучистый.
Покров разъят: мыслителю на смену
Сияет духа взгляд и видит все.
И Сила вещая над нашими челами
Нам предстает: царь наших дум и дел,
Она несет в безмолвье гомон мира,
Недвижная, Природой властно движет,
На жизнь взирает отстраненным оком
И в путь ее влечет к далеким целям;
Не тронута ошибками, слезами,
Безмерна над смятенной нашей волей,
Она смиряет взглядом вихрь вещей.
И дух растет, чтоб с Мощью той сравняться,

The voice of life is tuned to infinite sounds,
[572] The moments on great wings of lightning come
And godlike thoughts surprise the mind of earth.
Into the soul's splendour and intensity
35 A crescent of miraculous birth is tossed,
Whose horn of mystery floats in a bright void.
As into a heaven of strength and silence thought
Is ravished, all this living mortal clay
Is seized and in a swift and fiery flood
40 Of touches shaped by a Harmonist unseen.
A new sight comes, new voices in us form
A body of the music of the Gods.
Immortal yearnings without name leap down,
Large quiverings of godhead seeking run
45 And weave upon a puissant field of calm
A high and lonely ecstasy of will.
This in a moment's depths was born in her.
Now to the limitless gaze disclosed that sees
Things barred from human thinking's earthly lids,
50 The Spirit who had hidden in Nature soared
Out of his luminous nest within the worlds:
Like a vast fire it climbed the skies of night.
Thus were the cords of self-oblivion torn:
Like one who looks up to far heights she saw,
55 Ancient and strong as on a windless summit
Above her where she had worked in her lone mind
Labouring apart in a sole tower of self,
The source of all which she had seemed or wrought,
A power projected into cosmic space,
60 A slow embodiment of the aeonic will,
A starry fragment of the eternal Truth,
The passionate instrument of an unmoved Power.

И жизнь поет безбрежности созвучьем,
Мгновенья мчат на властных крыльях молний
И мысль богов волнует разум бранный.
В лучистой окрыленности души
Мерцает месяц чудного рожденья,
Рожком волшебным рея в светлой выси.
Мысль словно в небо силы и безмолвья
Восхищена; из нашей грубой глины
В огне стремительных прикосновений
Иных гармоний возникает стройность,
Творимая Ваятелем незримым;
Иначе видим мы, гласы иные
В нас воплощают музыку Богов.
Бессмертные наитья мчатся свыше,
Безвестный вихрь стремлений к божеству,
И ткут в могучих ширях тишины
Экстаз высокой воли одинокий.
Вот что родилось в ней в глубинный миг.
Теперь, явясь очам бескрайним, зрящим
То, что затмили вежды смертных дум,
Заветный Дух, в Природе скрытый, взмыл
Из светлого гнезда в глуби миров,
Огнем великокрылым вторгшись в небо ночи.
И лопнули самозабвенья узы:
Словно в далеких высях, ей открылась —
Как на безмолвном пике древней мощью,
Над низшей разобщенностью ума
В трудах высоких в башне гордой духа,
Исток всех дел ее и всех обличий —
Сила, ниспосланная в ширь вселенной,
Воля, что медленно растет в столетьях,
Звезда-частица Истины предвечной,
Незыбной Силы пылкое орудье.

A Presence was there that filled the listening world;
 A central All assumed her boundless life.
 65 A sovereignty, a silence and a swiftness,
 One brooded over abysses who was she.
 As in a choric robe of unheard sounds
 [573] A Force descended trailing endless lights;
 Linking Time's seconds to infinity,
 70 Illimitably it girt the earth and her:
 It sank into her soul and she was changed.
 Then like a thought fulfilled by some great word
 That mightiness assumed a symbol form:
 Her being's spaces quivered with its touch,
 75 It covered her as with immortal wings;
 On its lips the curve of the unuttered Truth,
 A halo of Wisdom's lightnings for its crown,
 It entered the mystic lotus in her head,
 A thousand-petalled home of power and light.
 80 Immortal leader of her mortality,
 Doer of her works and fountain of her words,
 Invulnerable by Time, omnipotent,
 It stood above her calm, immobile, mute.

All in her mated with that mighty hour,
 85 As if the last remnant had been slain by Death
 Of the humanity that once was hers.
 Assuming a spiritual wide control,
 Making life's sea a mirror of heaven's sky,
 The young divinity in her earthly limbs
 90 Filled with celestial strength her mortal part.
 Over was the haunted pain, the rending fear:
 Her grief had passed away, her mind was still,

Присутствие, что полнит мир молящий,
Царило там: вселенной средоточье
Ее объяло безграничной жизнью.
Всевластием, безмолвьем, быстротой,
Некто взирал с высот в ее бездонность.
Как в платье хоровом неслышных звуков,
В безбрежных свѣтах свыше лилась Сила;
Связав мгновенья с бесконечностью,
Ее и землю препоясав мощью,
Она вошла ей в сердце и коснулась
Глубин души, все изменяя в смертной.
Как мысль нисходит в мир великим словом,
Та мощь предстала в символичной форме,
Все существо ее обняв собою,
Укрыв ее бессмертьем крыл своих:
В венце из молний Мудрости пресветлой
С огнем безмолвных Истин на устах
В заветный лотос в голове у смертной
Она сошла — в тысячелепестковый
Храм силы, света — и над ней восстала,
Тиха, недвижна, — вождь ее бессмертный,
Вершитель дел ее, источник слов,
Неуязвима в тленье, всемогуща.

Все должным стало в ней в тот час могучий,
Словно бы Смертью в смертной был убит
Природы человеческой остаток.
Все существо объяла духа власть,
Вся жизнь лишь морем отражала небо:
В земном сосуде юная богиня
Налила вышней силой бранный остов.
Ушли терзанья страха, муки боли:
Исчезла скорбь, и стих покойно разум,

Her heart beat quietly with a sovereign force.
There came a freedom from the heart-strings' clutch,
95 Now all her acts sprang from a godhead's calm.
Calmly she laid upon the forest soil
The dead who still reposed upon her breast
And bore to turn away from the dead form:
Sole now she rose to meet the dreadful god.
100 That mightier spirit turned its mastering gaze
On life and things, inheritor of a work
Left to it unfinished from her halting past,
[574] When yet the mind, a passionate learner, toiled
And ill-shaped instruments were crudely moved.
105 Transcended now was the poor human rule;
A sovereign power was there, a godlike will.
A moment yet she lingered motionless
And looked down on the dead man at her feet;
Then like a tree recovering from a wind
110 She raised her noble head; fronting her gaze
Something stood there, unearthly, sombre, grand,
A limitless denial of all being
That wore the terror and wonder of a shape.
In its appalling eyes the tenebrous Form
115 Bore the deep pity of destroying gods;
A sorrowful irony curved the dreadful lips
That speak the word of doom. Eternal Night
In the dire beauty of an immortal face
Pitying arose, receiving all that lives
120 For ever into its fathomless heart, refuge
Of creatures from their anguish and world-pain.
His shape was nothingness made real, his limbs
Were monuments of transience and beneath

Державной мощью ровно билось сердце.
Пришла свобода от сердечных уз,
В покое божества рождались все деянья.
Спокойно в негу трав она спустила
С груди своей усопшего супруга
И оторвала взгляд от мертвых черт,
Чтоб стать лицом к лицу с ужасным богом.
В ней высший дух простер свой взор всевластный
На жизнь и мир, приняв в наследство труд
Несделанный ее застывшим прошлым,
Когда еще пытливый ум трудился страстно
И грубо двигались незрелые орудья.
Но воля божества, всевластной силой,
Теперь превозмогла пределы смертной.
На миг застыв, она обняла взглядом
Супруга прах, у ног ее лежавший,
И словно древо, распрямясь от ветра,
Главу подняла гордо; перед нею
Темнел нездешний грандиозный образ,
Безмерным отрицаньем бытия,
Внушавшим ужас мрачным исполином.
Угрюмый Лик предстал, в чьих жутких зраках
Зияла жалость смертоносной Силы,
Сочувствие всегубящих богов;
Насмешкой горькой гнулся страшный рот,
С чьих уст глаголил рок. Извечный Мрак
В смертельной красоте бессмертных черт
Восстал, приемля скорбно все живое
Навеки в бездну сердца своего
В сочувствии ко всем — прибегающий последний
Всех тварей от мучений в мире боли.
Он возвышался монументом тленью,
Небытием, стяжавшим плоть, воззрившись

- Brows of unwearying calm large godlike lids
125 Silent beheld the writhing serpent, life.
Unmoved their timeless wide unchanging gaze
Had seen the unprofitable cycles pass,
Survived the passing of unnumbered stars
And sheltered still the same immutable orbs.
- 130 The two opposed each other with their eyes,
Woman and universal god: around her,
Piling their void unbearable loneliness
Upon her mighty unaccompanied soul,
Many inhuman solitudes came close.
- 135 Vacant eternities forbidding hope
Laid upon her their huge and lifeless look,
And to her ears, silencing earthly sounds,
A sad and formidable voice arose
- [575] Which seemed the whole adverse world's. "Unclasp", it cried,
140 "Thy passionate influence and relax, O slave
Of Nature, changing tool of changeless Law,
Who vainly writh'st rebellion to my yoke,
Thy elemental grasp; weep and forget.
Entomb thy passion in its living grave.
- 145 Leave now the once-loved spirit's abandoned robe:
Pass lonely back to thy vain life on earth."
It ceased, she moved not, and it spoke again,
Lowering its mighty key to human chords,—
Yet a dread cry behind the uttered sounds,
- 150 Echoing all sadness and immortal scorn,
Moaned like a hunger of far wandering waves.
"Wilt thou for ever keep thy passionate hold,
Thyself a creature doomed like him to pass,
Denying his soul death's calm and silent rest?"

Из-под великих вежд в покое вечном,
Бессмертен, нем, на корчи тварной жизни.
Непреходящий неподвижный взгляд
Царил над колесом эпох бесплодных,
Взирал, как, вспыхнув, гаснут сонмы звезд,
Но сам не мерк, повелевая тленьем.
И встретились противники глазами —
Вселенский бог и женщина: вокруг смертной,
Пытая одиночеством безмерным
Ее единоборский стойкий дух,
Бесчеловечных бездн теснилась близость.
Пустые вечности, губя надежду,
Гнели ее бездонным мертвым взглядом,
И у нее в ушах, сметя земные звуки,
Печальный, страшный раскатился глас,
Словно бы целый мир враждебный вскрикнул: «Отпусти
Объятья цепких чувств, смирись, раба
Природы, с волей вечного Закона:
Не корчись тщетно под моим ярмом,
В безумной страсти не бунтуй над мертвым;
Оставь его; оплачь и позабуди.
Зарой в могиле сердца страсть свою.
Брось этот прах — изношенный покров
Души того, кого ты отлюбила:
Вернись одна к земной напрасной жизни».
Он смолк. Она не двигалась и вновь
Он грянул — жуткий вопль, обретший речь,
Хоть снизив грозный тон до смертных нот,
В стенаньях — алчный вой далеких волн —
Излил всю скорбь, все вечное презренье.
«Иль хочешь ты навек продлить свои объятья,
Сама — создание бренное, как он,
Не дав его душе почить в покое смерти?»

- 155 Relax thy grasp; this body is earth's and thine,
 His spirit now belongs to a greater power.
 Woman, thy husband suffers." Savitri
 Drew back her heart's force that clasped his body still
 Where from her lap renounced on the smooth grass
- 160 Softly it lay, as often before in sleep
 When from their couch she rose in the white dawn
 Called by her daily tasks: now too, as if called,
 She rose and stood gathered in lonely strength,
 Like one who drops his mantle for a race
- 165 And waits the signal, motionlessly swift.
 She knew not to what course: her spirit above
 On the crypt-summit of her secret form
 Like one left sentinel on a mountain crest,
 A fiery-footed splendour puissant-winged,
- 170 Watched flaming-silent, with her voiceless soul
 Like a still sail upon a windless sea.
 White passionless it rode, an anchored might,
 Waiting what far-ridged impulse should arise
 Out of the eternal depths and cast its surge.
- [576] 175 Then Death the king leaned boundless down, as leans
 Night over tired lands, when evening pales
 And fading gleams break down the horizon's walls,
 Nor yet the dusk grows mystic with the moon.
 The dim and awful godhead rose erect
- 180 From his brief stooping to his touch on earth,
 And, like a dream that wakes out of a dream,
 Forsaking the poor mould of that dead clay,
 Another luminous Satyavan arose,
 Starting upright from the recumbent earth

Пусти его; лишь этот бранный прах
Теперь принадлежит тебе с землею,
Но дух его — добыча большей силы.
Не мучай мужа, женщина». И Савитри
Родное тело отпустила сердцем,
Что, от груди отторгнуто любимой,
Покоилось теперь на мягких травах —
Так он, бывало, спал, когда с их ложа
Она вставала с белою зарей
По зову дел; и вот, словно по зову,
Она поднялась, встав единой силой,
Как спринтер, что накидку сбросил с плеч,
И старта ждет, стремительно-недвижен —
Куда — она не знала: дух ее
С укромных круч ее заветной формы,
Словно последний страж на горном кряже,
В красе могучекрылой, огненог,
Взирал, безмолвно-пламенный, на душу,
Что шхуной замерла в недвижимом море:
В безбрежье став на якоре незыбном,
Бесстрастна и бела, она ждала
Волны далековспененной, что вспрянет
Из вечных бездн и в путь помчит ее.
И Смерти царь приник безмерным мраком
К земле, как сходит ночь на край усталый,
Когда, сломав горизонт, закат тускнеет
И тьму луна еще не красит чудью.
Вновь распрявился мрачный грозный бог
От краткого к земле прикосновенья,
И словно сон, очнувшийся от сна,
Покинув жалкий остов мертвой плоти,
Иной, лучистый Сатьяван возник
И взмыл свечою от земли простертой —

- 185 As if someone over viewless borders stepped
 Emerging on the edge of unseen worlds.
 In the earth's day the silent marvel stood
 Between the mortal woman and the god.
 Such seemed he as if one departed came
- 190 Wearing the light of a celestial shape
 Splendidly alien to the mortal air.
 The mind sought things long loved and fell back foiled
 From unfamiliar hues, beheld yet longed,
 By the sweet radiant form unsatisfied,
- 195 Incredulous of its too bright hints of heaven;
 Too strange the brilliant phantasm to life's clasp
 Desiring the warm creations of the earth
 Reared in the ardour of material suns,
 The senses seized in vain a glorious shade:
- 200 Only the spirit knew the spirit still,
 And the heart divined the old loved heart, though changed.
 Between two realms he stood, not wavering,
 But fixed in quiet strong expectancy,
 Like one who, sightless, listens for a command.
- 205 So were they immobile on that earthly field,
 Powers not of earth, though one in human clay.
 On either side of one two spirits strove;
 Silence battled with silence, vast with vast.
 But now the impulse of the Path was felt
- 210 Moving from the Silence that supports the stars
 [577] To touch the confines of the visible world.
 Luminous he moved away; behind him Death
 Went slowly with his noiseless tread, as seen
 In dream-built fields a shadowy herdsman glides
- 215 Behind some wanderer from his voiceless herds,
 And Savitri moved behind eternal Death,
 Her mortal pace was equalled with the god's.

Так, преступив незримые границы,
На край иных миров выходит странник.
Безмолвным дивом в свете дня земного,
Он стал меж смертной женщиной и богом —
Словно усопший вдруг явился взгляду
Из света неба в облике нездешнем,
Великолепно чужд в пределах бранных.
Разум искал любимых черт, но тщетно,
Не утолен сияньем незнакомым,
Не веря слишком явным формам неба;
Был чужд фантом блестящий хватке жизни,
Привыкшей к теплым существам земли,
Взращенным жаром материальных солнц:
Ни с чем оставил чувства призрак чудный
И только дух узнал как прежде дух
И сердце прикасалось с прежним сердцем
Любимым, хоть иным в ином обличье.
Меж двух миров застыл он, не колеблясь,
В покойном ожидании могучем,
Словно слепец, чей слух команды ждет.
Так замерли они на той земной поляне,
Силы нездешние, хотя одна и в брэнном прахе.
Два духа с двух сторон за третий бились,
Безмолвие — с безмолвьем, с ширью — ширь.
Но зов Пути все ж ныне брал свое —
Прочь из Безмолвья, что несет светила,
Вперед к пределам видимого мира.
Он удалялся в свете, Смерть — за ним
Бесшумным зыбким шагом — так во сне
Скользит пастух по призрачному полю
За агнцем, что от стад немых отбился;
А Савитри брела за вечным богом,
И смертной шаг был равен шагу Смерти.

Wordless she travelled in her lover's steps,
 Planting her human feet where his had trod,
 220 Into the perilous silences beyond.

At first in a blind stress of woods she moved
 With strange inhuman paces on the soil,
 Journeying as if upon an unseen road.
 Around her on the green and imaged earth
 225 The flickering screen of forests ringed her steps;
 Its thick luxurious obstacle of boughs
 Besieged her body pressing dimly through
 In a rich realm of whispers palpable,
 And all the murmurous beauty of the leaves
 230 Rippled around her like an emerald robe.
 But more and more this grew an alien sound,
 And her old intimate body seemed to her
 A burden which her being remotely bore.
 Herself lived far in some uplifted scene
 235 Where to the trance-claimed vision of pursuit,
 Sole presences in a high spaceless dream,
 The luminous spirit glided stilly on
 And the great shadow travelled vague behind.
 Still with an amorous crowd of seeking hands
 240 Softly entreated by their old desires
 Her senses felt earth's close and gentle air
 Cling round them and in troubled branches knew
 Uncertain treadings of a faint-foot wind:
 She bore dim fragrances, far callings touched;
 245 The wild bird's voice and its winged rustle came
 [578] As if a sigh from some forgotten world.
 Earth stood aloof, yet near: round her it wove
 Its sweetness and its greenness and delight,
 Its brilliance suave of well-loved vivid hues,

Вслед за любимым шла она в неизвестность,
Без слов ступая по его следам,
В иных вселенных грозные безмолвья.

Сначала сквозь слепую гущу леса
Она влеклась нездешним странным шагом,
Словно ступая по тропе незримой.
Завеса зыбких зарослей лесных
Пред ней вставала грезой зеленой;
Сквозь мягкую преграду пышных крон,
Что льнули к ней, она вперед стремилась
В прикосновениях шорохов несметных,
И вся краса лепечущей листвы
Вилась вокруг тела изумрудным платьем.
Но вскоре звук тот стал казаться чуждым
И плоть ее привычная предстала
Лишь ношей, издали душой влекомой.
Она жила в неизвестной вышней сцене,
Где взору уводившей в транс погони
Затерянные в грезе вне пространства
Виднелись светлый дух, скользивший немо,
И сзади — мрачный бог, бредущий смутно.
Но трепетные длани чувств ее
Любовным сонмом ищущих перстов
В ответ на нежный стон желаний прежних
Земной ловили близкий теплый воздух
И чуяли в шептаньи крон смятенных
Нетвердый робкий лепет ветерка,
Далеким зовам, ароматам смутным
Внимали, птичий писк и порх крылатый
Вбирали будто вздох страны забытой.
Земля, хоть отступив, осталась рядом,
Ее обняв своим зеленым счастьем,

- 250 Sunlight arriving to its golden noon,
And the blue heavens and the caressing soil.
The ancient mother offered to her child
Her simple world of kind familiar things.
But now, as if the body's sensuous hold
- 255 Curbing the godhead of her infinite walk
Had freed those spirits to their grander road
Across some boundary's intangible bar,
The silent god grew mighty and remote
In other spaces, and the soul she loved
- 260 Lost its consenting nearness to her life.
Into a deep and unfamiliar air
Enormous, windless, without stir or sound
They seemed to enlarge away, drawn by some wide
Pale distance, from the warm control of earth
- 265 And her grown far: now, now they would escape.
Then flaming from her body's nest alarmed
Her violent spirit soared at Satyavan.
Out mid the plunge of heaven-surrounded rocks
So in a terror and a wrath divine
- 270 From her eyrie streams against the ascending death,
Indignant at its crouching point of steel,
A fierce she-eagle threatened in her brood,
Borne on a rush of puissance and a cry,
Outwinging like a mass of golden fire.
- 275 So on a spirit's flaming outrush borne
She crossed the borders of dividing sense;
Like pale discarded sheaths dropped dully down
Her mortal members fell back from her soul.
A moment of a secret body's sleep,
- 280 Her trance knew not of sun or earth or world;
Thought, time and death were absent from her grasp:
[579] She knew not self, forgotten was Savitri.

И живостью призывной милых красок,
И синевой небес, и негой трав.
В свой безыскусный мир знакомых благ
Мать древняя звала свое дитя.
Но, словно сбросив узы чувств телесных,
Связавших шаг безмерный божества,
Те духи уж влеклись в свой большой путь,
Перешагнув рубеж неисследимый:
Безмолвный бог возрос громадой чуждой
В дали иной, и дух, любимый ею,
Утратил близость жизни, ей родной.
В бездонных незнакомых воздухах,
Громадных, неколеблемых, беззвучных,
Они, казалось, таяли, крупнея,
Словно утянутые бледной далью
Прочь от присмотра теплого земли
И от нее: вот, вот они исчезнут...
Но словно вспугнут из гнезда во плоти,
Взмыл ярый дух ее за Сатьяваном —
Как в бездну меж объятых небом скал,
Божественная в ужасе и гневе,
Взъярясь на грозно блещущий клинок,
Бросается орлица за птенцов
На бой со смертью, лезущей по круче,
Окрылена неистовством и криком,
Вонзаясь в синь золотым снопом огня.
Так пламенем взметнулся дух ее
Из сферы обособившихся чувств;
Словно иссохший кожух рухнул глухо,
С души ее опали кровы смертной.
В мгновенье сна в безвестном тайном теле,
Не помня в трансе солнце, землю, мир,
Саму себя забыла Савитри:

All was the violent ocean of a will
Where lived captive to an immense caress,
285 Possessed in a supreme identity,
Her aim, joy, origin, Satyavan alone.
Her sovereign prisoned in her being's core,
He beat there like a rhythmic heart,—herself
But different still, one loved, enveloped, clasped,
290 A treasure saved from the collapse of space.
Around him nameless, infinite she surged,
Her spirit fulfilled in his spirit, rich with all Time,
As if Love's deathless moment had been found,
A pearl within eternity's white shell.
295 Then out of the engulfing sea of trance
Her mind rose drenched to light streaming with hues
Of vision and, awake once more to Time,
Returned to shape the lineaments of things
And live in borders of the seen and known.
300 Onward the three still moved in her soul-scene.
As if pacing through fragments of a dream,
She seemed to travel on, a visioned shape
Imagining other musers like herself,
By them imagined in their lonely sleep.
305 Ungrasped, unreal, yet familiar, old,
Like clefts of unsubstantial memory,
Scenes often traversed, never lived in, fled
Past her unheeding to forgotten goals.
In voiceless regions they were travellers
310 Alone in a new world where souls were not,
But only living moods: a strange hushed weird

Мысль, время, смерть — все скрылось от нее;
Все стало океаном пылким воли,
В котором жил, безбрежной ласки пленник,
Захвачен высочайшим единеньем,
Лишь Сатьяван — ее исток, цель, радость.
Ее властитель, суть ее души,
Он сердцем бился в ней — он ею был
И все ж — собой, любим, храним, лелеем,
Бриллиант, спасенный в гибели пространства.
Вокруг него, неизвестна, беспредельна,
Она простерлась, охватив все Время,
В душе его исполнившись душою:
Как дивный перл, Любви бессмертный миг
Раскрыла вечность, раковиной белой.
Но вот из поглотившей бездны транса
Всплыл ум ее утопший к зыбким светам
Виденья, чтоб, вернувшись вновь во Время,
Чертить себе обличия вещей
И жить в пределах ведомых и видных.
Все дальше трое шли в ее души пространстве.
Словно шагая сквозь обрывки сна,
Она влеклась вперед — туманный образ,
Пригрезивший других себе подобных
И грезящийся им во сне пустынном.
Бесплотны, зыбки, но давно знакомы,
Словно просветы в памяти укромной,
Родные, но непрожитые сцены
К забытым целям смутно плыли мимо.
Их путь лежал теперь в безгласных царствах
Одни в том мире, где не души жили,
Но рой теней: чужой, застывший, странный
Был край вокруг под странным чуждым небом

Country was round them, strange far skies above,
 A doubting space where dreaming objects lived
 Within themselves their one unchanged idea.
 315 Weird were the grasses, weird the treeless plains;
 Weird ran the road which like fear hastening
 Towards that of which it has most terror, passed
 [580] Phantasmal between pillared conscious rocks
 Sombre and high, gates brooding, whose stone thoughts
 320 Lost their huge sense beyond in giant night.
 Enigma of the Inconscient's sculptural sleep,
 Symbols of the approach to darkness old
 And monuments of her titanic reign,
 Opening to depths like dumb appalling jaws
 325 That wait a traveller down a haunted path
 Attracted to a mystery that slays,
 They watched across her road, cruel and still;
 Sentinels they stood of dumb Necessity,
 Mute heads of vigilant and sullen gloom,
 330 Carved muzzle of a dim enormous world.
 Then, to that chill sere heavy line arrived
 Where his feet touched the shadowy marches' brink,
 Turning arrested luminous Satyavan
 Looked back with his wonderful eyes at Savitri.
 335 But Death pealed forth his vast abysmal cry:
 "O mortal, turn back to thy transient kind;
 Aspire not to accompany Death to his home,
 As if thy breath could live where Time must die.
 Think not thy mind-born passion strength from heaven
 340 To uplift thy spirit from its earthly base
 And, breaking out from the material cage,

Пространство-греза, где предметы-грезы
В себе лишь жили, вечно неизменны.
Чужие травы на равнинах голых,
Чужое небо в отстраненной мгле,
И чуждо путь петлял: как страх, спешащий
К тому, что так страшит его, скользнул он,
Как сон, меж недреманных скал-столпов,
Громад угрюмых — врат, чьи думы-камни
Тонули мыслью тяжелой в безднах ночи.
Скульптуры сна-загадки Несознания,
Знаменья рубежей извечной тьмы,
Ее гигантской власти монументы,
Отверзнув, жуткой пастью, бездны зев,
Что ждет скитальца на пути гонимом,
Влекомого в губительную глубь,
Они взнеслись во тьме, застыв свирепо,
Дозором грозным на ее пути;
Как стражи Невозможности глухой,
Воздвиглись бдящей мглы немые главы,
Громадным, грубо вырубленным жерлом
В безвидный мрак чудовищного мира.
На тяжелой хладно-мертвенной границе,
Стопой коснувшись берега мрачных ширей,
Вдруг обернулся Сатьяван лучистый
И, скованный, взглянул на Савитри.
Но грянул Смерти рык набатом бездны:
«О смертная, вернись в свой бранный мир;
Не грезь вступить за Смертью в царство Смерти
И выжить там, где даже Время гибнет.
Не мни, что страсть твоя, как сила неба,
Взнесет твой дух с его земной основы

To upbuoy thy feet of dream in groundless Nought
 And bear thee through the pathless infinite.
 Only in human limits man lives safe.
 345 Trust not in the unreal Lords of Time,
 Immortal deeming this image of thyself
 Which they have built on a Dream's floating ground.
 Let not the dreadful goddess move thy soul
 To enlarge thy vehement trespass into worlds
 350 Where it shall perish like a helpless thought.
 Know the cold term-stones of thy hopes in life.
 Armed vainly with the Ideal's borrowed might,
 Dare not to outstep man's bound and measured force:
 [581] Ignorant and stumbling, in brief boundaries pent,
 355 He crowns himself the world's mock suzerain,
 Tormenting Nature with the works of Mind.
 O sleeper, dreaming of divinity,
 Wake trembling mid the indifferent silences
 In which thy few weak chords of being die.
 360 Impermanent creatures, sorrowful foam of Time,
 Your transient loves bind not the eternal gods."
 The dread voice ebbed in the consenting hush
 Which seemed to close upon it, wide, intense,
 A wordless sanction from the jaws of Night.
 365 The Woman answered not. Her high nude soul,
 Stripped of the girdle of mortality,
 Against fixed destiny and the grooves of law
 Stood up in its sheer will a primal force.
 Still like a statue on its pedestal,
 370 Lone in the silence and to vastness bared,

И, вырвавшись из клетки материальной,
Помчит тебя в безмерности пустой,
На стопах грез — в Небытии бесплотном.
Лишь в собственных пределах дышит смертный.
Не верь Владыкам призрачным Времен,
Считая вечным этот образ свой,
Что соткан ими из эфира Грезы.
Не позволяй увлечь богине грозной
Твой дух в безумьи преслушанья в сферы,
Где сгинет он как трепетная мысль.
Узри своих надежд могильный камень.
С оружием тщетной силы Идеала
Не преступай вам отведенной власти:
Незряч, убог, пленен в оковах бранных,
Себя возмнил венцом творенья смертный
И, мира смехотворный сюзерен,
Умом пытливым мучает Природу.
Очнись, развеи свой сон о божестве
И встрепещи средь безучастных тишей,
Где молкнет стон последний струн сердечных,
Где ты исчезнешь, призрак бытия.
Вы, бранные созданья, горький прах,
Любови ваши — не указ богам извечным».
И скрылся жуткий глас в тиши союзной,
Словно в пучине, что за ним сомкнулась,
Как приговор немой из пасти Ночи.
Но Женщина молчала. Светоч воли,
Ее душа, лишась покровов тленья,
Противостав судьбе, ярму закона,
Воздвиглась, властью первородной силы.
Застыв, как статуя на пьедестале,
Пред онемевшей бездной одинока,

Against midnight's dumb abysses piled in front
A columned shaft of fire and light she rose.

End of Canto One

Наперекор пучинам тьмы полночной
Она пылала, столп огня и света.

Конец Песни первой

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

**Странствие в вечной Ночи
и Глас Мрака**

Canto Two

**The Journey in Eternal Night
and the Voice of the Darkness**

[582] Awhile on the chill dreadful edge of Night
All stood as if a world were doomed to die
And waited on the eternal silence' brink.
Heaven leaned towards them like a cloudy brow
5 Of menace through the dim and voiceless hush.
As thoughts stand mute on a despairing verge
Where the last depths plunge into nothingness
And the last dreams must end, they paused; in their front
Were glooms like shadowy wings, behind them, pale,
10 The lifeless evening was a dead man's gaze.
Hungry beyond, the night desired her soul.
But still in its lone niche of templed strength
Motionless, her flame-bright spirit, mute, erect,
Burned like a torch-fire from a windowed room
15 Pointing against the darkness' sombre breast.
The Woman first affronted the Abyss
Daring to journey through the eternal Night.
Armoured with light she advanced her foot to plunge
Into the dread and hueless vacancy;
20 Immortal, unappalled, her spirit faced
The danger of the ruthless eyeless waste.
Against night's inky ground they stirred, moulding
Mysterious motion on her human tread,
A swimming action and a drifting march
25 Like figures moving before eyelids closed:
All as in dreams went slipping, gliding on.
The rock-gate's heavy walls were left behind;
As if through passages of receding time
Present and past into the Timeless lapsed;
30 Arrested upon dim adventure's brink,
[583] The future ended drowned in nothingness.

ПРЕД жуткой ледящей бездной Ночи
Все стихло, будто мир, готовясь согнуться,
Застыл на бреге вечного безмолвья.

Над ними в тусклой мертвой тишине
Зловеще неба хмурилась гримаса.
Как стынет мысль на гибельном краю
Небытия — конца последних глубей,
Последних грез, — их замер путь: пред ними
Крыла клубила мгла — лишь сзади, бледный,
Гас вечер-призрак, взглядом мертвеца.
А дальше душу алчно ждала ночь.
Но в сердце смертной, словно в храме силы,
Как факел, дух ее неугасимый
Пылал, безмолвен, прям, сквозь очи-окна
Вонзаясь мраку в сумрачную грудь.
И Женщина ступила первой в Бездну,
Дерзнув оспорить царство вечной Ночи.
В доспехе света, утонув стопами
В чудовищной бесцветной пустоте,
Неустрашен, бессмертный дух ее
Проник в безжалостность безглазой шири.
В чернильной тьме как призраки скользя
За нею вслед в таинственном движеньи,
Словно гребя в воде иль веясь зыбко,
Они, подобно снам, влеклись во мглу,
Как пятна, что плывут в глазах смеженных.
Сомкнулись сзади скалы тяжких врат;
Словно сквозь бреши в пелене времен
Сметённой, настоящее, бывшее,
Развеясь, скрылись во Вневременьи;
И будущее обратилось в небыть,
Почив на бреге странствия во тьму.

Amid collapsing shapes they wound obscure;
The fading vestibules of a tenebrous world
Received them, where they seemed to move and yet
35 Be still, nowhere advancing yet to pass,
A dumb procession a dim picture bounds,
Not conscious forms threading a real scene.
A mystery of terror's boundlessness,
Gathering its hungry strength the huge pitiless void
40 Surrounded slowly with its soundless depths,
And monstrous, cavernous, a shapeless throat
Devoured her into its shadowy strangling mass,
The fierce spiritual agony of a dream.
A curtain of impenetrable dread,
45 The darkness hung around her cage of sense
As, when the trees have turned to blotted shades
And the last friendly glimmer fades away,
Around a bullock in the forest tied
By hunters closes in no empty night.
50 The thought that strives in the world was here unmade;
Its effort it renounced to live and know,
Convinced at last that it had never been;
It perished, all its dream of action done:
This clotted cypher was its dark result.
55 In the smothering stress of this stupendous Nought
Mind could not think, breath could not breathe, the soul
Could not remember or feel itself; it seemed
A hollow gulf of sterile emptiness,
A zero oblivious of the sum it closed,
60 An abnegation of the Maker's joy
Saved by no wide repose, no depth of peace.
On all that claims here to be Truth and God
And conscious self and the revealing Word

Средь смуты распадающихся форм
В ночь, в никуда они, кружась, тонули.
В темнеющих преддверьях мира мрака,
Скрываясь с глаз, влеклись они, но будто
Застыли, то ли мчась, то ли покоясь, —
Как рой теней на тусклом полотне,
А не фигуры из реальной сцены.
В мистории своей безмерной жути
Гигантская безжалостная бездна,
Сгущаясь алчной силой пустоты,
Обволокла ее беззвучной глубиью
И непроглядной ненасытной глоткой
Сглотнула, удушая мглою душу
В неистовой агонии мечты.
Непроницаемой завесой страха,
На клетку чувств ее ниспала тьма —
Так, наполняя лес ордой теней,
Гася последней дружественный отсвет,
Вокруг вола, что привязали в чаще
Охотники, теснится хищно мрак.
Здесь мысль, что в мире трудится, избылась;
Оставив все попытки жить и знать,
Уверясь в нереальности своей,
Покончив с грезой дел, она почилла:
Тот сгусток небыти был ей итогом мрачным.
Под гнетом душащим Небытия
Жизнь не могла дышать, ум — мыслить, и душа
Не помнила себя, но лишь казалась
Зияющей стерильной пустотой,
Нулем, забывшим сумму, что итожил,
Ниспроверженьем радости Творца,
Что не спасла глубь мира, ширь покоя.
На все, что славит Истину и Бога,
Сознательную личность, Слово свыше,

- And the creative rapture of the Mind
65 And Love and Knowledge and heart's delight, there fell
The immense refusal of the eternal No.
[584] As disappears a golden lamp in gloom
Borne into distance from the eyes' desire,
Into the shadows vanished Savitri.
70 There was no course, no path, no end or goal:
Visionless she moved amid insensible gulfs,
Or drove through some great black unknowing waste,
Or whirled in a dumb eddy of meeting winds
Assembled by the titan hands of Chance.
75 There was none with her in the dreadful Vast:
She saw no more the vague tremendous god,
Her eyes had lost their luminous Satyavan.
Yet not for this her spirit failed, but held
More deeply than the bounded senses can
80 Which grasp externally and find to lose,
Its object loved. So when on earth they lived
She had felt him straying through the glades, the glades
A scene in her, its clefts her being's vistas
Opening their secrets to his search and joy,
85 Because to jealous sweetness in her heart
Whatever happy space his cherished feet
Preferred, must be at once her soul embracing
His body, passioning dumbly to his tread.
But now a silent gulf between them came
90 And to abysmal loneliness she fell,
Even from herself cast out, from love remote.
Long hours, since long it seems when sluggish time
Is measured by the throbs of the soul's pain,
In an unreal darkness empty and drear
95 She travelled treading on the corpse of life,
Lost in a blindness of extinguished souls.

И Мысли созидательный восторг,
И Мудрость, и Любовь, и сердца радость, — пало
Извечного всеотрицанья «Нет».
Как тает в темноте златой светильник,
От глаз молящих уносимый вдаль,
Во мгле теней исчезла Савитри.
Утратив курс и путь, конец и цель,
Вслепую шла она в бездумных безднах,
Влеклась в великой беспросветной шири,
Кружилась в буйстве борющихся вихрей,
Что разметал гигантской дланью Случай.
Она была одна в Пустыне жуткой:
Сокрылся смутный грандиозный бог,
Из глаз растаял Сатъяван лучистый.
Но дух ее не дрогнул, удержав
В глубинах, недоступных бранным чувствам,
Что внешнее объемлют, чтоб утратить,
Предмет любви. Так в жизни их земной
Он, словно в ней, скитался по полянам,
Что, будто уголки ее души,
Ему дарили сладость тайн счастливых —
Ведь с радостью ревнивой сердце в ней,
Куда б он ни ступил стопою милой,
Спешило охватить душою страстной
Его движенья, каждый шаг его.
Теперь же между ними стыла бездна,
Где канула она, одна в пучине,
Лишась себя, лишась своей любви.
Часами долгими, ведь долго длятся
Часы, что мерит пульс душевных мук,
В пустой и мрачной нереальной тьме
Она брела по трупу мертвой жизни,
Теряясь в слепоте истлевших душ.

Solitary in the anguish of the void
She lived in spite of death, she conquered still;
In vain her puissant being was oppressed:
100 Her heavy long monotony of pain
Tardily of its fierce self-torture tired.
At first a faint inextinguishable gleam,
[585] Pale but immortal, flickered in the gloom
As if a memory came to spirits dead,
105 A memory that wished to live again,
Dissolved from mind in Nature's natal sleep.
It wandered like a lost ray of the moon
Revealing to the night her soul of dread;
Serpentine in the gleam the darkness lolled,
110 Its black hoods jewelled with the mystic glow;
Its dull sleek folds shrank back and coiled and slid,
As though they felt all light a cruel pain
And suffered from the pale approach of hope.
Night felt assailed her heavy sombre reign;
115 The splendour of some bright eternity
Threatened with this faint beam of wandering Truth
Her empire of the everlasting Nought.
Implacable in her intolerant strength
And confident that she alone was true,
120 She strove to stifle the frail dangerous ray;
Aware of an all-negating immensity
She reared her giant head of Nothingness,
Her mouth of darkness swallowing all that is;
She saw in herself the tenebrous Absolute.
125 But still the light prevailed and still it grew,
And Savitri to her lost self awoke;

Покинутая в муке пустоты,
Она дышала, побеждая смерть,
Живая вопреки небытию;
Они душили тщетно силу в ней.
И постепенно монотонность боли
Неистойвой терзать себя устала.
Сначала бледный негасимый луч,
Слаб, но бессмертен, замерцал во мгле,
Словно вернулась память к мертвым духам —
Память, желавшая воскреснуть снова,
Хоть стертая Природы сном исконным.
Он ожил, зыбким отблеском луны,
Являя ночи жуть ее души:
Змеясь, лениво мрак раскинул кольца
С отливом снов на черных капюшонах —
Но вздрогнул, заскользил, завился слепо,
Лоснистый пряча бок от боли света,
Язвимый бледным проблеском надежды.
Грозу почуяв, Ночь зашевелилась:
Сиянье вечности непостижимой
Грозило бликом Истины далекой
Ее тяжелой сумеречной власти,
Ее державе Небыти извечной.
В безжалостной и нетерпимой силе,
Не усомнясь, что лишь она реальна,
Она рвалась пожрать опасный лучик;
Восстав, с Небытия главой гигантской,
Она в безмерности всеотрицанья
Все сущее глотала пастью мрака,
Уверясь во Всесилии своем,
Себя считая мрачным Абсолютом.
Но свет упорно рос, он побеждал,
И Савитри очнулась, став собою —

- Her limbs refused the cold embrace of death,
Her heart-beats triumphed in the grasp of pain;
Her soul persisted claiming for its joy
- 130 The soul of the beloved now seen no more.
Before her in the stillness of the world
Once more she heard the treading of a god,
And out of the dumb darkness Satyavan,
Her husband, grew into a luminous shade.
- 135 Then a sound pealed through that dead monstrous realm:
Vast like the surge in a tired swimmer's ears,
Clamouring, a fatal iron-hearted roar,
Death missioned to the night his lethal call.
- [586] "This is my silent dark immensity,
140 This is the home of everlasting Night,
This is the secrecy of Nothingness
Entombing the vanity of life's desires.
Hast thou beheld thy source, O transient heart,
And known from what the dream thou art was made?
- 145 In this stark sincerity of nude emptiness
Hopedst thou still always to last and love?"
The Woman answered not. Her spirit refused
The voice of Night that knew and Death that thought.
In her beginningless infinity
- 150 Through her soul's reaches unconfined she gazed;
She saw the undying fountains of her life,
She knew herself eternal without birth.
But still opposing her with endless night
Death, the dire god, inflicted on her eyes
- 155 The immortal calm of his tremendous gaze:
"Although thou hast survived the unborn void
Which never shall forgive, while Time endures,
The primal violence that fashioned thought,

Стряхнув холодные объятия смерти,
Поправ биением сердца хватку боли,
Потребовав душой на радость ей
У бездны тьмы возлюбленного душу.
Пред нею в тишине слепого мира
Вновь раздались шаги гиганта-бога
И из немого мрака Сатьяван,
Ее супруг, возник лучистой тенью.
И грянул глас в том жутком гиблом царстве:
Могуч, как шквал над гибнущим пловцом,
Гремя, фатальный камнесердый рык,
В ночи разнесся клич мертвящий Смерти.
«Вот бездн моих немая бесконечность,
Вот царствие непреходящей Ночи,
Вот глубочайший мрак Небытия,
Похоронивший прах желаний жизни.
Ты видишь свой исток, о сердце смертной,
Ты поняла, что ты — всего лишь греза?
Пред вечной правдой голой пустоты
Еще ты мнишь любить и быть вовеки?»
Но Женщина не отвечала Мраку.
Ее душа не поддавалась глаголам,
Твердившим знанье Ночи, мысли Смерти.
В бескрайней безначальности своей
В безбрежия души она взирала
И постигала собственную вечность
И жизни собственной исток нетленный.
Но, ей противопостав безмерной тенью,
Смерть, жуткий бог, вперил в ее глаза
Бессмертный хлад своих бездонных зраков:
«Хоть уцелела ты в безвечной бездне,
Что не простит вовек, пока продлится Время,
Насилья первозданного над миром,

Forcing the immobile vast to suffer and live,
160 This sorrowful victory only hast thou won
To live for a little without Satyavan.
What shall the ancient goddess give to thee
Who helps thy heart-beats? Only she prolongs
The nothing dreamed existence and delays
165 With the labour of living thy eternal sleep.
A fragile miracle of thinking clay,
Armed with illusions walks the child of Time.
To fill the void around he feels and dreads,
The void he came from and to which he goes,
170 He magnifies his self and names it God.
He calls the heavens to help his suffering hopes.
He sees above him with a longing heart
Bare spaces more unconscious than himself
That have not even his privilege of mind,
[587] 175 And empty of all but their unreal blue,
And peoples them with bright and merciful powers.
For the sea roars around him and earth quakes
Beneath his steps, and fire is at his doors,
And death prowls baying through the woods of life.
180 Moved by the Presences with which he yearns,
He offers in implacable shrines his soul
And clothes all with the beauty of his dreams.
The gods who watch the earth with sleepless eyes
And guide its giant stumblings through the void,
185 Have given to man the burden of his mind;
In his unwilling heart they have lit their fires
And sown in it incurable unrest.
His mind is a hunter upon tracks unknown;
Amusing Time with vain discovery,

Что прах подвигло мыслить, жить, страдать,
Ты лишь продлишь своей победой горькой
Свой краткий скорбный век без Сатъявана.
Что ты стяжала от богини древней?
Не сердца ль пыл, что лишь напрасно длит
Пустую жизнь-обман, тебе мешая
От мук скорей забыться вечным сном?
Непрочным чудом мыслящего праха,
Бредет дитя Времен стезей иллюзий.
Страшашей пустотою окружен,
Бездной, откуда встал и где он канет,
Он, возвеличив собственное «я»,
Зовет его высоким словом «Бог».
Взывая к небу в страждущих надеждах,
Он видит над собой, тоскуя сердцем,
Пустую ширь без проблесков сознания,
Мертвее и бездумней, чем он сам, —
Синеющий мираж, и селит в нем
Свой сонм святых и милостивых сил.
Ведь он живет среди стихий грозящих:
Вокруг бушует хлябь, земля дрожит
Под стопами его, огонь лижет двери,
И смерть, оскалась, рыщет в чашах жизни.
Движимый Ликами, по ком тоскует,
К бездушным алтарям кладет он душу
И рядит мир убранством грез своих.
Боги, бессонно опекая землю
В ее гигантском ковылянье в бездне,
Взрастили в людях тяжкий дар ума,
Зажгли свой пламень в их дремавшем сердце
И обрекли их неизбывной муке.
Их ум, охотник на тропах безвестных,
Бесплодным гоном забавляя Время,

- 190 He deepens with thought the mystery of his fate
And turns to song his laughter and his tears.
His mortality vexing with the immortal's dreams,
Troubling his transience with the infinite's breath,
They gave him hungers which no food can fill;
- 195 He is the cattle of the shepherd gods.
His body the tether with which he is tied,
They cast for fodder grief and hope and joy:
His pasture ground they have fenced with Ignorance.
Into his fragile undefended breast
- 200 They have breathed a courage that is met by death,
They have given a wisdom that is mocked by night,
They have traced a journey that foresees no goal.
Aimless man toils in an uncertain world,
Lulled by inconstant pauses of his pain,
- 205 Scourged like a beast by the infinite desire,
Bound to the chariot of the dreadful gods.
But if thou still canst hope and still wouldst love,
Return to thy body's shell, thy tie to earth,
And with thy heart's little remnants try to live.
- 210 Hope not to win back to thee Satyavan.
- [588] Yet since thy strength deserves no trivial crown,
Gifts I can give to soothe thy wounded life.
The pacts which transient beings make with fate,
And the wayside sweetness earth-bound hearts would pluck,
- 215 These if thy will accepts make freely thine.
Choose a life's hopes for thy deceiving prize."
As ceased the ruthless and tremendous Voice,
Unendingly there rose in Savitri,
Like moonlit ridges on a shuddering flood,
- 220 A stir of thoughts out of some silence born

Судеб загадку отягчает мыслью
И обращает в песнь их смех и слезы.
Тревожа брэнность их мечтой бессмертной,
Томя их прах безмерности дыханьем,
Они взрастили в смертных вечный глад,
Что никакая пища не насытит:
Ведь те — лишь стадо пастырей богов;
Их тело — только привязь в брэнном стойле;
Надежды, скорби, радости — их корм
На выгоне, что огражден Неведеньем.
В их грудь незащищенную их боги
Вдохнули смелость, что столкнется с смертью,
И дали мудрость им, насмешкой тьмы,
И начертали путь без внятной цели.
И тщетно бьется смертный с жизнью тщетной,
Чтоб, забываясь, отдыхать от мук,
Чтоб, зверем, выть под батогом желанья,
Прикован к колеснице злых божеств.
Но если ты, познав тщету мирскую,
Лелеешь все ж надежду, чтить любовь,
Вернись в скорлупку тела, в узы тленья,
Попробуй жить, собрав останки сердца.
Не грезь отбить у смерти Сатьявана.
Но за твою недюжинную силу
Дары я б дал, чтоб скрасить скорбный путь:
Судьбы скупой подачи брэнным тварям,
Утехи тленья для сердец бескрылых —
Их, если примешь, отпущу я щедро.
Мираж надежд стяжай себе в награду».
И стих бездушный и безмерный Глас,
Но в Савитри в ответ возросла, приливом,
Кипеньем лунных гребней в зыби волн,
Стремнина мыслей из глубин безмолвья

Across the sea of her dumb fathomless heart.
 At last she spoke; her voice was heard by Night:
 "I bow not to thee, O huge mask of death,
 Black lie of night to the cowed soul of man,
 225 Unreal, inescapable end of things,
 Thou grim jest played with the immortal spirit.
 Conscious of immortality I walk.
 A victor spirit conscious of my force,
 Not as a suppliant to thy gates I came:
 230 Unslain I have survived the clutch of Night.
 My first strong grief moves not my seated mind;
 My unwept tears have turned to pearls of strength:
 I have transformed my ill-shaped brittle clay
 Into the hardness of a statued soul.
 235 Now in the wrestling of the splendid gods
 My spirit shall be obstinate and strong
 Against the vast refusal of the world.
 I stoop not with the subject mob of minds
 Who run to glean with eager satisfied hands
 240 And pick from its mire mid many trampling feet
 Its scornful small concessions to the weak.
 Mine is the labour of the battling gods:
 Imposing on the slow reluctant years
 The flaming will that reigns beyond the stars,
 245 They lay the law of Mind on Matter's works
 And win the soul's wish from earth's inconscient Force.
 [589] First I demand whatever Satyavan,
 My husband, waking in the forest's charm
 Out of his long pure childhood's lonely dreams,

В ее немом бездонном сердце-море.
И наконец ее уста отверзлись,
И глас ее встревожил бездны Ночи:
«Перед тобой, о смерти грозной маска,
Я не склонюсь — пред черной ложью тьмы,
Что запугала душу человека,
Ты, злая шутка над бессмертным духом,
Придуманый конец всего и вся.
Бессмертье осознав, иду я к цели.
Победный дух, свою познавший силу,
Я не просить пришла к твоим вратам:
Всей Ночи гнет не совладал со мной.
Не зыблет больше разум горечь скорби;
И россыпи невыплаканных слез
Теперь блистают жемчугами силы.
Свой хрупкий слабый прах я обратила
В незыблемость изваянной души.
Теперь в сраженьи царственных богов
Мой дух могуче станет, непреклонный,
Наперекор всеотрицанию мира.
Я не пущусь в толпе умов холопской
Ловить подачки жадною рукой,
Сбирая из-под ног в грязи мирской
Убогих радость — милостыни жизни.
Мой труд — иной: борение богов:
Тираня долгий ход ленивых лет
Огнем своей зажегшей звезды воли,
Они закон Ума вменяют косной персти
И будят пыл души в земной бездумной силе.
Во-первых, дашь ты все, о чем супруг мой,
Мой Сатьяван, мечтал, когда очнулся
Среди очарования лесов
От одиноких детства чистых грез,

- 250 Desired and had not for his beautiful life.
Give, if thou must, or, if thou canst, refuse.”
Death bowed his head in scornful cold assent,
The builder of this dreamlike earth for man
Who has mocked with vanity all gifts he gave.
- 255 Uplifting his disastrous voice he spoke:
“Indulgent to the dreams my touch shall break,
I yield to his blind father’s longing heart
Kingdom and power and friends and greatness lost
And royal trappings for his peaceful age,
- 260 The pallid poms of man’s declining days,
The silvered decadent glories of life’s fall.
To one who wiser grew by adverse Fate,
Goods I restore the deluded soul prefers
To impersonal nothingness’s bare sublime.
- 265 The sensuous solace of the light I give
To eyes which could have found a larger realm,
A deeper vision in their fathomless night.
For that this man desired and asked in vain
While still he lived on earth and cherished hope.
- 270 Back from the grandeur of my perilous realms
Go, mortal, to thy small permitted sphere!
Hasten swift-footed, lest to slay thy life
The great laws thou hast violated, moved,
Open at last on thee their marble eyes.”
- 275 But Savitri answered the disdainful Shade:
“World-spirit, I was thy equal spirit born.
My will too is a law, my strength a god.
I am immortal in my mortality.
I tremble not before the immobile gaze

И не имел, чтоб жизнью жить прекрасной.
Коль должен, дай — иль откажись, коль можешь». —
Бог свысока кивнул в согласье хладном —
Творец земной иллюзии, где смертным
В насмешку дал даров своих тщету.
Возвысив гибельный свой глас, он рек:
«Поблажкой грезам страждущего сердца,
Что сам же и убью своим касаньем,
Я возвращу его отцу слепому
Державу, власть, друзей, былую статность,
И почести царя, и мирный век —
Роскошную тщету на склоне дней,
Посеребренный блеск заката жизни.
Ему, кто стал мудрей под гнетом Рока,
Блага воздам я вновь — желанный плод
Заблудших душ, что их предпочитают
Небытия безличным голым высям.
Утеху чувств — верну я снова свет
Глазам, что больший мир стяжать могли бы
И глубже взор в своей бездонной ночи.
О том мечтал напрасно этот смертный,
Пока был жив и тешился надеждой.
Прочь, бренный червь, из царств моих великих
И грозных — в свой дозволенный мирок!
Спешి во весь опор, коль хочешь жить —
Иль мраморные властные законы,
Что ты поколебала, преступила,
Все ж тяжким взором пригвоздят тебя».
Но Савитри в ответ надменной Тени:
«Вселенский дух! Мой дух рожден не меньшим:
Он силой — бог, он зиждет свой закон,
И я бессмертна в смертности своей.
Не трепещу я под недвижным взором

- 280 Of the unchanging marble hierarchies
That look with the stone eyes of Law and Fate.
My soul can meet them with its living fire.
- [590] Out of thy shadow give me back again
Into earth's flowering spaces Satyavan
- 285 In the sweet transiency of human limbs
To do with him my spirit's burning will.
I will bear with him the ancient Mother's load,
I will follow with him earth's path that leads to God.
Else shall the eternal spaces open to me,
- 290 While round us strange horizons far recede,
Travelling together the immense unknown.
For I who have trod with him the tracts of Time,
Can meet behind his steps whatever night
Or unimaginable stupendous dawn
- 295 Breaks on our spirits in the untrod Beyond.
Wherever thou leadst his soul I shall pursue."
But to her claim opposed, implacable,
Insisting on the immutable Decree,
Insisting on the immitigable Law
- 300 And the insignificance of created things,
Out of the rolling wastes of night there came
Born from the enigma of the unknowable depths
A voice of majesty and appalling scorn.
As when the storm-haired Titan-striding sea
- 305 Throws on a swimmer its tremendous laugh
Remembering all the joy its waves have drowned,
So from the darkness of the sovereign night
Against the Woman's boundless heart arose
The almighty cry of universal Death.
- 310 "Hast thou god-wings or feet that tread my stars,
Frail creature with the courage that aspires,
Forgetting thy bounds of thought, thy mortal role?"

Незыблемых холодных иерархий,
В чьих мраморных глазах — Закон и Рок.
Души моей им страшен огонь живой.
Из темени своей верни мне вновь
К земным цветущим ширям Сатьявана
В обличьи милой бренности земной,
Чтоб с ним творил мой дух свой пылкий труд.
С ним понесу я бремя древней Матери,
С ним я пойду земной дорогой к Богу.
Иль пусть пространства вечные, открывшись,
Влекут нас вдаль, к заветным горизонтам,
Вместе — в пути в великую безвестность.
Ведь я шагала с ним стезей Времен
И я пойду за ним — какая б ночь
Иль, чудом, небывалая заря
Не ждала нас в нехожене Ином.
Куда б ни вел ты душу Сатьявана —
Повсюду я последую за ним».
Но ей наперекор, неумолимый,
Диктующий незыблемый Вердикт,
Вменяющий Закон неотвратимый
И призрачность созданьям быстротечным,
Из зыблущихся ширей тьмы донесся,
Рожден загадкой бездн непостижимых,
Державный глас смертельного презренья.
Как буревласый шторм в титаньей рыси
Гигантский смех свой рушит на пловца,
Припомнив весь восторг, что губят волны,
Так из пучин самодержавной ночи,
Переча Женщины душе безмерной,
Всевластно грянул вопль вселенской Смерти.
«Иль ты богов стяжала крылья, ноги,
Что мчать вольна по тверди звезд моих?»

Their orbs were coiled before thy soul was formed.
I, Death, created them out of my void;
315 All things I have built in them and I destroy.
I made the worlds my net, each joy a mesh.
A Hunger amorous of its suffering prey,
Life that devours, my image see in things.
[591] Mortal, whose spirit is my wandering breath,
320 Whose transience was imagined by my smile,
Flee clutching thy poor gains to thy trembling breast
Pierced by my pangs Time shall not soon appease.
Blind slave of my deaf force whom I compel
To sin that I may punish, to desire
325 That I may scourge thee with despair and grief
And thou come bleeding to me at the last,
Thy nothingness recognised, my greatness known,
Turn nor attempt forbidden happy fields
Meant for the souls that can obey my law,
330 Lest in their sombre shrines thy tread awake
From their uneasy iron-hearted sleep
The Furies who avenge fulfilled desire.
Dread lest in skies where passion hoped to live,
The Unknown's lightnings start and, terrified,
335 Lone, sobbing, hunted by the hounds of heaven,

Ты, дерзкий червь, что воспылал отвагой,
Забыв предел свой смертный, роль свою,
Ты бренный прах, живущий в узах мысли —
Орбиты их древней твоей души.
Я, Смерть, их свил из пустоты своей;
Меж них я создал все и все гублю.
Я превратил миры в свои тенета
И каждую усладу — в их ячейку.
Вселенский Глад, что вечно алчет жертвы,
Убийца-Жизнь, что пожирает жизнь —
Они прообраз мой в моем твореньи.
Ты червь, твой дух — лишь мой заблудший выдох,
Твой прах пригрежен был моей ухмылкой!
Беги же прочь, прижав к груди дрожащей
Ничтожные дары — утеху сердца,
Где ран моих следы пройдут не скоро.
Незрячий раб, тебя я заставляю
Своей глухой необоримой силой
Грешить, чтоб я наказывал, желать,
Чтоб я воздал отчаяньем и скорбью,
И ты ко мне придешь в конце концов,
Кровоточа, познав свою ничтожность
И трепеща перед моим величием!
Не грезь ступить в запретный край счастливый,
Обитель душ, блюдущих мой закон, —
Иль в мрачных тайниках твой шаг разбудит
От их тяжелых снов железосердых
Жестоких фурий, что отмстят тебе
Возмездьем утоленному желанью.
Страшись — иль в небе, где ты жить алкала,
Неведомого молнии блеснут,
И, ужасаясь, в столах одиноких,
Затравленная гончими небес,

A wounded and forsaken soul thou flee
 Through the long torture of the centuries,
 Nor many lives exhaust the tireless Wrath
 Hell cannot slake nor Heaven's mercy assuage.

340 I will take from thee the black eternal grip:
 Clasp in thy heart thy fate's exiguous dole
 Depart in peace, if peace for man is just."
 But Savitri answered meeting scorn with scorn,
 The mortal woman to the dreadful Lord:

345 "Who is this God imagined by thy night,
 Contemptuously creating worlds disdained,
 Who made for vanity the brilliant stars?
 Not he who has reared his temple in my thoughts
 And made his sacred floor my human heart.

350 My God is will and triumphs in his paths,
 My God is love and sweetly suffers all.
 To him I have offered hope for sacrifice
 And gave my longings as a sacrament.

Who shall prohibit or hedge in his course,
 [592] 355 The wonderful, the charioteer, the swift?
 A traveller of the million roads of life,
 His steps familiar with the lights of heaven
 Tread without pain the sword-paved courts of hell;
 There he descends to edge eternal joy.

360 Love's golden wings have power to fan thy void:
 The eyes of love gaze starlike through death's night,
 The feet of love tread naked hardest worlds.

Ты заскользишь, покинутой душой,
В мученьях нескончаемых столетий —
И в многих жизнях ублажить не сможешь
Неистовый неумолимый Гнев,
Что не смирят ни Ад, ни милость Неба!
Я упасу тебя от черной вечной хватки:
В сердца щепоть зажав свой скудный жребий,
С миром ступай, коль мир отпущен смертным».
Но, женщина земная, Савитри
Ужасному Владыке, лику Смерти
Ответила презреньем на презренье:
«Кто этот Бог — не греза ль тьмы твоей,
Что тщетных звезд огни зажжет тщеславно,
Презренные миры твоя с презреньем?
Не он воздвиг свой храм в моих раздумьях
И в сердце у меня — свой трон священный.
Мой Бог — всеторжествующая воля,
Мой Бог — любовь и сладко сносит все:
Ему я в жертву принесла надежду
И страсти отдала, святым причастьем;
Неистовый вседливный колесничий —
Кто преградит его могучий скач?
Искатель на путях несметных жизни
Стопами, что привыкли к светам неба,
Он в ад нисходит, чтоб шагать без боли
По площадям, умощенным мечами,
Лишь обострив восторг свой беспечальный.
Любви златым крылам достанет силы
Парить в твоей бездонной пустоте,
Ее очам — пронзить твой мрак, звездáми,
Ее стопам — пройти твой страшный мир:
Любовь не меркнет и во мраке смерти,
Любовь идет без страха в злейший ад,

- He labours in the depths, exults on the heights;
 He shall remake thy universe, O Death.”
- 365 She spoke and for a while no voice replied,
 While still they travelled through the trackless night
 And still that gleam was like a pallid eye
 Troubling the darkness with its doubtful gaze.
 Then once more came a deep and perilous pause
- 370 In that unreal journey through blind Nought;
 Once more a Thought, a Word in the void arose
 And Death made answer to the human soul:
 “What is thy hope? to what dost thou aspire?
 This is thy body’s sweetest lure of bliss,
- 375 Assailed by pain, a frail precarious form,
 To please for a few years thy faltering sense
 With honey of physical longings and the heart’s fire
 And, a vain oneness seeking, to embrace
 The brilliant idol of a fugitive hour.
- 380 And thou, what art thou, soul, thou glorious dream
 Of brief emotions made and glittering thoughts,
 A thin dance of fireflies speeding through the night,
 A sparkling ferment in life’s sunlit mire?
 Wilt thou claim immortality, O heart,
- 385 Crying against the eternal witnesses
 That thou and he are endless powers and last?
 Death only lasts and the unconscious Void.
 I only am eternal and endure.
- 390 I am the shapeless formidable Vast,
 [593] I am the emptiness that men call Space,
 I am a timeless Nothingness carrying all,
 I am the Illimitable, the mute Alone.
 I, Death, am He; there is no other God.

В пучинах труд вершит, ликует в высыях;
Она преобразит твой мир, о Смерть».
Она умолкла и в ответ ни звука,
Ни гласа не звучало, лишь как прежде
Они влеклись в неисследимой ночи
И, бледным оком, реял прежний лучик,
Тревожа мрак своим неясным взором.
Но вот опять все замерло зловеще,
Привстал поход теней в слепую Небыть,
И в пустоте, облекшись Мыслью, Словом,
Земной душе ответил Смерти глас:
«В чем смысл твоих надежд, твоих стремлений?
Лишь в том, чтобы обман сладчайший тела,
Живущей с болью эфемерной формы,
Продлить еще в утеху бранным чувствам —
Алканий плотских мед и сердца огонь,
И в призрачном единстве обнимать
Кумира, что блеснет и вновь потухнет?
И ты — кто ты такая, о душа, —
Прекрасный призрак, сотканный изящно
Из флера чувств в блестящих стразах мыслей,
Летучий танец светлячков в ночи,
Бродящий сок в живой грязи под солнцем?
И ты, о сердце, гредишь о бессмертье?
Кричишь наперекор извечным фактам,
Что ты и он непреходящи, вечны?
Лишь Смерть, лишь бездна Несознания вечны.
Одна лишь вечность — правда: вечность Смерти.
Я необъятность безобличной Бездны,
Я пустота, что ты зовешь Пространством,
Я вечное Ничто, исток всего,
Я Бесконечность и Единосущность.
Я, Смерть, есть Он, и нет иного Бога.

All from my depths are born, they live by death;
395 All to my depths return and are no more.
I have made a world by my unconscious Force.
My Force is Nature that creates and slays
The hearts that hope, the limbs that long to live.
I have made man her instrument and slave,
400 His body I made my banquet, his life my food.
Man has no other help but only Death;
He comes to me at his end for rest and peace.
I, Death, am the one refuge of thy soul.
The Gods to whom man prays can help not man;
405 They are my imaginations and my moods
Reflected in him by illusion's power.
That which thou seest as thy immortal self
Is a shadowy icon of my infinite,
Is Death in thee dreaming of eternity.
410 I am the Immobile in which all things move,
I am the nude Inane in which they cease:
I have no body and no tongue to speak,
I commune not with human eye and ear;
Only thy thought gave a figure to my void.
415 Because, O aspirant to divinity,
Thou calledst me to wrestle with thy soul,
I have assumed a face, a form, a voice.
But if there were a Being witnessing all,
How should he help thy passionate desire?
420 Aloof he watches sole and absolute,
Indifferent to thy cry in nameless calm.
His being is pure, unwounded, motionless, one.
One endless watches the unconscious scene

Из бездн моих восстал весь тварный мир;
Лишь смертью все живет, чтоб кончить смертью
И кануть вновь в мои глухие бездны.
Я создал мир своей бездумной Силой.
Она — Природа, что творит и губит
Сердца, тела, что верят, жаждут жить.
Я быть обрек людей ее рабами;
Их плоть, их жизнь я превратил в свой пир.
У смертного одна надежда — Смерть:
Отмучившись, во мне усопнет он
И обретет успокоенье в мире.
Я, Смерть, — души твоей прибрег последний.
Боги помочь людской мольбе не могут:
Они лишь морок мой, мои причуды,
Которым, обманувшись, верят люди.
То, что ты мнишь своим бессмертным «я», —
Лишь тусклый призрак вечности моей,
Лишь Смерть в тебе, что грезит о бессмертье.
Я Недвижимое, в чем все влечется,
Я голое Ничто, в чем гибнет все:
Нет тела у меня, нет языка,
Я вне людского ока или уха.
Ты пустоте моей рисуешь образ,
Но я лишь принял облик, форму, глас,
Поскольку ты в стремлении к бессмертью,
О соискатель богобытия,
Звала меня с душой твоей сразиться.
Но если б даже был всезрящий Некто,
Как мог бы он помочь твоим страстям?
Он лишь следит за всем, далек, незыблем,
В тиши безвидной чужд твоим мольбам.
Он чист, бесстрастен, недвижим, един.
Един, он вечно зрит на мир непрочный,

- Where all things perish, as the foam the stars.
- 425 The One lives for ever. There no Satyavan
 Changing was born and there no Savitri
- [594] Claims from brief life her bribe of joy. There love
 Came never with his fretful eyes of tears,
 Nor Time is there nor the vain vasts of Space.
- 430 It wears no living face, it has no name,
 No gaze, no heart that throbs; it asks no second
 To aid its being or to share its joys.
 It is delight immortally alone.
 If thou desirest immortality,
- 435 Be then alone sufficient to thy soul:
 Live in thyself; forget the man thou lov'st.
 My last grand death shall rescue thee from life;
 Then shalt thou rise into thy unmoved source.”
 But Savitri replied to the dread Voice:
- 440 “O Death, who reasonest, I reason not,
 Reason that scans and breaks, but cannot build
 Or builds in vain because she doubts her work.
 I am, I love, I see, I act, I will.”
 Death answered her, one deep surrounding cry:
- 445 “Know also. Knowing, thou shalt cease to love
 And cease to will, delivered from thy heart.
 So shalt thou rest for ever and be still,
 Consenting to the impermanence of things.”
 But Savitri replied for man to Death:
- 450 “When I have loved for ever, I shall know.
 Love in me knows the truth all changings mask.
 I know that knowledge is a vast embrace:

Где все пройдет, как пена, — даже звезды.
Единое лишь есть. Ни Сатьявана
В нем не было вовек, ни Савитри,
Утех от жизни ждущей; ни любви
С ее капризным взором, полным слез;
Ни Времени, ни тщетных сфер Пространства.
Ни облика, ни имени в нем нет,
Ни глаз, ни сердца пылкого; ни просьб
О спутнике — наперснике и паре.
Оно восторг бессмертно одинокий.
Будь как оно, коль ищешь ты бессмертья,
Самодостаточной и одинокой
Живи в себе; любовь свою забудь.
В моей последней Смерти взмой из жизни —
И вступишь ты в недвижный свой исток».
Но Савитри в ответ на жуткий Глас:
«О Смерть, умом ты рассуждаешь слепо;
Творить не в силах, ум дробит и делит
Иль тщетно строит, сам себе не веря.
Моя же суть — не рассуждать, но быть,
Любить, провидеть, волишь, созидать».
В ответ разнесся вопль глубинный Смерти:
«Еще и знай. Познание — смерть любви
И воли смерть в освобожденном сердце.
Освободись же в истинном познание!
И ты почишь в покое вековечном,
Постигнув тварную недолговечность».
Но Савитри за человека — Смерти
Ответила пылающей душой:
«Лишь полюбив навеки, я познала.
Любовь во мне постигла тайну тайн,
Ту истину, что скрыта преходящим.
Я знаю: знание — это мир в объятьях:

I know that every being is myself,
In every heart is hidden the myriad One.
455 I know the calm Transcendent bears the world,
The veiled Inhabitant, the silent Lord:
I feel his secret act, his intimate fire;
I hear the murmur of the cosmic Voice.
I know my coming was a wave from God.
460 For all his suns were conscient in my birth,
[595] And one who loves in us came veiled by death.
Then was man born among the monstrous stars
Dowered with a mind and heart to conquer thee.”
In the eternity of his ruthless will
465 Sure of his empire and his armoured might,
Like one disdainful of violent helpless words
From victim lips Death answered not again.
He stood in silence and in darkness wrapped,
A figure motionless, a shadow vague,
470 Girt with the terrors of his secret sword.
Half-seen in clouds appeared a sombre face;
Night’s dusk tiara was his matted hair,
The ashes of the pyre his forehead’s sign.
Once more a wanderer in the unending Night,
475 Blindly forbidden by dead vacant eyes,
She travelled through the dumb unhoping vasts.
Around her rolled the shuddering waste of gloom,

Я знаю: все созданья — это я,
Во всех сердцах Единый бьется тайно.
Я знаю: мир несет в себе Всевышний,
Безмолвный Властелин, Жилец безвестный —
Мне ведом скрытый труд и огонь его;
Мне слышен приглушенный Глас вселенский.
Я знаю: я пришла волною Божьей
В подзвездный мир, ведь свет всех Божьих солнц
Сверкнул в моем рожденьи и явил
Того, кто любит в нас, затмленный смертью.
И вот в бездушных безднах человек,
Блестя даром разума и жизни,
Родился, чтобы победить тебя¹».
Но в вечности неумолимой воли,
Самоуверен в броненосной мощи,
Будто презрев беспомощную ярость
Вопящей жертвы, Смерть не отвечал.
Гигант недвижимый, сумрачная тень,
Он молча высился, окутан тьмою,
В чьих складках меч мерцал, вселявший ужас.
Неясный грозный лик виднелся в тучах;
Власы клубились мглой — тиара Ночи,
Пепл погребальный прочертил чело.
И вновь, скиталицей в бескрайнем Мраке,
Наперекор грозящим мертвым зракам
Она влеклась в безмолвьях безнадежных.
Пустыня мглы вокруг дрожала, зыбясь,

¹ Савитри имеет в виду свое пришествие в начале мира, как волны божественной Любви, низошедшей, чтобы спасти падший мир и вернуть его к его источнику. Благодаря этому Нисхождению высшей Любви в бездушном мире и родился человек, предназначение которого возрасти через свой дар разума и жизни, познать свой Источник и, низведя его Силу, Свет и Любовь, преобразить себя и мир и победить Смерть (*прим. пер.*).

Its swallowing emptiness and joyless death
Resentful of her thought and life and love.

480 Through the long fading night by her compelled,
Gliding half-seen on their unearthly path,
Phantasmal in the dimness moved the three.

End of Canto Two

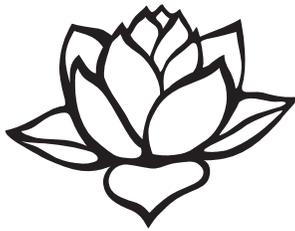
END OF BOOK III

В алканьи пустоты, в бездушьи смерти
Кляня ее за разум, жизнь, любовь.
В той долгой тающей ночи по воле смертной,
Скользя, тенями, неземной дорогой,
В тумане призрачном влеклись все трое.

Конец Песни второй

КОНЕЦ КНИГИ III

IV

КНИГА ДВОЙНЫХ СУМЕРЕК

IV

THE BOOK OF THE DOUBLE TWILIGHT

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Сумеречный фантом Идеала

Canto One

The Dream Twilight of the Ideal

[599] All still was darkness dread and desolate;
There was no change nor any hope of change.
In this black dream which was a house of Void,
A walk to Nowhere in a land of Nought,
5 Ever they drifted without aim or goal;
Gloom led to worse gloom, depth to an emptier depth,
In some positive Non-being's purposeless Vast
Through formless wastes dumb and unknowable.
An ineffectual beam of suffering light
10 Through the despairing darkness dogged their steps
Like the remembrance of a glory lost;
Even while it grew, it seemed unreal there,
Yet haunted Nihil's chill stupendous realm,
Unquenchable, perpetual, lonely, null,
15 A pallid ghost of some dead eternity.
It was as if she must pay now her debt,
Her vain presumption to exist and think,
To some brilliant Maya that conceived her soul.
This most she must absolve with endless pangs,
20 Her deep original sin, the will to be
And the sin last, greatest, the spiritual pride,
That, made of dust, equalled itself with heaven,
Its scorn of the worm writhing in the mud,
Condemned ephemeral, born from Nature's dream,
25 Refusal of the transient creature's role,
The claim to be a living fire of God,
The will to be immortal and divine.
In that tremendous darkness heavy and bare
She atoned for all since the first act whence sprang
30 The error of the consciousness of Time,

ПОВСЮДУ жуткий мрак царил, как прежде;
Все безнадежно оставалось прежним.
В той мрачной грезе — Пустоты оплоте
Они влеклись без времени, без цели,
Шли в Никуда в краю Небытия,
В мрачнейший мрак, в бездоннейшую бездну —
Сквозь беспросветной Небыти безмерность
В непостижимость широты безвидной.
Бесплодный проблеск страждущего света
За ними влекся в безнадежной мгле,
Как память об утраченном сиянье;
Он, хоть и рос, казался нереальным,
Но все ж буравил бездны холодной Нигиль,
Неугасим, и одинок, и тщетен,
Бескровный мертвой вечности фантом.
Словно душе приспело дань платить
За тщетное дерзанье быть и мыслить
Блестящей Майе, зачавшей ее.
Словно пристало смертной искупать
Тягчайшие грехи в извечных муках:
Глубокий грех исконный — волю быть
И грех последний, высший, — гордость духа,
Что жалкий прах земной равняет с небом,
Хоть корчится в грязи, презренный червь,
Недолговечный вымысел Природы,
Что не смирился с ролью твари брэнной,
И реет Божьим пламенем живым,
И грезит быть божественным, бессмертным.
В той грандиозной тьме, нагой и тяжелой,
Она, казалось, искупить должна
Все — с первого деянья, что исторгло
На свет сознанья Времени порок,

The rending of the Inconscient's seal of sleep,
[600] The primal and unpardoned revolt that broke
The peace and silence of the Nothingness
Which was before a seeming universe
35 Appeared in a vanity of imagined Space
And life arose engendering grief and pain:
A great Negation was the Real's face
Prohibiting the vain process of Time:
And when there is no world, no creature more,
40 When Time's intrusion has been blotted out,
It shall last, unbodied, saved from thought, at peace.
Accursed in what had been her godhead source,
Condemned to live for ever empty of bliss,
Her immortality her chastisement,
45 Her spirit, guilty of being, wandered doomed,
Moving for ever through eternal Night.
But Maya is a veil of the Absolute;
A Truth occult has made this mighty world:
The Eternal's wisdom and self-knowledge act
50 In ignorant Mind and in the body's steps.
The Inconscient is the Superconscient's sleep.
An unintelligible Intelligence
Invents creation's paradox profound;
Spiritual thought is crammed in Matter's forms,
55 Unseen it throws out a dumb energy
And works a miracle by a machine.
All here is a mystery of contraries:
Darkness a magic of self-hidden Light,
Suffering some secret rapture's tragic mask
60 And death an instrument of perpetual life.
Although Death walks beside us on Life's road,
A dim bystander at the body's start

Срывая сна печати с Несознания —
Тот первый, непрощенный бунт, взорвавший
Безмолвие и мир Небытия,
Царивший, прежде чем вселенной греза
Явилась в тщетном видимом Пространстве
И жизнь взросла, рождая скорбь и боль:
Всеотрицаньем облеклась Реальность,
Бесплодный воспрещая ход Времен:
Когда весь мир и все создання сгинут,
И будет Времени вторженье стерто —
Оно царить останется незыбно,
Без плоти, сбросив мысль, в покое вечном.
Проклят в своем божественном истоке,
Жить обречен вовеки без блаженства,
Наказанный бессмертием своим
За то, что быть решился, дух ее
Влачился, вечный пленник в вечной Ночи.
Но Майя — только маска Абсолюта;
Заветной Истиной воздвигнут мир могучий:
Всеумудрость Вечного, Его самопрозренье
Незрячим движут Разумом и телом.
И Несознание — сон лишь Сверхсознания.
Невразумительное Разумение
Творит глубокий мира парадокс,
Где Духа мысль теснится в образах Материи,
Незримо испуская ток немой энергии
И в механизме созидавая чудо.
Все здесь — мистерия противоречий,
Где Тьма — лишь Света колдовской покров,
Где боль — трагичная восторга маска,
Где смерть — орудье бесконечной жизни.
Хоть Смерть идет по жизни рядом с нами,
Угрюмый зритель при рождении тела

And a last judgment on man's futile works,
Other is the riddle of its ambiguous face:
65 Death is a stair, a door, a stumbling stride
The soul must take to cross from birth to birth,
A grey defeat pregnant with victory,
[601] A whip to lash us towards our deathless state.
The inconscient world is the spirit's self-made room,
70 Eternal Night shadow of eternal Day.
Night is not our beginning nor our end;
She is the dark Mother in whose womb we have hid
Safe from too swift a waking to world-pain.
We came to her from a supernal Light,
75 By Light we live and to the Light we go.
Here in this seat of Darkness mute and lone,
In the heart of everlasting Nothingness
Light conquered now even by that feeble beam:
Its faint infiltration drilled the blind deaf mass;
80 Almost it changed into a glimmering sight
That housed the phantom of an aureate Sun
Whose orb pupilled the eye of Nothingness.
A golden fire came in and burned Night's heart;
Her dusky mindlessness began to dream;
85 The Inconscient conscious grew, Night felt and thought.
Assailed in the sovereign emptiness of its reign
The intolerant Darkness paled and drew apart
Till only a few black remnants stained that Ray.
But on a failing edge of dumb lost space
90 Still a great dragon body sullenly loomed;
Adversary of the slow struggling Dawn
Defending its ground of tortured mystery,

И бранных дел последний судия,
Но лик ее иной скрывает смысл:
Она — лишь дверь, ступень, неровный шаг
Души вперед, в пути от жизни к жизни —
Сквозь поражение тьму к победе высшей,
К бессмертию нас гонит смерти бич.
Ведь мир — лишь темный зал, где скрылся дух,
И Ночь лишь тень немеркнувшего Дня:
В ней не конец и не начало наше;
Она лишь Мать темная, в чьем лоне
Мы скрылись, обретя приют надежный,
Чтоб слишком быстро не восстать к всемирной боли.
Из Света свыше низошли мы в Ночь,
Живем мы Светом и восходим к Свету.
Здесь, в сердце Тьмы немой и одинокой,
В ядре предвечного Небытия
Свет побеждал теперь, и тусклый луч
Все ж проницал глухую глыбу мглы
И, ширясь, замерцал подобьем неба,
Где золотел, яснея, призрак Солнца,
Зажегший жизнью зрак Небытия.
И огонь златой родился в сердце Ночи;
Ее бездумья мрак воспрял мечтою,
И Несознанье тронул свет сознанья,
И Ночь подвиглась к ощущенью, к мысли.
Сраженный в пустоте своей державной,
Невыносимый Мрак бледнел и рвался:
Лишь клочья мглы пятнали вышний Луч;
И на краю затерянного мира,
На тающем горизонте царств безгласных
Громадой грозной стыл драконий образ,
Обороняя от Зари, растущей
В бореньях, свой оплот мучимых таинств,

It trailed its coils through the dead martyred air
And curving fled down a grey slope of Time.

- 95 There is a morning twilight of the gods;
Miraculous from sleep their forms arise
And God's long nights are justified by dawn.
There breaks a passion and splendour of new birth
And hue-winged visions stray across the lids,
100 Heaven's chanting heralds waken dim-eyed Space.
The dreaming deities look beyond the seen
And fashion in their thoughts the ideal worlds
[602] Sprung from a limitless moment of desire
That once had lodged in some abysmal heart.
105 Passed was the heaviness of the eyeless dark
And all the sorrow of the night was dead:
Surprised by a blind joy with groping hands
Like one who wakes to find his dreams were true,
Into a happy misty twilit world
110 Where all ran after light and joy and love
She slipped; there far-off raptures drew more close
And deep anticipations of delight,
For ever eager to be grasped and held,
Were never grasped, yet breathed strange ecstasy.
115 A pearl-winged indistinctness fleeting swam,
An air that dared not suffer too much light.
Vague fields were there, vague pastures gleamed, vague trees,
Vague scenes dim-hearted in a drifting haze;
Vague cattle white roamed glimmering through the mist;
120 Vague spirits wandered with a bodiless cry,
Vague melodies touched the soul and fled pursued

Он кольца вил в погибшей в пытках мгле,
Скрываясь в сумрак под откос Времен.

Есть утренние сумерки богов:
Развев сон, их образы сияют,
И вслед за долгими ночами Бога,
Их светлый плод, из тьмы заря встает.
Блестит нового рожденья страсть,
Крылатый рой прозрений полнит взоры,
Мир смутноокий будит песнь небес.
И божества, в незримом рея мыслью,
Творят в мечтаньях сферы идеала,
Рожденные в безмерный миг желанья,
Скрывавшее себя в бездонном сердце.
Избылась тягость беспросветной мглы,
Вся горечь ночи сгинула навеки:
Спеша на ощупь в радости незрячей,
Словно сбылись внезапно все мечтанья,
В счастливый смутный сумеречный мир,
Где все влеклось к любви, к восторгу, к свету,
Она вплыла; здесь близким стал экстаз
Далекий, но предвиденный в глубинах,
Манящий, но не познанный вовеки,
Вовеки быть постигнутым алкавший
И все ж дышавший странным упоеньем.
Жемчужнокрылой дымкой стлалась даль,
Впустить не смея слишком много света.
Под смутным небом мир клубился смутный,
Край смутных долов, смутных рощ и пастбищ,
Где смутный скот в тумане плыл, белея,
И смутных духов рой стонал бесплотно,
И смутных нот летели переливы,
Пленяя душу и, неуловимы,

- Into harmonious distances unseized;
Forms subtly elusive and half-luminous powers
Wishing no goal for their unearthly course
125 Strayed happily through vague ideal lands,
Or floated without footing or their walk
Left steps of reverie on sweet memory's ground;
Or they paced to the mighty measure of their thoughts
Led by a low far chanting of the gods.
- 130 A ripple of gleaming wings crossed the far sky;
Birds like pale-bosomed imaginations flew
With low disturbing voices of desire,
And half-heard lowings drew the listening ear,
As if the Sun-god's brilliant kine were there
135 Hidden in mist and passing towards the sun.
These fugitive beings, these elusive shapes
Were all that claimed the eye and met the soul,
The natural inhabitants of that world.
- [603] But nothing there was fixed or stayed for long;
140 No mortal feet could rest upon that soil,
No breath of life lingered embodied there.
In that fine chaos joy fled dancing past
And beauty evaded settled line and form
And hid its sense in mysteries of hue;
- 145 Yet gladness ever repeated the same notes
And gave the sense of an enduring world;
There was a strange consistency of shapes,
And the same thoughts were constant passers-by
And all renewed unendingly its charm
150 Alluring ever the expectant heart
Like music that one always waits to hear,

Скрывались в смутных гармоничных далях;
В парящей дымке средь неясных сцен
Сонм зыбких форм и полусветлых сил
Блуждал бесцельно на стезях нездешних,
Иль в воздухах мерцающих витал,
Иль мчал на стопах грез, запечатляя
На тропках милой памяти свой след,
Иль ввысь шагал к вершинам дум великих,
Далекий, тихий слыша гимн богов —
Счастливый в смутных землях идеала.
Блестая, в горней выси бились крылья
Нездешних птиц — видений бледногрудых,
Чей зычный клич тревожил сердце страстью,
И слух, казалось, уловлял вдали
Мычанье стад лучистых Солнцебога,
Бредущих сквозь туман навстречу солнцу.
Лишь призрачные существа и формы
Здесь привлекали взгляд, встречали душу,
Исконно населяя этот мир.
Но зыбким было все, недолговечным;
Здесь стопам смертным не было опоры,
Здесь не могла дышать во плоти жизнь.
Лишь чудный хаос властвовал повсюду:
Танцуя, мимо пролетала радость,
И красота бежала черт и форм,
Тая свой смысл в мистериях оттенков;
И все ж веселья повторялись ноты,
Рождая вид устойчивого мира;
Сплоченность странную являли формы,
Встречались вновь и вновь все те же мысли,
И вся краса возобновлялась вечно,
Маня вовеки предвкушеньем сердце —
Как музыка, что нам всегда желанна,

Like the recurrence of a haunting rhyme.
One touched incessantly things never seized,
A skirt of worlds invisibly divine.
155 As if a trail of disappearing stars
There showered upon the floating atmosphere
Colours and lights and evanescent gleams
That called to follow into a magic heaven,
And in each cry that fainted on the ear
160 There was the voice of an unrealised bliss.
An adoration reigned in the yearning heart,
A spirit of purity, an elusive presence
Of faery beauty and ungrasped delight
Whose momentary and escaping thrill,
165 However unsubstantial to our flesh,
And brief even in imperishableness,
Much sweeter seemed than any rapture known
Earth or all-conquering heaven can ever give.
Heaven ever young and earth too firm and old
170 Delay the heart by immobility:
Their raptures of creation last too long,
Their bold formations are too absolute;
Carved by an anguish of divine endeavour
They stand up sculptured on the eternal hills,
[604] 175 Or quarried from the living rocks of God
Win immortality by perfect form.
They are too intimate with eternal things:
Vessels of infinite significances,
They are too clear, too great, too meaningful;
180 No mist or shadow soothes the vanquished sight,
No soft penumbra of incertitude.

Как неотступный стих, пленивший нас; —
И неустанно влек неуловимым
Тот брег миров, божественных незримо.
Переливаясь звездными дождями,
Струились с высей зыбкой атмосферы
Цветов и светов меркнущие вспышки,
Что звали взмыть к волшебным небесам,
И в каждом кличе, осенявшем слух,
Звучал блаженств непережитых зов.
Здесь преклоненьем воспыало сердце,
И духом чистоты, и чародейством
Чудных красот и радостей безвестных,
Чей скоротечный мимолетный трепет,
Сколь бы ни призрачный для нашей плоти
И краткий даже и в нетленности,
Был много слаще всех усад, известных
И на земле, и во всеильном небе.
Небо в извечной юности своей,
Земля в своей незыблемости древней
Устойчивостью сдерживают сердце:
Их творческий восторг излишне долог,
Их совершенства слишком безупречны;
В божественном мучительном дерзании
Воздвигнуты на вечных вышних кручах,
Они царят в монументальной стати,
Иль, рублены из Божьих скал живых,
Бессмертье — форм стяжают совершенством.
Слишком близки они к вещам извечным:
Сосуды высших бесконечных смыслов,
Слишком ясны они, слишком глубоки;
Нет ни тумана в них, ни смутной тени,
Что покоренный утолили б взор,
Ни мягкой непонятности сфумато.

These only touched a golden hem of bliss,
The gleaming shoulder of some godlike hope,
The flying feet of exquisite desires.
185 On a slow trembling brink between night and day
They shone like visitants from the morning star,
Satisfied beginnings of perfection, first
Tremulous imaginings of a heavenly world:
They mingle in a passion of pursuit,
190 Thrilled with a spray of joy too slight to tire.
All in this world was shadowed forth, not limned,
Like faces leaping on a fan of fire
Or shapes of wonder in a tinted blur,
Like fugitive landscapes painting silver mists.
195 Here vision fled back from the sight alarmed,
And sound sought refuge from the ear's surprise,
And all experience was a hasty joy.
The joys here snatched were half-forbidden things,
Timorous soul-bridals delicately veiled
200 As when a goddess' bosom dimly moves
To first desire and her white soul transfigured,
A glimmering Eden crossed by faery gleams,
Trembles to expectation's fiery wand,
But nothing is familiar yet with bliss.
205 All things in this fair realm were heavenly strange
In a fleeting gladness of untired delight,
In an insistency of magic change.
Past vanishing hedges, hurrying hints of fields,

Но здесь иные, зыбкие творенья
Касались лишь златых венцов блаженства,
Блестящих плеч надежды богоравной,
Летящих стоп изысканных желаний.
На бреге, разделившем ночь и день,
Как на границе смутной тьмы и света,
Лучась, как гости с утренней звезды,
Они соткались — первые мечтанья
О мире горнем, высших совершенств
Преддверья, утоленные начала:
Они сливались, мчась в погоне страстной,
Ловили трепетный туман восторга,
Не утомлявший легкостью своей.
Все лишь угадывалось здесь, лишь мнилось,
Как чудо-лики в пелене огня,
Иль дивные черты в размытых красках,
Иль замки грез в серебряных туманах.
Здесь образы бежали прочь от глаз,
И звуки мчались от восторгов слуха,
И был весь опыт радостью спешащей:
Полузапретные влекли улады,
Как таинства венчальные души —
Так смутный вздох волнует грудь богини
Желаньем первым и, преображаясь,
Души ее трепещет белый рай
Под звездопадом сказочных огней,
Объятый ворожбою предвкушенья,
Познать готовясь чудное блаженство.
Безудержен в восторгах мимолетных,
Неистошим в волшебных превращениях,
Небесно странным был тот чудный мир.
Стремясь средь быстрых проблесков полей,
И тающих оград, и юрких тропок,

Mid swift escaping lanes that fled her feet
210 Journeying she wished no end: as one through clouds
[605] Travels upon a mountain ridge and hears
Arising to him out of hidden depths
Sound of invisible streams, she walked besieged
By the illusion of a mystic space,
215 A charm of bodiless touches felt and heard
A sweetness as of voices high and dim
Calling like travellers upon seeking winds
Melodiously with an alluring cry.
As if a music old yet ever new,
220 Moving suggestions on her heart-strings dwelt,
Thoughts that no habitation found, yet clung
With passionate repetition to her mind,
Desires that hurt not, happy only to live
Always the same and always unfulfilled
225 Sang in the breast like a celestial lyre.
Thus all could last yet nothing ever be.
In this beauty as of mind made visible,
Dressed in its rays of wonder Satyavan
Before her seemed the centre of its charm,
230 Head of her loveliness of longing dreams
And captain of the fancies of her soul.
Even the dreadful majesty of Death's face
And its sombre sadness could not darken nor slay
The intangible lustre of those fleeting skies.
235 The sombre Shadow sullen, implacable
Made beauty and laughter more imperative;
Enhanced by his grey, joy grew more bright and dear;
His dark contrast edging ideal sight
Deepened unuttered meanings to the heart;
240 Pain grew a trembling undertone of bliss
And transience immortality's floating hem,

Что зыбко ускользали из-под ног,
В задоре шла она — как в облаках
Идет к вершине путник и внимает
К нему взлетевшим из расселин тайных
Гласам незримых струй — шла в окруженьи
Иллюзии таинственного царства,
Бесплотных прикосаний чуя чудо,
Высоких смутных ключей слыша сладость,
Словно искатели с крылатых ветров
Напевом мелодичным звали душу.
Знакомой музыкой и вечно новой,
Наитий рой в сердечных вилях струнах;
Мысли, не находя приюта, льнули
К уму, цепляясь в повтореньях страстных;
Желанья, счастливые просто жить,
Всегда все те же и всегда несбытны,
В груди, не рая, пели горней лирой.
Но все не было здесь, а лишь казалось.
В той красоте, как в мире дум прекрасных,
Объят сияньем дивным, Сатьяван
Предстал ей сутью всех волшебств манящих,
Вождем ее чарующих фантазий,
Кумиром чудных грез ее души.
И даже Смерти грозный властный лик
Не мог затмить своей печалью мрачной
Небес тех зыбких бестелесный блеск.
Зловещий Мрак, неумолимой тенью,
Лишь влек сильнее к красоте и к смеху;
С ним лишь милей, лишь ярче стала радость;
Он оттенял лишь идеальный мир,
Негласных смыслов глубь являя сердцу.
Луча, Тумана, Пламени подруга,
Мгновенья лунным озаря ликом,

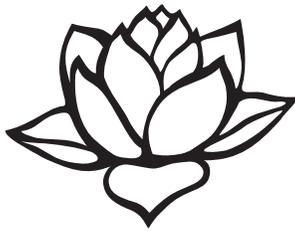
A moment's robe in which she looked more fair,
Its antithesis sharpening her divinity.
A comrade of the Ray and Mist and Flame,
245 By a moon-bright face a brilliant moment drawn,
Almost she seemed a thought mid floating thoughts,
[606] Seen hardly by a visionary mind
Amid the white inward musings of the soul.
Half-vanquished by the dream-happiness around,
250 Awhile she moved on an enchantment's soil,
But still remained possessor of her soul.
Above, her spirit in its mighty trance
Saw all, but lived for its transcendent task,
Immutable like a fixed eternal star.

End of Canto One

Она скользила, мыслью в рое мыслей,
Что разглядел с трудом провидец разум
Среди глубинных белых дум души:
Боль — радости предстала унтертоном
И бренность — зыбкой кисеёй бессмертья,
Что ткала ей наряд мгновений чудный,
Лишь красивший ее, — или контрастом,
Что подчеркнул божественность ее.
Полузахвачена той грезой счастья,
Она влеклась в пространстве чудных чар,
Но обладала все ж своей душою.
А свыше дух ее в могучем трансе
Все прозревал, но жил для цели высшей,
Незыблем, словно вечная звезда.

Конец Песни первой

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Евангелие Смерти и тщета Идеала

Canto Two

The Gospel of Death and Vanity of the Ideal

[607] Then pealed the calm inexorable voice:
Abolishing hope, cancelling life's golden truths,
Fatal its accents smote the trembling air.
That lovely world swam thin and frail, most like
5 Some pearly evanescent farewell gleam
On the faint verge of dusk in moonless eyes.
"Prisoner of Nature, many-visioned spirit,
Thought's creature in the ideal's realm enjoying
Thy unsubstantial immortality
10 The subtle marvellous mind of man has feigned,
This is the world from which thy yearnings came.
When it would build eternity from the dust,
Man's thought paints images illusion rounds;
Propheying glories it shall never see,
15 It labours delicately among its dreams.
Behold this fleeing of light-tasselled shapes,
Aerial raiment of unbodied gods;
A rapture of things that never can be born,
Hope chants to hope a bright immortal choir;
20 Cloud satisfies cloud, phantom to longing phantom
Leans sweetly, sweetly is clasped or sweetly chased.
This is the stuff from which the ideal is formed:
Its builder is thought, its base the heart's desire,
But nothing real answers to their call.
25 The ideal dwells not in heaven, nor on the earth,
A bright delirium of man's ardour of hope
Drunk with the wine of its own fantasy.
It is a brilliant shadow's dreamy trail.
30 Thy vision's error builds the azure skies,

ВНОВЬ грянул мерный непреклонный глас;
Фатальный, убивающий надежду,
Губящий жизни истины златые,
Он ранил словом трепетавший воздух.
Тот чудный мир прозрачнел зыбко, словно
Жемчужный отблеск, тающий прощально
Над меркнувшей землей в безлунный вечер.
«Раба Природы, дух, заблудший в грезах,
Творенье мысли в царстве идеала,
Забывшееся призрачным бессмертьем,
Что дивный ум людской искусно ткет, —
Вот мир, откуда страсть твоя явилась.
Из праха жажда воздвигнуть вечность,
Людская мысль рисует храм иллюзий;
Красоты славя, что вовек не зрела,
Она витает в царстве грез своих.
Вглядись же в этот танец форм цветистых,
Богов бесплотных призрачный наряд,
Восторг вещей, не могущих родиться;
Здесь светлый хор надежд поет надеждам,
Здесь облака играют с облаками
Иль призраки склоняются друг к другу,
Сливаясь сладко, сладко ускользя.
Вот из чего творится идеал,
Строенье мысли на песке желанья,
Но ничего реального в нем нет.
Твой идеал — лишь светлый бред ума,
Бесплодный пыл людской надежды тщетной,
Что опьянен вином своих фантазий:
Нет на земле его и нет на небе.
Он только зыбкий след лучистой тени.
Лазурь небес и радуги дуга —

- [608] Thy vision's error drew the rainbow's arch;
Thy mortal longing made for thee a soul.
This angel in thy body thou callst love,
Who shapes his wings from thy emotion's hues,
In a ferment of thy body has been born
35 And with the body that housed it it must die.
It is a passion of thy yearning cells,
It is flesh that calls to flesh to serve its lust;
It is thy mind that seeks an answering mind
And dreams awhile that it has found its mate;
40 It is thy life that asks a human prop
To uphold its weakness lonely in the world
Or feeds its hunger on another's life.
A beast of prey that pauses in its prowl,
It crouches under a bush in splendid flower
45 To seize a heart and body for its food:
This beast thou dreamst immortal and a god.
O human mind, vainly thou torturest
An hour's delight to stretch through infinity's
Long void and fill its formless, passionless gulfs,
50 Persuading the insensible Abyss
To lend eternity to perishing things,
And trickst the fragile movements of thy heart
With thy spirit's feint of immortality.
All here emerges born from Nothingness;
55 Encircled it lasts by the emptiness of Space,
Awhile upheld by an unknowing Force,
Then crumbles back into its parent Nought:
Only the mute Alone can for ever be.
In the Alone there is no room for love.
60 In vain to clothe love's perishable mud
Thou hast woven on the Immortals' borrowed loom

Лишь глаз твоих оптический обман;
Так и душа — лишь плод алканий смертных.
Твой ангел, величаемый любовью,
Парящий на крылах цветистых чувств,
Рожден брожением плоти, соком тела,
И с телом, где ютился, он умрет.
Твоя любовь — лишь страсть насытых клеток,
Лишь плоть, что похотливо алчет плоти;
Твой ум в ней ищет схожего ума
И грезит, что обрел себе собрата;
В ней жизнь твоя, слаба и одинока,
Найти опору жаждет в этом мире
Иль голод утолить другою жизнью.
Коварный хищник, замерший в засаде,
Она таится за кустами роз,
Чтоб растерзать доверчивое сердце
И, плотью овладев, ее пожрать —
И эту тварь ты мнишь бессмертным богом!
О смертный ум, твои напрасны муки:
Не тщись усладой краткой охватить
Безмерную пустую бесконечность
Иль тронуть вечный хлад пучин безвидных
И вынудить бесчувственную Бездну
Созданиям бранным вечность подарить;
Не облачай нестойкий трепет сердца
Души своей придуманным бессмертьем.
Все здесь исходит из Небытия,
Живет в объятьях пустоты Пространства
Недолго на волне бездумной Силы,
Чтоб сгинуть, вновь истлеть в Небытии.
Лишь Односущность может вечно быть.
Но в Односущности любви нет места.
Чтоб грубый тлен любви одеть, ты ткешь
Напрасно, взяв станок у фей бессмертных,

The ideal's gorgeous and unfading robe.
 The ideal never yet was real made.
 Imprisoned in form that glory cannot live;
 65 Into a body shut it breathes no more.
 Intangible, remote, for ever pure,
 [609] A sovereign of its own brilliant void,
 Unwillingly it descends to earthly air
 To inhabit a white temple in man's heart:
 70 In his heart it shines rejected by his life.
 Immutable, bodiless, beautiful, grand and dumb,
 Immobile on its shining throne it sits;
 Dumb it receives his offering and his prayer.
 It has no voice to answer to his call,
 75 No feet that move, no hands to take his gifts:
 Aerial statue of the nude Idea,
 Virgin conception of a bodiless god,
 Its light stirs man the thinker to create
 An earthly semblance of diviner things.
 80 Its hued reflection falls upon man's acts;
 His institutions are its cenotaphs,
 He signs his dead conventions with its name;
 His virtues don the Ideal's skiey robe
 And a nimbus of the outline of its face:
 85 He hides their littleness with the divine Name.
 Yet insufficient is the bright pretence
 To screen their indigent and earthy make:
 Earth only is there and not some heavenly source.
 If heavens there are they are veiled in their own light,
 90 If a Truth eternal somewhere reigns unknown,
 It burns in a tremendous void of God;

Наряд блестящий, легкий идеала.
Но не был идеал вовек реальным.
Тот светоч гибнет, заключенный в форму,
Не дышит больше, если заперт в теле.
Неосязаемый, далекий, вечно чистый,
Владыка в пустоте своей лучистой,
Не любит он в земной спускаться воздух,
Жить в белом храме в сердце человека,
Где он сияет, в жизнь его не вхож.
Незыблем, нем в величьи бестелесном,
Недвижен на своем блестящем троне,
Приемлет молча он мольбы и жертвы
И, безъязык, не может отозваться,
Безног, не может встать, безрук — принять дары:
Эфирный монумент Идеи чистой,
Бесплотный бог, зачатый непорочно,
Он вдохновляет смертных вымышлять
Подобия божественных явлений;
Деяньям их даря свой яркий отблеск,
Он осеняет именем своим
Их мертвые конвенции и нормы,
Их учрежденья — свои кенотафы,
Их добродетель в платье Идеала
И с нимбом, очертившим лик его:
Так Именем божественно высоким
Скрывает человек свою ничтожность.
И все ж не скрыть сиятельным обманом
Убогость, приземленность дел его:
Земля — источник их, не светы неба.
Когда б и были где-то небеса,
Они сокрыты в собственном сиянье,
Коль Истина безвестно правит где-то,
Она пылает в ширях Божьих сфер,

For truth shines far from the falsehoods of the world;
 How can the heavens come down to unhappy earth
 Or the eternal lodge in drifting time?
 95 How shall the Ideal tread earth's dolorous soil
 Where life is only a labour and a hope,
 A child of Matter and by Matter fed,
 A fire flaming low in Nature's grate,
 A wave that breaks upon a shore in Time,
 100 A journey's toilsome trudge with death for goal?
 The Avatars have lived and died in vain,
 Vain was the sage's thought, the prophet's voice;
 [610] In vain is seen the shining upward Way.
 Earth lies unchanged beneath the circling sun;
 105 She loves her fall and no omnipotence
 Her mortal imperfections can erase,
 Force on man's crooked ignorance Heaven's straight line
 Or colonise a world of death with gods.
 O traveller in the chariot of the Sun,
 110 High priestess in thy holy fancy's shrine
 Who with a magic ritual in earth's house
 Worshippest ideal and eternal love,
 What is this love thy thought has deified,
 This sacred legend and immortal myth?
 115 It is a conscious yearning of thy flesh,
 It is a glorious burning of thy nerves,
 A rose of dream-splendour petalling thy mind,
 A great red rapture and torture of thy heart.
 A sudden transfiguration of thy days,
 120 It passes and the world is as before.
 A ravishing edge of sweetness and of pain,
 A thrill in its yearning makes it seem divine,

Вдали от фальши и обмана мира;
Как небо низойдет в юдоль земную,
Как вечность утвердится в зыбких летах
Иль ступит Идеал во прах земли,
Где жизнь — лишь тяжкий труд в пустых надеждах,
Материи приплод, живущий ею,
Огонь, что тлеет в очаге Природы,
Волна, что гибнет на берегу Времен,
Тяжелый скорбный путь навстречу смерти?
Напрасны Аватаров жизнь и смерть,
И мысли мудрецов, и глас пророков;
Напрасно блещет восходящий Путь.
Земля осталась той же, что была,
Не изменясь под кружащимся солнцем,
Любя свое паденье: нет всесилья,
Чтоб в ней пороки тленья истребить,
Расправить смертный горб в прямую Неба
Иль землю смерти населить богами.
О странница на колеснице Солнца,
О жрица в храме собственных фантазий,
Что сказочным обрядом в доме бренном
Чтит идеал и вечную любовь,
Что есть твоя любовь? — кумир ума,
Бессмертный миф, священная легенда,
Сознательная жажда брэнной плоти,
Блистательный огонь смятенных нервов,
Цветенье грез — мечтаний светлых роза,
Великий сладкий пыл и мука сердца.
Вдруг вспыхнув, озарив убогость жизни,
Она проходит вновь, и все — как было.
Пленяя жаркой сладостью и болью,
Объяв кипучей неумемной жаждой,
Она сияет, божеству подобна,

- A golden bridge across the roar of the years,
A cord tying thee to eternity.
- 125 And yet how brief and frail! how soon is spent
This treasure wasted by the gods on man,
This happy closeness as of soul to soul,
This honey of the body's companionship,
This heightened joy, this ecstasy in the veins,
- 130 This strange illumination of the sense!
If Satyavan had lived, love would have died;
But Satyavan is dead and love shall live
A little while in thy sad breast, until
His face and body fade on memory's wall
- 135 Where other bodies, other faces come.
When love breaks suddenly into the life
At first man steps into a world of the sun;
In his passion he feels his heavenly element:
- [611] But only a fine sunlit patch of earth
- 140 The marvellous aspect took of heaven's outburst;
The snake is there and the worm in the heart of the rose.
A word, a moment's act can slay the god;
Precarious is his immortality,
He has a thousand ways to suffer and die.
- 145 Love cannot live by heavenly food alone,
Only on sap of earth can it survive.
For thy passion was a sensual want refined,
A hunger of the body and the heart;
Thy want can tire and cease or turn elsewhere.
- 150 Or love may meet a dire and pitiless end
By bitter treason, or wrath with cruel wounds

Златым мостом над бурунами лет,
Уздою, что тебя связует с вечным.
Но как же слаб и краток этот пламень!
Как мал и тщетен этот дар богов,
Что так бездумно расточают люди, —
Счастливая взаимность двух сердец,
Двух тел плененных сладостная близость,
Восторг поспешный, пыл, кипящий в жилах,
Непостижимость просветленных чувств!
Ты говоришь, что любишь Сатьявана, —
Живи он дольше, умерла б любовь;
Но умер он, и жить любви дано
Еще немного в горестной груди,
Пока не сгинет в прошлом образ милый,
Забывшись среди новых образов и тел.
Когда любовь вдруг восплает в жизни,
Сначала в чудный мир взмывает смертный
И страсть свою он мнит всевышним даром,
Не ведая, что град его небесный —
Лишь жалкий клочок земли под блеклым солнцем.
Но змей, но червь таится в сердце розы.
Случайным словом, действием поспешным
Вдруг может быть сражен волшебный бог —
О, как же хрупок он в своем бессмертии!
Во всем он может встретить боль и гибель.
Любви не жить одной небесной пищей,
Лишь терпкий сок земли живит ее.
Ведь страсть твоя — лишь чувственная жажда,
Лишь вожделенье тела, похоть сердца;
Она уймется — иль найдет себе другого.
Иль может ждать любовь конец ужасный,
Когда, изменой горькой сражена
Иль не снеся жестоких ран разлуки,

Separate, or thy unsatisfied will to others
 Depart when first love's joy lies stripped and slain:
 A dull indifference replaces fire
 155 Or an endearing habit imitates love:
 An outward and uneasy union lasts
 Or the routine of a life's compromise:
 Where once the seed of oneness had been cast
 Into a semblance of spiritual ground
 160 By a divine adventure of heavenly powers
 Two strive, constant associates without joy,
 Two egos straining in a single leash,
 Two minds divided by their jarring thoughts,
 Two spirits disjoined, for ever separate.
 165 Thus is the ideal falsified in man's world;
 Trivial or sombre, disillusion comes,
 Life's harsh reality stares at the soul:
 Heaven's hour adjourned flees into bodiless Time.
 Death saves thee from this and saves Satyavan:
 170 He now is safe, delivered from himself;
 He travels to silence and felicity.
 Call him not back to the treacheries of earth
 And the poor petty life of animal Man.
 In my vast tranquil spaces let him sleep
 [612] 175 In harmony with the mighty hush of death
 Where love lies slumbering on the breast of peace.
 And thou, go back alone to thy frail world:
 Chastise thy heart with knowledge, unhood to see,

Она находит в ненависти гибель
Иль, тяжкой безответностью отчаясь,
В других напрасно ищет утоленья,
Лишившись первой радости убитой.
И пламя гаснет в тусклом равнодушии,
И пыл любви сменяется привычкой:
С трудом формальный держится союз
Иль компромисс рутинный чуждых жизней:
Где горних сил божественным дерзаньем
В то, что казалось почвою духовной,
Когда-то пало семя единенья,
Теперь, не зная радости и мира,
В одной упряжке борются два эго,
Два спутника, что поневоле вместе,
Два разума, что ссорятся друг с другом,
Два духа, разобщенных навсегда.
Так идеал любви порочат люди;
Под гнетом бед иль будничности серой
Приходит избавленье от иллюзий:
Душа сдается тяжкой прозе жизни.
Небесный миг, блеснув красою тщетной,
Вновь исчезает в вечности бесплотной.
Но смерть спасет тебя и Сатъявана,
Не дав познать крушенье идеала:
Он уж спасен, избавлен от себя;
Он держит путь к безмолвию и счастью.
Не клич его назад, к земным изменам,
К ничтожной жизни человекозверя.
Пусть он уснет в моих покойных ширях
В гармонии с могучей тишью смерти,
Где спит любовь в объятиях покоя.
А ты — вернись одна в свой бранный мир:
Измучай сердце знаньем, чтоб прозреть,

- Thy nature raised into clear living heights,
180 The heaven-bird's view from unimagined peaks.
For when thou givest thy spirit to a dream
Soon hard necessity will smite thee awake:
Purest delight began and it must end.
Thou too shalt know, thy heart no anchor swinging,
185 Thy cradled soul moored in eternal seas.
Vain are the cycles of thy brilliant mind.
Renounce, forgetting joy and hope and tears,
Thy passionate nature in the bosom profound
Of a happy Nothingness and worldless Calm,
190 Delivered into my mysterious rest.
One with my fathomless Nihil all forget.
Forget thy fruitless spirit's waste of force,
Forget the weary circle of thy birth,
Forget the joy and the struggle and the pain,
195 The vague spiritual quest which first began
When worlds broke forth like clusters of fire-flowers,
And great burning thoughts voyaged through the sky of mind
And Time and its aeons crawled across the vasts
And souls emerged into mortality.”
200 But Savitri replied to the dark Power:
“A dangerous music now thou findest, O Death,
Melting thy speech into harmonious pain,
And flut'st alluringly to tired hopes
Thy falsehoods mingled with sad strains of truth.
205 But I forbid thy voice to slay my soul.
My love is not a hunger of the heart,
My love is not a craving of the flesh;
It came to me from God, to God returns.

Природой взмыв к живым прозрачным высям,
Небесной птицей — с непостижных пиков.
Не стоит тешить дух напрасной грезой,
Ведь скорым, горьким будет отрезвление:
Среди суровых нужд и тягот жизни
Восторг чистейший долго не живет.
И ты поймешь: не бросив якорь сердцем,
Твоя душа спит на стоянке вечной;
И ум блестящий твой напрасно кружит.
Так растворишься в моем глубинном лоне,
Забыв улады, горести, надежды,
Избавься от своей природы страстной
В Тиши немой, в Небытии счастливом,
Освободись в моем успеньи чудном.
Обняв мое Ничто, забудь про все.
Забудь бесплодное боренье духа,
Забудь рождений надоевший круг,
Забудь улады, тяготы и скорби,
И смутный поиск духа, что зажегся,
Когда миры исторглись друзой огнецветной
И дум великих пыл взметнулся в небо мысли,
И чередой эпохи поплелись в пространстве,
И души родились в пределах бранных».
Но Савитри рекла той мрачной Силе:
«О Смерть, опасен горький твой напев,
Ты мелодичной мукой травмишь душу
И губишь утомленную надежду
Соблазном лжи с приманкой горькой правды.
Но не убить тебе моей любви:
Твой глас не в силах отравить мне душу.
Моя любовь — не похоть в алчном сердце,
Моя любовь — не вожделенье плоти,
Но Божий дар, что вновь стремится к Богу.

Even in all that life and man have marred,
210 A whisper of divinity still is heard,
[613] A breath is felt from the eternal spheres.
Allowed by Heaven and wonderful to man
A sweet fire-rhythm of passion chants to love.
There is a hope in its wild infinite cry;
215 It rings with callings from forgotten heights,
And when its strains are hushed to high-winged souls
In their empyrean, its burning breath
Survives beyond, the rapturous core of suns
That flame for ever pure in skies unseen,
220 A voice of the eternal Ecstasy.
One day I shall behold my great sweet world
Put off the dire disguises of the gods,
Unveil from terror and disrobe from sin.
Appeased we shall draw near our mother's face,
225 We shall cast our candid souls upon her lap;
Then shall we clasp the ecstasy we chase,
Then shall we shudder with the long-sought god,
Then shall we find Heaven's unexpected strain.
Not only is there hope for godheads pure;
230 The violent and darkened deities
Leaped down from the one breast in rage to find
What the white gods had missed: they too are safe;
A mother's eyes are on them and her arms
Stretched out in love desire her rebel sons.
235 One who came love and lover and beloved
Eternal, built himself a wondrous field
And wove the measures of a marvellous dance.
There in its circles and its magic turns

Ведь даже в том, что извратили люди,
Все ж раздается шепот божества,
Дыхание трепещет сфер предвечных.
Благословенный Небом дивный дар,
Любви поет огонь ритмичный страсти.
Надежды полон клич его безмерный;
Звонит он зовом позабытых высей,
И даже в небе окрыленных душ
Он, стихнув, реет пламенным дыханьем,
Блаженной негасимой сутью солнц —
В незримых сферах вечный чистый пламень,
Глашатай неизбывного Экстаза.
Однажды мой великий мир прекрасный
Сорвет личины страшные богов,
Сметет греха и ужаса покровы,
И наша мать откроет нам свой лик.
С восторгом наши искренние души
Падут в объятия к ней, сольются с нею;
Мы обретем экстаз, что влек нас вечно,
Мы вострепещем долгожданным богом,
Мы вдруг откроем новый свет Небес.
Надежда — не одним лишь чистым божествам;
Но сумрачные яростные боги,
Что оторвались от груди единой
В неистовом порыве отыскать
Упущенное белыми богами, тоже спасены;
О них печется мать, ее объятия
С любовью ждут сынов ее мятежных.
Любовью став, влюбленным и любимым,
Предвечный распахнулся чудным миром
И соразмерил в нем свой дивный танец.
В таинственных движениях и фигурах
Он, увлеченный, кружится задорно

Attracted he arrives, repelled he flees.
240 In the wild devious promptings of his mind
He tastes the honey of tears and puts off joy
Repenting, and has laughter and has wrath,
And both are a broken music of the soul
Which seeks out reconciled its heavenly rhyme.
245 Ever he comes to us across the years
Bearing a new sweet face that is the old.
[614] His bliss laughs to us or it calls concealed
Like a far-heard unseen entrancing flute
From moonlit branches in the throbbing woods,
250 Tempting our angry search and passionate pain.
Disguised the Lover seeks and draws our souls.
He named himself for me, grew Satyavan.
For we were man and woman from the first,
The twin souls born from one undying fire.
255 Did he not dawn on me in other stars?
How has he through the thickets of the world
Pursued me like a lion in the night
And come upon me suddenly in the ways
And seized me with his glorious golden leap!
260 Unsatisfied he yearned for me through time,
Sometimes with wrath and sometimes with sweet peace
Desiring me since first the world began.
He rose like a wild wave out of the floods
And dragged me helpless into seas of bliss.
265 Out of my curtained past his arms arrive;
They have touched me like the soft persuading wind,
They have plucked me like a glad and trembling flower,

Иль с отвращеньем покидает пляску;
Иль в яростных метаниях ума
Вкушает слез нектар и гонит радость,
Горюя; смехом полнится иль гневом:
Но смех и гнев — лишь диссонанс души,
Что ищет вновь познать свой лад небесный.
Вовеки он приходит к нам сквозь годы
В обличье милом — прежнем, хоть и новом.
Его блаженство нам смеется сладко
Иль призывает нас неясным зовом,
Чарующим далеким пеньем флейты
Из рощ, что трепетают в лунном свете,
Нас полня пылкой жаждой, сладкой мукой.
Любимый, скрывшись под иным обличьем,
Всегда зовет и манит наши души.
И для меня предстал он Сатьяваном.
Всегда мы были мужем и женою,
Едины духом, души-близнецы,
Рожденные в одном огне бессмертном.
Не он ли мне сиял во всех светилах?
О как, незримый, он сквозь джунгли мира
За мною крался, словно лев в ночи,
И вдруг настиг меня в пути безвестном
Одним златым пленительным прыжком!
Меня алкая, влекся он сквозь время
То в ярости, то в неге безмятежной,
С начала мира лишь меня желая, —
И вдруг нагрянул всемогущим шквалом
И вмиг унес меня в моря блаженства.
Из прошлого, что ныне скрыто тайной,
Ко мне он протянул родные длани,
Меня коснулся, нежным властным ветром,
Привлек, счастливым трепетным цветком,

And clasped me happily burned in ruthless flame.
I too have found him charmed in lovely forms
270 And run delighted to his distant voice
And pressed to him past many dreadful bars.
If there is a yet happier greater god,
Let him first wear the face of Satyavan
And let his soul be one with him I love;
275 So let him seek me that I may desire.
For only one heart beats within my breast
And one god sits there throned. Advance, O Death,
Beyond the phantom beauty of this world;
For of its citizens I am not one.
280 I cherish God the Fire, not God the Dream.”
But Death once more inflicted on her heart
The majesty of his calm and dreadful voice:
[615] “A bright hallucination are thy thoughts.
A prisoner haled by a spiritual cord,
285 Of thy own sensuous will the ardent slave,
Thou sendest eagle-poised to meet the sun
Words winged with the red splendour of thy heart.
But knowledge dwells not in the passionate heart;
The heart’s words fall back unheard from Wisdom’s throne.
290 Vain is thy longing to build heaven on earth.
Artificer of Ideal and Idea,
Mind, child of Matter in the womb of Life,
To higher levels persuades his parents’ steps:
Inapt, they follow ill the daring guide.
295 But Mind, a glorious traveller in the sky,
Walks lamely on the earth with footsteps slow;
Hardly he can mould the life’s rebellious stuff,
Hardly can he hold the galloping hooves of sense:

И обнял, и с восторгом я сгорела
В безжалостном огне его объятий.
И я нашла его в обличьях милых,
И бросилась на зов его далекий,
И, сквозь преграды тяжкие пробившись,
Пришла к нему, найдя свое блаженство.
Когда есть бог счастливее и выше,
Пусть прежде примет облик Сатьявана
И моего возлюбленного душу
Вместит в себя — пусть станет мне желанным.
Ведь лишь одно во мне пылает сердце
И в нем один лишь бог царит. Ступай же,
О Смерть, вперед из мира грез прекрасных;
Ведь я не житель царства миражей.
Мной движет Бог-Огонь, не Бог-Фантом».
Но снова ей на сердце тяжело лег
Бездушной силой жуткий голос Смерти:
«Твой ум пленен игрой галлюцинаций.
Твой мнимый дух, своей же страсти узник,
Своих желаний плотских пылкий раб,
Навстречу солнцу шлет, орлам подобно,
Слова на крыльях красной грезы сердца;
Но знанью нету места в страстном сердце,
И Мудрости престол не внемлет страсти.
Не тщись воздвигнуть небо на земле.
Мастеровой идеей и идеалов,
Разум, рожденный жизнью отпрыск праха,
Родителей своих все выше тянет,
Но трудно им поспеть за смелым чадом.
А сам он, странник царственный небес,
Ступает по земле неловко, хромо;
С трудом сдержать он может скачку чувств
Иль совладать с мятежной глиной жизни:

His thoughts look straight into the very heavens;
 300 They draw their gold from a celestial mine,
 His acts work painfully a common ore.
 All thy high dreams were made by Matter's mind
 To solace its dull work in Matter's jail,
 Its only house where it alone seems true.
 305 A solid image of reality
 Carved out of being to prop the works of Time,
 Matter on the firm earth sits strong and sure.
 It is the first-born of created things,
 It stands the last when mind and life are slain,
 310 And if it ended all would cease to be.
 All else is only its outcome or its phase:
 Thy soul is a brief flower by the gardener Mind
 Created in thy matter's terrain plot;
 It perishes with the plant on which it grows,
 315 For from earth's sap it draws its heavenly hue:
 Thy thoughts are gleams that pass on Matter's verge,
 Thy life a lapsing wave on Matter's sea.
 A careful steward of Truth's limited means,
 [616] Treasuring her founded facts from the squandering Power,
 320 It tethers mind to the tent-posts of sense,
 To a leaden grey routine clamps Life's caprice
 And ties all creatures with the cords of Law.
 A vessel of transmuting alchemies,
 A glue that sticks together mind and life,
 325 If Matter fails, all crumbling cracks and falls.
 All upon Matter stands as on a rock.
 Yet this security and guarantor
 Pressed for credentials an impostor proves:

Он устремляет мысли прямо в небо,
Из горних копей добывая золото
И не любя земной породы бедной.
Твои мечты — лишь вымыслы ума,
Чтоб облегчить свой труд в темнице праха,
В Материи — своем жилище душном,
Где лишь она и кажется реальной.
Реальности сплоченное подобье,
Из бытия изваянное грубо,
Чтоб стать опорой для трудов Времен,
Материя воздвиглась прочно в мире,
Первооснова всякого творенья:
Где гибнут ум и жизнь, она лишь длится;
Не стань ее — и ничего не будет.
Все прочее — лишь плод ее иль вид:
Твоя душа — цветок недолговечный,
Что Ум-садовник вырастил с трудом
В твоём земном сосуде материальном;
Она умрет с ростком, её питавшим,
Ведь сок земли ей дарит цвет небесный,
И мысль твоя — лишь всполох в недрах вещества,
И жизнь твоя — лишь всплеск в материальной бездне.
Копилки Истины дотошный казначей,
От Силы мотовской храня её находки,
Она треножит ум уздою чувств,
Стесняет Жизни буйство гнетом будней,
Всех тварей вяжет узами Закона.
Сосуд преображающих алхимий,
Она как клей скрепляет ум и жизнь,
И если подведет, всё рухнет, сгинет.
Всему скала Материи — основа.
Но этот поручитель и гарант,
Проверь его, окажется пройдохой:

A cheat of substance where no substance is,
330 An appearance and a symbol and a nought,
Its forms have no original right to birth:
Its aspect of a fixed stability
Is the cover of a captive motion's swirl,
An order of the steps of Energy's dance
335 Whose footmarks leave for ever the same signs,
A concrete face of unsubstantial Time,
A trickle dotting the emptiness of Space:
A stable-seeming movement without change,
Yet change arrives and the last change is death.
340 What seemed most real once, is Nihil's show.
Its figures are snares that trap and prison the sense;
The beginningless Void was its artificer:
Nothing is there but aspects limned by Chance
And seeming shapes of seeming Energy.
345 All by Death's mercy breathe and live awhile,
All think and act by the Inconscient's grace.
Addict of the roseate luxury of thy thoughts,
Turn not thy gaze within thyself to look
At visions in the gleaming crystal, Mind,
350 Close not thy lids to dream the forms of Gods.
At last to open thy eyes consent and see
The stuff of which thou and the world are made.
Inconscient in the dumb inconscient Void
Inexplicably a moving world sprang forth:
[617] 355 Awhile secure, happily insensible,
It could not rest content with its own truth.
For something on its nescient breast was born
Condemned to see and know, to feel and love,

Взвесь вещества, где нет его в помине, —
Лишь видимость, иль символ, иль мираж,
У форм ее нет прав исконных быть:
Ее обличье нерушимой тверди
Скрывает вихрь плененного движенья,
Энергии танцующую поступь,
Чей мерный след вовеки не менялся,
Эфира Времени конкретный облик,
Капель молекул в пустоте Пространства,
Течение, что мнится неизменным,
Но все ж меняется, венчаясь смертью.
Так самая реальность предстает
Лишь Небыти обманчивой игрою.
Ее обличья — чувств силок и плен;
Ее творец — предвечное Ничто.
Ничто не существует, только тени,
Картины-грезы, что рисует Случай,
Энергий мнимых мнимые обличья.
Все Смерти милостью живет и дышит,
Все мыслит, деет волей Несознанья.
О пленница мечтаний розооких,
Не погружай свой взор в себя, в кристалл Ума,
Где реет рой мерцающих видений,
Не грезь, смежая вежды, о Богах волшебных.
Открой глаза и наконец увидь,
Что за мираж слепил тебя и мир.
Сон Несознанья в бездне Несознанья —
Подвижный мир необъяснимо ожил:
Сплотясь на час, в бесчувствии счастливом,
Не мог смириться он с своею правдой.
Ведь что-то родилось из недр бездушных,
Чтоб в муках видеть, чувствовать, любить;
Оно постичь себя и мир пыталось,

It watched its acts, imagined a soul within;
360 It groped for truth and dreamed of Self and God.
When all unconscious was, then all was well.
I, Death, was king and kept my regal state,
Designing my unwilled, unerring plan,
Creating with a calm insentient heart.
365 In my sovereign power of unreality
Obliging nothingness to take a form,
Infallibly my blind unthinking force
Making by chance a fixity like fate's,
By whim the formulas of Necessity,
370 Founded on the hollow ground of the Inane
The sure bizarrerie of Nature's scheme.
I curved the vacant ether into Space;
A huge expanding and contracting Breath
Harboured the fires of the universe:
375 I struck out the supreme original spark
And spread its sparse ranked armies through the Inane,
Manufactured the stars from the occult radiances,
Marshalled the platoons of the invisible dance;
I formed earth's beauty out of atom and gas,
380 And built from chemic plasm the living man.
Then Thought came in and spoiled the harmonious world:
Matter began to hope and think and feel,
Tissue and nerve bore joy and agony.
The inconscient cosmos strove to learn its task;
385 An ignorant personal God was born in Mind
And to understand invented reason's law,
The impersonal Vast throbbled back to man's desire,
A trouble rocked the great world's blind still heart
And Nature lost her wide immortal calm.

Оно в себе вообразало душу,
Алкало истины, стремилось к Духу, к Богу.
Все было хорошо, пока все было мертвым.
Я, Смерти царь, владел всецело миром,
По плану своему, безвольно, безъязычно,
Творя с покойным безучастным сердцем.
В своей всевластной силе нереальности
Ничто заставив облачиться в форму,
Моя слепая мощь, бездумно, безупречно,
Случайностью творя неизбежность судеб,
Капризом — волю Предопределенья,
Воздвигла в пустоте бесплотной Бездны,
Причудой, твердь Природного строенья.
Эфир бесплотный я свернул в Пространство,
И задышала в расширеньях, в сжатьях
Вселенная, вместив огни светил:
Я высек искры изначальной пламень
И рать ее рассыпал стройно в Бездне,
Из светочей оккультных звезды свил,
Направил строй невидимого танца;
Я красоту земли сплотил из газа
И человека вылепил из плазмы.
Но вторглась Мысль, испортил стройный космос:
Надежда, чувство, мысль закрались в персть,
В живую ткань влились восторг и мука.
Бездумный мир задумался о цели:
В Уме родился личный Бог-невежда,
И, чтоб понять закон уморожденный,
Ответствуя желанью человека,
В безличной Пустоте забился пульс,
В недвижимое слепое сердце мира
Вошла тоска, нарушив тишь его,
И мир забыл бессмертный свой покой.

390 Thus came this warped incomprehensible scene
[618] Of souls emmeshed in life's delight and pain
And Matter's sleep and Mind's mortality,
Of beings in Nature's prison waiting death
And consciousness left in seeking ignorance
395 And evolution's slow arrested plan.
This is the world in which thou mov'st, astray
In the tangled pathways of the human mind,
In the issueless circling of thy human life,
Searching for thy soul and thinking God is here.
400 But where is room for soul or place for God
In the brute immensity of a machine?
A transient Breath thou takest for thy soul,
Born from a gas, a plasm, a sperm, a gene,
A magnified image of man's mind for God,
405 A shadow of thyself thrown upon Space.
Interposed between the upper and nether Void,
Thy consciousness reflects the world around
In the distorting mirror of Ignorance
Or upwards turns to catch imagined stars.
410 Or if a half-Truth is playing with the earth
Throwing its light on a dark shadowy ground,
It touches only and leaves a luminous smudge.
Immortality thou claimest for thy spirit,
But immortality for imperfect man,
415 A god who hurts himself at every step,
Would be a cycle of eternal pain.
Wisdom and love thou claimest as thy right;
But knowledge in this world is error's mate,
A brilliant procuress of Nescience,
420 And human love a posturer on earth-stage
Who imitates with verve a faery dance.

Так начался спектакль безумный и порочный
Душ, бьющихся в тенетах боли и улады,
И сна Материи, и бренности Ума,
Существ, что смерти ждут в тюрьме Природы,
Сознания, что в неведеньи блуждает,
И трудной эволюции потуг.
Вот мир, где ты скитаешься бесцельно
На путаных путях ума земного,
В бесцельном круге тщетной смертной жизни,
Ища своей души и грезя Богом.
Но есть ли место для души и Бога
В чудовищном гигантском механизме?
Дыханье бренное ты приняла за душу,
Рожденное из газа, плазмы, спермы, гена,
За Бога — образ выпренный ума,
Свою же тень, парящую в Пространстве.
В плену меж высшей Пустотой и низшей,
Твое сознание мир отображает
В Неведения зеркале кривом
Иль ввысь стремится к вымышленным звездам.
Иль если полу-Истина ведет игру с землею,
Отбрасывая свет на мрачный смутный прах,
Она, коснувшись, исчезает вновь,
Лишь оставляя радужные пятна.
Ты веришь, что душа твоя бессмертна,
Но человек еще несовершенный —
Бог, что вредит себе на каждом шаге, —
Бессмертным став, лишь мучился бы вечно.
На мудрость, на любовь ты притязаеть;
Но знание в мире — пара заблужденья,
Неведенья блистательная сводня,
Любовь же в людях — лишь фигляр на сцене,
Что с жаром подражает танцу феи.

An extract pressed from hard experience,
Man's knowledge casked in the barrels of Memory
Has the harsh savour of a mortal draught:
425 A sweet secretion from the erotic glands
Flattering and torturing the burning nerves,
[619] Love is a honey and poison in the breast
Drunk by it as the nectar of the gods.
Earth's human wisdom is no great-browed power,
430 And love no gleaming angel from the skies;
If they aspire beyond earth's dullard air,
Arriving sunwards with frail waxen wings,
How high could reach that forced unnatural flight?
But not on earth can divine wisdom reign
435 And not on earth can divine love be found;
Heaven-born, only in heaven can they live;
Or else there too perhaps they are shining dreams.
Nay, is not all thou art and doest a dream?
Thy mind and life are tricks of Matter's force.
440 If thy mind seems to thee a radiant sun,
If thy life runs a swift and glorious stream,
This is the illusion of thy mortal heart
Dazzled by a ray of happiness or light.
Impotent to live by their own right divine,
445 Convinced of their brilliant unreality,
When their supporting ground is cut away,
These children of Matter into Matter die.
Even Matter vanishes into Energy's vague
And Energy is a motion of old Nought.
450 How shall the Ideal's unsubstantial hues
Be painted stiff on earth's vermilion blur,
A dream within a dream come doubly true?

Из тягот жизни выжатая трудно,
Их мудрость, в бочках Памяти крепчая,
Имеет горький вкус закваски смертной;
Интимных желез сладостный секрет,
Что жарко тешит и терзает нервы,
Любовь вливает в сердце мед и яд,
Что кажется богов нектаром чудным.
Людская мудрость — не премудрый бог,
Любовь — не ангел лучезарный с неба;
Когда они из серости земной
На крыльях восковых стремятся к солнцу,
Высок ли будет шаткий их полет?
Не править в мире мудрости всевышней,
Любви всевышней в мире не бывать;
Они живут лишь в небесах надмирных;
Да нет, они и там — лишь сны, лишь грезы.
И разве ты сама — не та же греза?
Твой ум и жизнь твоя — лишь блеф, лишь трюк,
Материи искусное притворство.
Когда ты мнишь свой ум лучистым солнцем,
Когда в тебе кипит, ликуя, жизнь,
Они — мираж в твоём невечном сердце,
Что счастья луч слепит иль света отблеск.
Не в силах жить своим нездешним правом,
Уверовав в блестящий свой мираж,
Когда земля уходит из-под ног,
Они, творенья праха, гибнут в прахе,
В Материи родясь, в ней умирают.
Материя ж — Энергии сгущенье,
А та — лишь древней Небыти движенье.
Иль Идеала призрачные краски
Вдруг оживят пунцовый дым земли,
И в грезе греза станет дважды явью?

How shall the will-o'-the-wisp become a star?
The Ideal is a malady of thy mind,
455 A bright delirium of thy speech and thought,
A strange wine of beauty lifting thee to false sight.
A noble fiction of thy yearnings made,
Thy human imperfection it must share:
Its forms in Nature disappoint the heart,
460 And never shall it find its heavenly shape
And never can it be fulfilled in Time.
O soul misled by the splendour of thy thoughts,
[620] O earthly creature with thy dream of heaven,
Obey, resigned and still, the earthly law.
465 Accept the brief light that falls upon thy days;
Take what thou canst of Life's permitted joy;
Submitting to the ordeal of fate's scourge
Suffer what thou must of toil and grief and care.
There shall approach silencing thy passionate heart
470 My long calm night of everlasting sleep:
There into the hush from which thou cam'st retire."

End of Canto Two

Блуждающий огонь взлетит звездой?
Твой Идеал — недуг в твоём мозгу,
Прекрасный бред речей твоих и мыслей,
Вино, что красотой дурманит взор.
Изящное творенье грез твоих,
Отмечен он несовершенством смертным
И, воплотясь, разочарует сердце —
Нет, не стяжать ему небесной стати,
Не сбывься в брэнной жизни на земле.
О дух, заблудший средь фантазий пылких,
О тварь земная, грезящая небом,
Уймись, прими, смирясь, земной закон.
Утешься кратким светом дней своих;
Бери, что можешь, от утех доступных;
Сноси покорно под бичом судьбы
Что суждено тебе — скорбь, труд, заботы,
Пока не успокоит сердца страсть
Мой смертный сон в объятях вечной ночи:
Туда вернись — в покой, откуда вышла».

Конец Песни второй

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Спор Любви и Смерти

Canto Three

The Debate of Love and Death

[621] A sad destroying cadence the voice sank;
It seemed to lead the advancing march of Life
Into some still original Inane.
But Savitri answered to almighty Death:
5 “O dark-browed sophist of the universe
Who veilst the Real with its own Idea,
Hiding with brute objects Nature’s living face,
Masking eternity with thy dance of death,
Thou hast woven the ignorant mind into a screen
10 And made of Thought error’s purveyor and scribe,
And a false witness of mind’s servant sense.
An aesthete of the sorrow of the world,
Champion of a harsh and sad philosophy
Thou hast used words to shutter out the Light
15 And called in Truth to vindicate a lie.
A lying reality is falsehood’s crown
And a perverted truth her richest gem.
O Death, thou speakest truth but truth that slays,
I answer to thee with the Truth that saves.
20 A traveller new-discovering himself,
One made of Matter’s world his starting-point,
He made of Nothingness his living-room
And Night a process of the eternal light
And death a spur towards immortality.
25 God wrapped his head from sight in Matter’s cowl,
His consciousness dived into inconscient depths,
All-Knowledge seemed a huge dark Nescience;
Infinity wore a boundless zero’s form.
His abyssms of bliss became insensible deeps,
30 Eternity a blank spiritual Vast.
Annulling an original nullity

ЗАТИХ тот глас мертвящий, скорбный ропот;
Казалось, Жизни шаг он влек безвольно
В бездонность первородной Пустоты.

Но Савитри ответствовала Смерти —
Всесильному владыке-божеству:
«О, мрачноликий мировой софист,
Затмивший Правду собственной Идеей
И грубым прахом — лик живой Природы
И облачивший вечность в пляску смерти,
Ты превратил незрячий ум в покров,
И Мысль — в писца-поборника ошибки,
И чувства — слуг ума — в пустых лжецов.
Эстет страданий, что терзают мир,
Поборник философии зловещей,
Прибег ты к слову, чтобы спрятать Свет,
Ты Истину призвал в подмогу лжи.
Ведь это лжи венец — фальшивая реальность,
Чей лучший самоцвет — изолганная правда.
Речешь ты, Смерть, губительную правду,
Но мой ответ — спасительная Правда.
Искатель, познающий вновь себя,
Решил начать с Материи свой поиск,
В Небытии пристанище обрел,
И сделал Ночь рождением света вечного,
А смерть — бичом, что будет гнать к бессмертию.
Бог скрыл свой лик под капюшоном праха,
Свое сознание — в безднах Несознания,
Всеведение — в гигантской тьме Не-Знания;
Безбрежность исказилась в ноль безмерный,
Блаженства глубь — в бесчувственную бездну,
Духовной голой Ширью стала вечность.
Уничтожая первородное ничто,

- [622] The Timeless took its ground in emptiness
And drew the figure of a universe,
That the spirit might adventure into Time
35 And wrestle with adamant Necessity
And the soul pursue a cosmic pilgrimage.
A spirit moved in black immensities
And built a Thought in ancient Nothingness;
A soul was lit in God's tremendous Void,
40 A secret labouring glow of nascent fire.
In Nihil's gulf his mighty Puissance wrought;
She swung her formless motion into shapes,
Made Matter the body of the Bodiless.
Infant and dim the eternal Might's awoke.
45 In inert Matter breathed a slumbering Life,
In a subconscious Life Mind lay asleep;
In waking Life it stretched its giant limbs
To shake from it the torpor of its drowse;
A senseless substance quivered into sense,
50 The world's heart commenced to beat, its eyes to see,
In the crowded dumb vibrations of a brain
Thought fumbled in a ring to find itself,
Discovered speech and fed the new-born Word
That bridged with spans of light the world's ignorance.
55 In waking Mind, the Thinker built his house.
A reasoning animal willed and planned and sought;
He stood erect among his brute compeers,
He built life new, measured the universe,
Opposed his fate and wrestled with unseen Powers,
60 Conquered and used the laws that rule the world,

Безвременно воздвиглось в пустоте
И начертало контуры вселенной,
Чтоб дух пустился в странствие сквозь Время,
В сраженье с Неизбежностью всеильной,
Чтоб начала душа свой путь вселенский.
И шевельнулся дух в безбрежье черном
И Мысль возвел в Небытии исконном;
И, тайным пылом, труженик растущий,
Души огонь зажегся в Божьей Бездне.
Его Всемошь трудилась в том Не-Сущем,
В бесформенном движеньи сея формы,
Бесплотному даруя плоть-Материю.
И пробудились вечные Начала,
Новорожденные и смутные:
В Материи инертной Жизнь воскресла
И задышала в ней в глубоком сне,
А в подсознаньи Жизни Разум спал;
И он очнулся в Жизни пробужденной
И, потянувшись всем гигантским телом,
Стряхнул оцепененье забытья;
И вещество затрепетало чувством,
Забилось сердце мира, прозрели очи,
И в кутерьме немых вибраций мозга
Мысль закружилась в поисках себя,
Открыла речь и выносила Слово,
Что в безднах тьмы воздвигло тверди света.
И развивался пробужденный Разум,
И в нем Мыслитель выстроил свой дом.
Разумный зверь на белый свет явился,
Способный волишь, замышлять, искать.
Он распрямился меж зверей-собратьев,
Он переделал жизнь, постиг весь мир,
Вступил в борьбу с судьбою и с Незримым,
И покорил законы мирозданья,

- And hoped to ride the heavens and reach the stars,
A master of his huge environment.
Now through Mind's windows stares the demigod
Hidden behind the curtains of man's soul:
- 65 He has seen the Unknown, looked on Truth's veiless face;
A ray has touched him from the eternal sun;
Motionless, voiceless in foreseeing depths,
- [623] He stands awake in Supernature's light
And sees a glory of arisen wings
- 70 And sees the vast descending might of God.
"O Death, thou lookst on an unfinished world
Assailed by thee and of its road unsure,
Peopled by imperfect minds and ignorant lives,
And sayest God is not and all is vain.
- 75 How shall the child already be the man?
Because he is infant, shall he never grow?
Because he is ignorant, shall he never learn?
In a small fragile seed a great tree lurks,
In a tiny gene a thinking being is shut;
- 80 A little element in a little sperm,
It grows and is a conqueror and a sage.
Then wilt thou spew out, Death, God's mystic truth,
Deny the occult spiritual miracle?
Still wilt thou say there is no spirit, no God?
- 85 A mute material Nature wakes and sees;
She has invented speech, unveiled a will.
Something there waits beyond towards which she strives,
Something surrounds her into which she grows:
To uncover the spirit, to change back into God,
- 90 To exceed herself is her transcendent task.

И возмечтал о небесах, о звездах,
Владыка исполинских сил Природы.
Теперь, покровами души сокрытый,
Сквозь окна Разума взирает бог:
Он разглядел Неведомого тайны,
Увидел Истины лик неприкрытый;
Луч солнца вечного его коснулся;
Недвижен, нем в предвидах глубинах,
Он пробудился в свете Сверхприроды
И видит славу распростертых крыл,
И видит нисхождение Божьей силы.

«О Смерть, ты зришь на мир незавершенный,
Терзаемый тобой, бредущий слепо,
Умов незрелых полный, темных жизнью,
И говоришь, нет Бога, тщетно все.
Ужель дитя вовек не возмужает?
Ужели младость не должна взрасти,
А неумелость — обрести уменье?
В ничтожном, хрупком семечке до срока
Скрывается раскидистое древо,
В незримом гене человек сокрыт;
Из крошечного семени, из клетки
Взрастает победитель и мудрец.
Иль ты не внемлешь тайной Божьей правде,
Духовному мистическому чуду?
Иль скажешь ты, что духа нет, нет Бога?
Но пробуждается и прозревает
Немая материальная Природа;
Она развила речь, явила волю.
И нечто ждет над ней, к чему она стремится,
И нечто — вокруг нее, во что она растет:
Ей труд всевышний дан — превзойти себя,
В себе постигнуть дух, вновь превратиться в Бога.

In God concealed the world began to be,
 Tardily it travels towards manifest God:
 Our imperfection towards perfection toils,
 The body is the chrysalis of a soul:
 95 The infinite holds the finite in its arms,
 Time travels towards revealed eternity.
 A miracle structure of the eternal Mage,
 Matter its mystery hides from its own eyes,
 A scripture written out in cryptic signs,
 100 An occult document of the All-Wonderful's art.
 All here bears witness to his secret might,
 In all we feel his presence and his power.
 A blaze of his sovereign glory is the sun,
 [624] A glory is the gold and glimmering moon,
 105 A glory is his dream of purple sky.
 A march of his greatness are the wheeling stars.
 His laughter of beauty breaks out in green trees,
 His moments of beauty triumph in a flower;
 The blue sea's chant, the rivulet's wandering voice
 110 Are murmurs falling from the Eternal's harp.
 This world is God fulfilled in outwardness.
 His ways challenge our reason and our sense;
 By blind brute movements of an ignorant Force,
 By means we slight as small, obscure or base,
 115 A greatness founded upon little things,
 He has built a world in the unknowing Void.
 His forms he has massed from infinitesimal dust;
 His marvels are built from insignificant things.
 If mind is crippled, life untaught and crude,
 120 If brutal masks are there and evil acts,
 They are incidents of his vast and varied plot,
 His great and dangerous drama's needed steps;

В сокрытом Боге зародился мир
И медленно идет к открытию Бога:
В ошибках наших — поиск совершенства,
И тело наше — куколка души:
Конечное объято бесконечным,
Время течет к явлению вечности.
Кудесника предвечного творенье,
Материя своей не видит тайны —
Писание загадочных знамений,
Все-Чудного оккультный манускрипт.
Все здесь таит печать Его всесилья;
Во всем — Его присутствие и власть.
Его монаршей славой блещет солнце,
Слава — в мерцаньи золотой луны,
Слава — во грезе пурпурных небес;
Его величья марш — вращенье звезд.
Смех красоты Его звенит в листве,
Миг красоты Его царит в цветке;
Песнь моря синего, журчащий глас ручья
В созвучьях арфы Вечного рождаются.
Сей мир есть Бог, излившийся вовне.
Его пути бросают вызов мысли;
Движеньями незрячей, грубой Силы,
Используя все то, что мнится жалким,
Презренным, незаметным и ничтожным,
Он мир возвел в невежественной Бездне,
Из мелочей воздвигнул грандиозность.
Красоты мира Он слепил из пыли
Из пустяков Он чудеса явил.
Пусть разум хром, а жизнь темна, незрела,
Пусть есть и зло, и зверские личины, —
То вариации Его бескрайней темы,
Великой, жуткой драмы неизбежность;

He makes with these and all his passion-play,
 A play and yet no play but the deep scheme
 125 Of a transcendent Wisdom finding ways
 To meet her Lord in the shadow and the Night:
 Above her is the vigil of the stars;
 Watched by a solitary Infinitude
 She embodies in dumb Matter the Divine,
 130 In symbol minds and lives the Absolute.
 A miracle-monger her mechanical craft;
 Matter's machine worked out the laws of thought,
 Life's engines served the labour of a soul:
 The Mighty Mother her creation wrought,
 135 A huge caprice self-bound by iron laws,
 And shut God into an enigmatic world:
 She lulled the Omniscient into nescient sleep,
 Omnipotence on Inertia's back she drove,
 Trod perfectly with divine unconscious steps
 [625] 140 The enormous circle of her wonder-works.
 Immortality assured itself by death;
 The Eternal's face was seen through drifts of Time.
 His knowledge he disguised as Ignorance,
 His Good he sowed in Evil's monstrous bed,
 145 Made error a door by which Truth could enter in,
 His plant of bliss watered with Sorrow's tears.
 A thousand aspects point back to the One;
 A dual Nature covered the Unique.
 In this meeting of the Eternal's mingling masques,
 150 This tangle-dance of passionate contraries
 Locking like lovers in a forbidden embrace
 The quarrel of their lost identity,
 Through this wrestle and wrangle of the extremes of Power
 Earth's million roads struggled towards deity.

Все, все включает Он в свою игру —
Игру, в которой скрыт глубокий план
Всевышней Мудрости, что ищет путь
К Владыке своему сквозь тень и Тьму:
Над нею неусыпно звезды бдят;
Под взором одинокого Безбрежья
Она в Материю вселяет Божество
И в символические жизни — Абсолют.
Ее механика рождает чудеса;
Станок Материи кует законы мысли,
Моторы жизни тянут труд души:
Мать Всемогущая творение создала,
Каприз, самозакованный в законы,
И скрыла Бога в полном тайны мире:
Она Всезрящему смежила очи сном,
Она Всесилие в Инерцию повергла,
В божественном движеньи инстинктивном
Ступая безупречно, проторила
Гигантский круг своих работ чудесных.
Бессмертие уверовало в смерть;
Лик Вечного покрыла зыбь Времен.
Свое всезнание он в Неведенье облек,
Свое Добро он в почву Зла посеял,
Ошибку превратил он в дверь для Правды,
Росток блаженства оросил слезами Горя.
Вся многоликость вновь ведет в Одно;
За двойственной Природой скрыт Единый.
В той встрече пестрых масок Вечного,
Той пляске спутанных противоречий,
Что, слившись, как влюбленные в объятьях,
Длят тождества забытого раздор,
В том бое и споре максимумов Силы
Мильон земных путей стремится к богу.

- 155 All stumbled on behind a stumbling Guide,
Yet every stumble is a needed pace
On unknown routes to an unknowable goal.
All blundered and straggled towards the One Divine.
As if transmuted by a titan spell
- 160 The eternal Powers assumed a dubious face:
Idols of an oblique divinity,
They wore the heads of animal or troll,
Assumed ears of the faun, the satyr's hoof,
Or harboured the demoniac in their gaze:
- 165 A crooked maze they made of thinking mind,
They suffered a metamorphosis of the heart,
Admitting bacchant revellers from the Night
Into its sanctuary of delights,
As in a Dionysian masquerade.
- 170 On the highways, in the gardens of the world
They wallowed oblivious of their divine parts,
As drunkards of a dire Circean wine
Or a child who sprawls and sports in Nature's mire.
Even wisdom, hewer of the roads of God,
- 175 Is a partner in the deep disastrous game:
[626] Lost is the pilgrim's wallet and the scrip,
She fails to read the map and watch the star.
A poor self-righteous virtue is her stock
And reason's pragmatic grope or abstract sight,
- 180 Or the technique of a brief hour's success
She teaches, an usher in utility's school.
On the ocean surface of vast Consciousness
Small thoughts in shoals are fished up into a net
But the great truths escape her narrow cast;
- 185 Guarded from vision by creation's depths,

Хромает все с хромым Поводырем,
Но в каждом преткновенье — неизбежность
Безвестных троп к непостижимой цели.
Все, отступаясь, падая, вставая,
В единую Божественность бредет.
Как будто бы под властью чар гигантских
Преобразился облик вечных Сил:
Кумиры искаженных верований,
Они предстали зверем или троллем,
Стяжали уши фавна, хвост сатира,
Иль дьявольским огнем зажгли свой взор.
Ум превратили в лабиринт они
И претерпели перемену сердца,
Впустив разгул вакхический из Тьмы
В его заветный уголок услад,
Вторя дионисийским маскарадам.
На столбовых дорогах, в кущах мира
Они погрязли, позабыв божественность свою,
Как бражники Цирцеина вина
Иль дети, что шалют в грязи Природы.
И даже мудрость, Божьих троп торитель,
Погрязла в тайной, губельной игре:
Потеряна котомка пилигрима,
Забята карта, и не видно звезд.
На ханжескую добродетель опираясь,
Она в исканьях прагматичных бродит
И взгляд ума абстрактный, недалекий
Иль технику успехов мимолетных
Преподает, наставник в школе пользы.
На отмелях безбрежного Сознанья
Мыслишки косяками валят в сеть,
Но истины великие уходят;
Таясь от взора в глубине творенья,

Obscure they swim in blind enormous gulfs
 Safe from the little sounding leads of mind,
 Too far for the puny diver's shallow plunge.
 Our mortal vision peers with ignorant eyes;
 190 It has no gaze on the deep heart of things.
 Our knowledge walks leaning on Error's staff,
 A worshipper of false dogmas and false gods,
 Or fanatic of a fierce intolerant creed
 Or a seeker doubting every truth he finds,
 195 A sceptic facing Light with adamant No
 Or chilling the heart with dry ironic smile,
 A cynic stamping out the god in man;
 A darkness wallows in the paths of Time
 Or lifts its giant head to blot the stars;
 200 It makes a cloud of the interpreting mind
 And intercepts the oracles of the Sun.
 Yet Light is there; it stands at Nature's doors:
 It holds a torch to lead the traveller in.
 It waits to be kindled in our secret cells;
 205 It is a star lighting an ignorant sea,
 A lamp upon our poop piercing the night.
 As knowledge grows Light flames up from within:
 It is a shining warrior in the mind,
 An eagle of dreams in the divining heart,
 210 An armour in the fight, a bow of God.
 Then larger dawns arrive and Wisdom's pomps
 [627] Cross through the being's dim half-lighted fields;
 Philosophy climbs up Thought's cloud-bank peaks
 And Science tears out Nature's occult powers,
 215 Enormous djinns who serve a dwarf's small needs,
 Exposes the sealed minutiae of her art
 And conquers her by her own captive force.

Они мелькают смутно в темных безднах,
Избегнув недалеких лотов мысли,
Вдали от ока немощных пловцов.
Наш смертный взгляд невежественно видит,
Не проникая в сердце всех вещей.
Ступает с посохом Ошибки наше знание, —
Служитель лживых догм, богов фальшивых,
Фанатик нетерпимых убеждений,
Искатель, что не верит в то, что ищет,
Иль скептик, что встречает Свет железным «Нет»
И сердце леденит усмешкой хладной,
Иль циник, что губит бога в человеке;
Мрак поглощает все пути Времен
Иль громоздится ввысь, алкая звезд;
Он толкователь-ум сгущает в тучу
И затмевает прорицанья Солнца.
Но Свет все ж — здесь; он ждет у врат Природы:
Он держит факел, странника зовущий.
Он жаждет вспыхнуть в наших тайных клетках;
Он звездочка в невежественном море,
Фонарь на нашей мачте, рвущий мглу.
И с ростом знания Свет внутри восходит:
Он — это воин блещущий в уме,
Орел мечтаний в прозорливом сердце,
Броня доспеха в битве, Божий лук.
И наступают большие рассветы,
И Мудрости сверканье прорывает
Неясный сумрак в нашем существе;
И Философия штурмует пики Мысли,
Наука похищает у Природы чудо-силы,
Гигантских джиннов — карликам в угоду,
Вникает в таинства ее искусства
И в битву с ней ведет ее же мощь.

- On heights unreached by mind's most daring soar,
 Upon a dangerous edge of failing Time
 220 The soul draws back into its deathless Self;
 Man's knowledge becomes God's supernal Ray.
 There is the mystic realm whence leaps the power
 Whose fire burns in the eyes of seer and sage;
 A lightning flash of visionary sight,
 225 It plays upon an inward verge of mind:
 Thought silenced gazes into a brilliant Void.
 A voice comes down from mystic unseen peaks:
 A cry of splendour from a mouth of storm,
 It is the voice that speaks to night's profound,
 230 It is the thunder and the flaming call.
 Above the planes that climb from nescient earth,
 A hand is lifted towards the Invisible's realm,
 Beyond the superconscient's blinding line
 And plucks away the screens of the Unknown;
 235 A spirit within looks into the Eternal's eyes.
 It hears the Word to which our hearts were deaf,
 It sees through the blaze in which our thoughts grew blind;
 It drinks from the naked breasts of glorious Truth,
 It learns the secrets of eternity.
 240 Thus all was plunged into the riddling Night,
 Thus all is raised to meet a dazzling Sun.
 O Death, this is the mystery of thy reign.
 In earth's anomalous and magic field
 Carried in its aimless journey by the sun
 245 Mid the forced marches of the great dumb stars,
 A darkness occupied the fields of God,
 And Matter's world was governed by thy shape.
 [628] Thy mask has covered the Eternal's face,
 The Bliss that made the world has fallen asleep.
 250 Abandoned in the Vast she slumbered on:

В тех высях, где бессильны крылья мысли,
Где край опасный тающих Времен,
Душа приходит вновь к своей бессмертной Сути;
И горний Божий Луч сменяет знанье смертных.
Есть тайный мир, откуда льется сила,
Чей огонь в очах провидца пламенеет;
Как молния пророческого взора,
Он блещет на краю ума глубинном:
Мысль, стихнув, зрит в сверканье Пустоты.
Нисходит глас с незримых, тайных пиков:
Клич торжества, что испускает буря,
То — глас, что говорит глубинам тьмы,
То — громовой удар и пылкий зов.
Превыше планов, что над тьмой земли восходят,
В страну Незримого вздымается рука
Над слéпящей границей сверхсознания,
Срывая прочь Безвестного завесы;
И дух внутри взирает в очи Вечного.
Он внемлет Слову, что не слышно сердцу,
Он зрит сквозь блеск, в котором слепнет мысль;
Он пьет из персей Истины прекрасной,
Он постигает тайны вечности.
Так пало все в загадочную Ночь,
Так все восходит к блещущему Солнцу.
О Смерть, вот тайна твоего засилья.
На чудной и невиданной земле,
Влекомой солнцем в свой бесцельный путь
Среди немых светил, гонимых силой,
Мрак Божие края заполонил,
Твой образ мир Материи возглавил.
Лик Вечного твоя личина скрыла,
И Радость, мир создавшая, уснула.
И спит она, покинутая в Бездне:

An evil transmutation overtook
Her members till she knew herself no more.
Only through her creative slumber flit
Frail memories of the joy and beauty meant
255 Under the sky's blue laugh mid green-scarfed trees
And happy squanderings of scents and hues,
In the field of the golden promenade of the sun
And the vigil of the dream-light of the stars,
Amid high meditating heads of hills,
260 On the bosom of voluptuous rain-kissed earth
And by the sapphire tumbings of the sea.
But now the primal innocence is lost
And Death and Ignorance govern the mortal world
And Nature's visage wears a greyer hue.
265 Earth still has kept her early charm and grace,
The grandeur and the beauty still are hers,
But veiled is the divine Inhabitant.
The souls of men have wandered from the Light
And the great Mother turns away her face.
270 The eyes of the creatrix Bliss are closed
And sorrow's touch has found her in her dreams.
As she turns and tosses on her bed of Void,
Because she cannot wake and find herself
And cannot build again her perfect shape,
275 Oblivious of her nature and her state,
Forgetting her instinct of felicity,
Forgetting to create a world of joy,
She weeps and makes her creatures' eyes to weep;
Testing with sorrow's edge her children's breasts,
280 She spends on life's vain waste of hope and toil

Покорена враждебным наваждением,
Она застыла, позабыв себя.
И лишь летят пред ней в том сне творящем
Воспоминанья суженого счастья
Под голубой улыбкой небосвода
Среди зеленогалстучных деревьев
И щедрых ароматов и оттенков,
В просторах золотых прогулок солнца
И бдений звезд, мерцающих мечтою,
Средь грезящих холмов высокоглавых,
На пышном лоне в неге дождевой,
Над синевой сапфирных кудрей моря.
Но первозданной чистоты уж нет;
Неведение и Смерть владычат миром,
И потускнел прекрасный лик Природы.
Земля еще хранит былую прелесть,
Являет красоту и грандиозность,
Но скрыт от глаз божественный Жилец.
Людские души отошли от Света,
И Мать вечная от мира отвернулась.
Смежила очи творческая Радость,
И горе омрачило сны ее.
И, мучаясь на ложе Пустоты,
Не в силах пробудиться, стать собою,
Свой образ совершенный воскресить,
Себя не помня и своей природы,
Забыв свое исконное блаженство,
Забыв о сотвореньи мира счастья,
Она рыдает горькими слезами
И с ней должны скорбеть ее созданья.
Пронзая их сердца клинком страданья,
Она дарует щедро брэнной жизни
С ее тщетой надежд и дел бесплодных

The poignant luxury of grief and tears.
In the nightmare change of her half-conscious dream,
Tortured herself and torturing by her touch,
[629] She comes to our hearts and bodies and our lives
285 Wearing a hard and cruel mask of pain.
Our nature twisted by the abortive birth
Returns wry answers to life's questioning shocks,
An acrid relish finds in the world's pangs,
Drinks the sharp wine of grief's perversity.
290 A curse is laid on the pure joy of life:
Delight, God's sweetest sign and Beauty's twin,
Dreaded by aspiring saint and austere sage,
Is shunned, a dangerous and ambiguous cheat,
A specious trick of an infernal Power
295 It tempts the soul to its self-hurt and fall.
A puritan God made pleasure a poisonous fruit,
Or red drug in the market-place of Death,
And sin the child of Nature's ecstasy.
Yet every creature hunts for happiness,
300 Buys with harsh pangs or tears by violence
From the dull breast of the inanimate globe
Some fragment or some broken shard of bliss.
Even joy itself becomes a poisonous draught;
Its hunger is made a dreadful hook of Fate.
305 All means are held good to catch a single beam,
Eternity sacrificed for a moment's bliss:
Yet for joy and not for sorrow earth was made
And not as a dream in endless suffering Time.
Although God made the world for his delight,
310 An ignorant Power took charge and seemed his Will
And Death's deep falsity has mastered Life.
All grew a play of Chance simulating Fate.

Мучительную роскошь слез и горя.
В том полузабытьи, в бреду кошмарном,
Сама терзаясь и других терзая,
Она приходит в сердце, в тело, в жизнь
Под горькой и жестокой маской боли.
Природа недоношенная наша
Не может сдать экзамен трудной жизни,
Пикантный вкус находит в муках мира,
Впивает горя тягостный дурман.
Здесь проклята святая радость жизни;
И наслаждение, Божий знак сладчайший,
Неотторжимый спутник Красоты,
Страша святых и аскетов суровых,
Несет клеймо двуличного плута,
Обманчивой уловки адской Силы,
Влекущей душу мучиться и пасть.
Святоша-Бог усладу сделал ядом
Иль горьким зельем на базаре Смерти,
А грех — плодом природного экстаза.
Все ж всякое создание рвется к счастью,
Стяжает в муках, силой извлекает
Из косных недр безжизненного шара
Осколки иль останки крыл блаженства.
И даже радость стала чашей яда
И жаждущих влечет в силки Судьбы.
Все в ход идет, чтоб ухватить хоть отблеск,
За миг услады вечность отдана —
И все ж на радость, не на горе создана земля,
Она не сон в бескрайних тяжких летах.
Хоть Бог воздвиг сей мир себе на радость,
Слепая Сила воцарилась Именем его,
И Смерти ложь глубокая поработила Жизнь.
Все стало пляской Случая, что кажется Судьбой.

“A secret air of pure felicity
 Deep like a sapphire heaven our spirits breathe;
 315 Our hearts and bodies feel its obscure call,
 Our senses grope for it and touch and lose.
 If this withdrew, the world would sink in the Void;
 If this were not, nothing could move or live.
 [630] A hidden Bliss is at the root of things.
 320 A mute Delight regards Time’s countless works:
 To house God’s joy in things Space gave wide room,
 To house God’s joy in self our souls were born.
 This universe an old enchantment guards;
 Its objects are carved cups of World-Delight
 325 Whose charmed wine is some deep soul’s rapture-drink:
 The All-Wonderful has packed heaven with his dreams,
 He has made blank ancient Space his marvel-house;
 He spilled his spirit into Matter’s signs:
 His fires of grandeur burn in the great sun,
 330 He glides through heaven shimmering in the moon;
 He is beauty carolling in the fields of sound;
 He chants the stanzas of the odes of Wind;
 He is silence watching in the stars at night;
 He wakes at dawn and calls from every bough,
 335 Lies stunned in the stone and dreams in flower and tree.
 Even in this labour and dolour of Ignorance,
 On the hard perilous ground of difficult earth,
 In spite of death and evil circumstance
 A will to live persists, a joy to be.
 340 There is a joy in all that meets the sense,
 A joy in all experience of the soul,
 A joy in evil and a joy in good,
 A joy in virtue and a joy in sin:
 Indifferent to the threat of Karmic law,
 345 Joy dares to grow upon forbidden soil,

«Сокрытый воздух счастья чистого,
Густой, как синь небес, наш дух питает;
В сердцах, в телах мы ловим зов его,
На миг поймав, его теряют чувства.
Не будь его, мир пал бы в Пустоте;
Не будь его, все б замерло навеки.
Блаженство скрыто в сердце всех вещей.
Восторг безмолвный зрит на труд Времен;
Для Божьей радости во всем разверзся Космос,
Для Божьей радости во всех родились души.
Сей универсум полон прежних чар;
Его предметы — кубки Все-Блаженства,
Чей дивный хмель несет восторг душе:
Все-Чудный небеса исполнил грез,
Исполнил таинств голый, древний Космос,
Свой дух рассыпал в материальных знаках:
Его блистаньем полыхает солнце,
Он в небесах скользит, луной мерцая;
Он красота, что реет в сферах звука;
Он шелестит напевно оды Ветра;
Он тишина, что зрит из звезд в ночи;
Он по утру льет песни с каждой ветки,
Он замер в камне, видит сны в цветке.
И даже в горе, в тягости Неведенья
На скорбной и рискованной земле,
Под гнетом смерти и условий тяжелых
Все ж воля жить безмерна, радость быть.
Есть радость всюду, где простерлись чувства,
Есть радость в каждом опыте души,
Есть радость в зле и есть она в добре,
Есть в святости она и есть в грехе:
Не устрашась кармическим законом,
В запретной почве радость прорастает,

Its sap runs through the plant and flowers of Pain:
 It thrills with the drama of fate and tragic doom,
 It tears its food from sorrow and ecstasy,
 On danger and difficulty whets its strength;
 350 It wallows with the reptile and the worm
 And lifts its head, an equal of the stars;
 It shares the faeries' dance, dines with the gnome:
 It basks in the light and heat of many suns,
 The sun of Beauty and the sun of Power
 [631] 355 Flatter and foster it with golden beams;
 It grows towards the Titan and the God.
 On earth it lingers drinking its deep fill,
 Through the symbol of her pleasure and her pain,
 Of the grapes of Heaven and the flowers of the Abyss,
 360 Of the flame-stabs and the torment-craft of Hell
 And dim fragments of the glory of Paradise.
 In the small paltry pleasures of man's life,
 In his petty passions and joys it finds a taste,
 A taste in tears and torture of broken hearts,
 365 In the crown of gold and in the crown of thorns,
 In life's nectar of sweetness and its bitter wine.
 All being it explores for unknown bliss,
 Sounds all experience for things new and strange.
 Life brings into the earthly creature's days
 370 A tongue of glory from a brighter sphere:
 It deepens in his musings and his Art,
 It leaps at the splendour of some perfect word,
 It exults in his high resolves and noble deeds,
 Wanders in his errors, dares the abyss's brink,
 375 It climbs in his climbings, wallows in his fall.
 Angel and demon brides his chamber share,
 Possessors or competitors for life's heart.
 To the enjoyer of the cosmic scene

И кровь ее бежит в цветах Страдания:
Она трепещет от гримас судьбы,
Питается печалью и экстазом,
В перипетиях распаляет силу;
Она ползет с рептилией, с червем
И голову вздымает, ровня звездам;
Она пирует с гномом, с эльфом пляшет:
Ей дарит жар сиянье многих солнц,
И солнце Красоты, и солнце Силы
Ее лелеют золотом лучей;
Она возрастает к Богу и к Титану —
И медлит на земле, насытив жажду,
В знамениях своих услад и мук,
Лозы Небесной и цветов Пучины,
Ударов злых и пыток ловких Ада
И смутных всполохов блистанья Рая.
В ничтожных наслажденьях человека,
В его страстишках вкус она находит,
Вкус в муках и слезах сердец разбитых,
В венце терновом и венце златом,
В нектаре жизни и ее вине горчайшем,
Все бытие опробует на счастье,
Повсюду ищет новизны и чуда.
Жизнь вносит в дни создания земного
Язык величья из светлейших сфер:
Он обретает мощь в его Искусстве,
Он вдруг блистает в совершенном слове,
Царит в его мечтах, в благих деяньях,
В ошибках бродит, в бездну взор бросает,
Восходит с ним и погрязает с ним.
Ангел и демон ищут в нем участия,
Борцы иль совладельцы сердца жизни.
Для зрителя космической арены

His greatness and his littleness equal are,
 380 His magnanimity and meanness hues
 Cast on some neutral background of the gods:
 The Artist's skill he admires who planned it all.
 But not for ever endures this danger game:
 Beyond the earth, but meant for delivered earth,
 385 Wisdom and joy prepare their perfect crown;
 Truth superhuman calls to thinking man.
 At last the soul turns to eternal things,
 In every shrine it cries for the clasp of God.
 Then is there played the crowning Mystery,
 390 Then is achieved the longed-for miracle.
 [632] Immortal Bliss her wide celestial eyes
 Opens on the stars, she stirs her mighty limbs;
 Time thrills to the sapphics of her amour-song
 And Space fills with a white beatitude.
 395 Then leaving to its grief the human heart,
 Abandoning speech and the name-determined realms,
 Through a gleaming far-seen sky of wordless thought,
 Through naked thought-free heavens of absolute sight,
 She climbs to the summits where the unborn Idea
 400 Remembering the future that must be
 Looks down upon the works of labouring Force,
 Immutable above the world it made.
 In the vast golden laughter of Truth's sun
 Like a great heaven-bird on a motionless sea
 405 Is poised her winged ardour of creative joy
 On the still deep of the Eternal's peace.
 This was the aim, this the supernal Law,
 Nature's allotted task when beauty-drenched
 In dim mist-waters of unconscious sleep,
 410 Out of the Void this grand creation rose,—

Равны его величье и ничтожность,
Его великодушие и низость
Ложатся на единый холст богов:
Он восхищен искусством Живописца,
Который этот замысел явил,
Но та игра опасная — не вечна:
За рубежом земли земле свободной
Куют венец всеведение и радость:
Сверх-Истина вызывает к мысли смертных.
И, наконец, душа влечется вечным,
И в каждом сердце ждет объятий Бога.
И торжествует величальная Мистерия,
И чудо долгожданное свершается.
И Радость вечная распахивает очи,
Взирает к звездам, тянется могуче;
И гимн ее любви пронзает Время,
И Космос полнит белое блаженство.
И, бросив человеческое сердце в скорби,
Отвергнув речь и ведомые царства,
Через далекий небосвод безмолвной мысли,
Через нагие небеса безмысленного взора,
Она восходит к высям, где бессмертная Идея,
Живя в воспоминаньях о грядущем,
Взирает вниз на труженицу-Силу,
Нетленна над рожденным ею миром.
В златом, безбрежном смехе солнца Правды,
Небесной птицей над недвижимым морем,
Парит ее творящий пыл крылатый
В бездонной глубине вечного покоя.
То было целью и Законом вышним,
Природным жребием, когда, красой вспоенный
Во смутных водах несознательного сна,
Из Пустоты восстал сей мир великий, —

For this the Spirit came into the Abyss
 And charged with its power Matter's unknowing force,
 In Night's bare session to cathedral Light,
 In Death's realm repatriate immortality.
 415 A mystic slow transfiguration works.
 All our earth starts from mud and ends in sky,
 And Love that was once an animal's desire,
 Then a sweet madness in the rapturous heart,
 An ardent comradeship in the happy mind,
 420 Becomes a wide spiritual yearning's space.
 A lonely soul passions for the Alone,
 The heart that loved man thrills to the love of God,
 A body is his chamber and his shrine.
 Then is our being rescued from separateness;
 425 All is itself, all is new-felt in God:
 A Lover leaning from his cloister's door
 [633] Gathers the whole world into his single breast.
 Then shall the business fail of Night and Death:
 When unity is won, when strife is lost
 430 And all is known and all is clasped by Love
 Who would turn back to ignorance and pain?
 "O Death, I have triumphed over thee within;
 I quiver no more with the assault of grief;
 A mighty calmness seated deep within
 435 Has occupied my body and my sense:
 It takes the world's grief and transmutes to strength,
 It makes the world's joy one with the joy of God.
 My love eternal sits throned on God's calm;
 For Love must soar beyond the very heavens
 440 And find its secret sense ineffable;
 It must change its human ways to ways divine,

За тем лишь Дух собой наполнил Бездну
И силу дал Материи незрячей,
Чтоб в мире Тьмы возжечь соборный Свет,
И в царстве Смерти возродить бессмертье.
И медленно идет преображенье.
Из грязи весь наш мир восходит к небу;
Любовь — когда-то просто похоть зверя
Иль сладкое безумье в сердце пылком,
Иль трепетный союз в уме счастливом —
Становится огнем духовной жажды.
И одинокий дух влечется Односущим,
И сердце, что любило человека,
Трепещет от любви великой к Богу,
И тело храмом Бога предстает.
И мы свободны от обособленья;
Все обретает самое себя,
Все обретает в Боге новый смысл:
Влюбленный, из своей склонившись кельи,
В объятия заключает целый мир.
И угасает дело Тьмы и Смерти:
Когда повсюду общность, нет борьбы,
И все открыто, все живет Любовью,
Кто ж возвратится вновь во мрак и боль?
 «О Смерть, тебя попрала я внутри;
Я больше не дрожу в приливе горя;
Могучее безмолвье тайных глубей
Заполонило плоть мою и чувство,
Преображая горе мира в силу,
Сливая радость мира с Божьим счастьем.
Тишь Божья — трон моей любви бессмертной:
Любовь должна взлететь превыше неба
И разгадать секрет свой несказанный,
Свой путь людской в божественный взнести,

Yet keep its sovereignty of earthly bliss.
 O Death, not for my heart's sweet poignancy
 Nor for my happy body's bliss alone
 445 I have claimed from thee the living Satyavan,
 But for his work and mine, our sacred charge.
 Our lives are God's messengers beneath the stars;
 To dwell under death's shadow they have come
 Tempting God's light to earth for the ignorant race,
 450 His love to fill the hollow in men's hearts,
 His bliss to heal the unhappiness of the world.
 For I, the woman, am the force of God,
 He the Eternal's delegate soul in man.
 My will is greater than thy law, O Death;
 455 My love is stronger than the bonds of Fate:
 Our love is the heavenly seal of the Supreme.
 I guard that seal against thy rending hands.
 Love must not cease to live upon the earth;
 For Love is the bright link twixt earth and heaven,
 460 Love is the far Transcendent's angel here;
 Love is man's lien on the Absolute."
 But to the woman Death the god replied,
 [634] With the ironic laughter of his voice
 Discouraging the labour of the stars:
 465 "Even so men cheat the Truth with splendid thoughts.
 Thus wilt thou hire the glorious charlatan, Mind,
 To weave from his Ideal's gossamer air
 A fine raiment for thy body's nude desires
 And thy heart's clutching greedy passion clothe?
 470 Daub not the web of life with magic hues:
 Make rather thy thought a plain and faithful glass
 Reflecting Matter and mortality,
 And know thy soul a product of the flesh,
 A made-up self in a constructed world.

Храня всю власть свою блаженства в мире.
О Смерть, не ради сладкой муки сердца,
Не ради счастья тела моего
Я требую живого Сатъявана,
Но ради нашей с ним святой работы.
Под звездами мы Божие посланцы;
Мы родились, чтоб жить под гнетом смерти,
Неся на землю темной расе Божий свет,
Его любовь, чтоб утолить сердца,
Его блаженство, чтоб дать счастье миру:
Я, женщина, — могущество Господне,
Он — дух, что послан Вечным в человека.
Моею волей погран твой закон;
Моя любовь сильнее оков Судьбы:
Любовь меж нами скреплена Всевышним.
Я сберегу ее от лап твоих.
Любви нельзя избыться на земле —
Любовь связует землю с небесами,
Любовь — крылатый ангел сфер предвечных;
Любовь рождает в смертных Божество».
Но женщине Смерть-бог изрек в ответ
Со смехом ироническим в словах,
Ниспровергавших тяжкий труд светил:
«Так люди прячут Правду в блеске мыслей.
Найми и ты могучий шарлатанский Разум,
Чтоб обратить его Мечты прозрачный воздух
В одежды чистые для похотей своих,
Для жадной, всеохватной страсти сердца.
Не крась тонами чуда жизни флер:
Пусть зеркалом правдивым мысль твоя
Материю и смертность отразит
И явит, что душа твоя — дочь плоти,
Надуманное «я» в таком же мире.

- 475 Thy words are large murmurs in a mystic dream.
For how in the soiled heart of man could dwell
The immaculate grandeur of thy dream-built God,
Or who can see a face and form divine
In the naked two-legged worm thou callest man?
- 480 O human face, put off mind-painted masks:
The animal be, the worm that Nature meant;
Accept thy futile birth, thy narrow life.
For truth is bare like stone and hard like death;
Bare in the bareness, hard with truth's hardness live."
- 485 But Savitri replied to the dire God:
"Yes, I am human. Yet shall man by me,
Since in humanity waits his hour the God,
Trample thee down to reach the immortal heights,
Transcending grief and pain and fate and death.
- 490 Yes, my humanity is a mask of God:
He dwells in me, the mover of my acts,
Turning the great wheel of his cosmic work.
I am the living body of his light,
I am the thinking instrument of his power,
- 495 I incarnate Wisdom in an earthly breast,
I am his conquering and unslayable will.
The formless Spirit drew in me its shape;
In me are the Nameless and the secret Name."
- [635] Death from the incredulous Darkness sent its cry:
500 "O priestess in Imagination's house,
Persuade first Nature's fixed immutable laws
And make the impossible thy daily work.
How canst thou force to wed two eternal foes?
Irreconcilable in their embrace
- 505 They cancel the glory of their pure extremes:
An unhappy wedlock maims their stunted force.

Твои слова — лишь бред в безумном сне.
Как смог бы жить во мгле людских сердец
Твой непорочный фантастичный Бог,
И вправду ли подобье божества
Нагой, двуногий червь — твой «человек»?
О человеке, сбрось одежды мысли —
Ты зверь, ты червь, измышленный Природой;
Смирись с рождением бранным, с жалкой жизнью.
Ведь правда тяжела как смерть, гола как камень;
Живи, неся всю тяжесть голой правды».
Но Савитри сказала Богу жуткому:
«Да, по своей природе человек я.
Но все ж повергнет мною человек —
Ведь в человеке ждет до срока Бог —
Тебя во прах, стремясь к бессмертным высям,
Поправ печаль и боль, судьбу и смерть.
Да, человек во мне — лишь маска Бога:
Ведь он живет во мне и движет мною,
Вращая колесо своих трудов вселенских.
Я плоть его, живое тело света,
Я мыслящий канал его всемощи,
В земной груди я воплощаю Мудрость,
Я Воля, что вовеки торжествует.
Аморфный Дух во мне обрел свой образ,
Есть Безымянное во мне, есть Имя тайное».
Смерть из скептического Мрака возопил:
«О жрица алтаря Воображенья,
Уговори сперва Природы вечные законы
И невозможное трудом насущным сделай.
Как ты двух вечных недругов помиришь?
Вцепившись мертвой хваткою друг в друга,
Они свели на нет весь свой триумф:
Несчастный брак уродует их силу.

- How shall thy will make one the true and false?
 Where Matter is all, there Spirit is a dream:
 If all are the Spirit, Matter is a lie,
 510 And who was the liar who forged the universe?
 The Real with the unreal cannot mate.
 He who would turn to God, must leave the world;
 He who would live in the Spirit, must give up life;
 He who has met the Self, renounces self.
- 515 The voyagers of the million routes of mind
 Who have travelled through Existence to its end,
 Sages exploring the world-ocean's vasts,
 Have found extinction the sole harbour safe.
 Two only are the doors of man's escape,
 520 Death of his body Matter's gate to peace,
 Death of his soul his last felicity.
 In me all take refuge, for I, Death, am God."
 But Savitri replied to mighty Death:
 "My heart is wiser than the Reason's thoughts,
 525 My heart is stronger than thy bonds, O Death.
 It sees and feels the one Heart beat in all,
 It feels the high Transcendent's sunlike hands,
 It sees the cosmic Spirit at its work;
 In the dim Night it lies alone with God.
- 530 My heart's strength can carry the grief of the universe
 And never falter from its luminous track,
 Its white tremendous orbit through God's peace.
- [636] It can drink up the sea of All-Delight
 And never lose the white spiritual touch,
 535 The calm that broods in the deep Infinite."
 He said, "Art thou indeed so strong, O heart,
 O soul, so free? And canst thou gather then

Ужель сведешь ты вместе ложь и правду?
Где все — Материя, там Дух — лишь греза,
Где все есть Дух, Материя есть ложь, —
Кто был тот лгун, что этот мир состряпал?
Реальность несовместна с нереальным.
Кто ищет Бога, должен мир оставить;
Кто жаждет Духа, должен жизнь презреть;
Кто встретил Самость, растворился сам.
Скитальцы мириад маршрутов мысли,
Достигшие пределов Бытия,
Провидцы, избраздившие весь миро-океан,
Нашли, что тихий берег — лишь успенье.
Есть только два пути для избавленья:
Смерть тела, дверь Материи к покою,
И смерть души, последняя отрада.
Ко мне приходит все, ведь я, Смерть, есть Бог».
Но Савитри рекла Смерть-богу грозному:
«В моей груди пылает сердца огонь.
Тот огонь мудрее домыслов Рассудка,
Тот огонь сильнее твоих оков, о Смерть.
Он ощущает огненное Сердце
Единое, что бьется в каждой твари,
Он чует Бога солнечные длани,
Он зрит вселенский Дух в его труде;
Он в смутной Тьме хранит единство с Высшим.
Он в силах воспринять всю боль вселенной
Но не оставить путь свой лучезарный,
Гигантский, белый круг в покое Божьем.
Он в силах выпить море Все-Блаженства,
Но помнить духа белое дыханье,
Ту тишину, что скрыта в Бесконечном».
Он рек: «И впрямь ты так сильно, о сердце,
Свободна, о душа? Испить ты в силах

- Bright pleasure from my wayside flowering boughs,
 Yet falter not from thy hard journey's goal,
 540 Meet the world's dangerous touch and never fall?
 Show me thy strength and freedom from my laws."
 But Savitri answered, "Surely I shall find
 Among the green and whispering woods of Life
 Close-bosomed pleasures, only mine since his,
 545 Or mine for him, because our joys are one.
 And if I linger, Time is ours and God's,
 And if I fall, is not his hand near mine?
 All is a single plan; each wayside act
 Deepens the soul's response, brings nearer the goal."
 550 Death the contemptuous Nihil answered her:
 "So prove thy absolute force to the wise gods,
 By choosing earthly joy! For self demand
 And yet from self and its gross masks live free.
 Then will I give thee all thy soul desires,
 555 All the brief joys earth keeps for mortal hearts.
 Only the one dearest wish that outweighs all,
 Hard laws forbid and thy ironic fate.
 My will once wrought remains unchanged through Time,
 And Satyavan can never again be thine."
 560 But Savitri replied to the vague Power:
 "If the eyes of Darkness can look straight at Truth,
 Look in my heart and, knowing what I am,
 Give what thou wilt or what thou must, O Death.
 Nothing I claim but Satyavan alone."
 565 There was a hush as if of doubtful fates.
 As one disdainful still who yields a point
 Death bowed his sovereign head in cold assent:
 "I give to thee, saved from death and poignant fate
 Whatever once the living Satyavan

Чудесный мед садов моих цветущих,
Но не оставить путь суровый свой,
Встречать удары мира и не пасть?
Так докажи мне собственную силу,
Яви свободу от моих законов».

Но Савитри сказала: «Да, найду я
Средь пышных, плодовых кущей Жизни
Мед удовольствий, но лишь вместе с ним
Иль для него — едина радость наша.
И коль я медлю, Время — наше с Богом,
И коль паду, его рука — в моей.
Все есть единый план, и каждый шаг
В нас раскрывает душу, близит к цели».

Смерть-бог ответил, Небыти презрением:
«Так докажи богам свое всесилье,
Избрав земную радость! — для себя,
И все же от себя живи свободной.
Я дам тебе все то, что пожелаешь,
Все краткие утехи мира смертных.
Лишь одному, главнейшему желанью
Претит Закон и твой насмешник-Рок.
Мое решение непреложно в летах,
И Сатьявану не бывать твоим».

Но отвечала темной Силе Савитри:
«Коль очи Мрака в силах видеть Правду,
Взгляни мне в сердце и, познав мой дух,
Дай то, что можешь, то, что должен, Смерть.
Мне нужен только Сатьяван один».

Повисла тишь, как если б рок смутился.
Как тот, кто свысока дает уступку,
Смерть-бог кивнул главой державной хладно:
«Тебе, хранимой от судьбы и смерти,
Я дам все то, что Сатьяван живой

- 570 Desired in his heart for Savitri.
 [637] Bright noons I give thee and unwounded dawns,
 Daughters of thy own shape in heart and mind,
 Fair hero sons and sweetness undisturbed
 Of union with thy husband dear and true.
- 575 And thou shalt harvest in thy joyful house
 Felicity of thy surrounded eves.
 Love shall bind by thee many gathered hearts.
 The opposite sweetness in thy days shall meet
 Of tender service to thy life's desired
- 580 And loving empire over all thy loved,
 Two poles of bliss made one, O Savitri.
 Return, O child, to thy forsaken earth."
 But Savitri replied, "Thy gifts resist.
 Earth cannot flower if lonely I return."
- 585 Then Death sent forth once more his angry cry,
 As chides a lion his escaping prey:
 "What knowst thou of earth's rich and changing life
 Who thinkst that one man dead all joy must cease?
 Hope not to be unhappy till the end:
- 590 For grief dies soon in the tired human heart;
 Soon other guests the empty chambers fill.
 A transient painting on a holiday's floor
 Traced for a moment's beauty love was made.
 Or if a voyager on the eternal trail,
- 595 Its objects fluent change in its embrace
 Like waves to a swimmer upon infinite seas."
 But Savitri replied to the vague god,
 "Give me back Satyavan, my only lord.
 Thy thoughts are vacant to my soul that feels
- 600 The deep eternal truth in transient things."
 Death answered her, "Return and try thy soul!
 Soon shalt thou find appeased that other men

Желал бы в сердце Савитри своей.
Дам полдней светлых и безбольных зорь,
Дщерей, с тобой умом и сердцем схожих,
Сынов-героев и покой медовый
Единства с мужем дорогим и верным.
И ты пожнешь в своем счастливом доме
Блаженство в окруженьи чад своих.
Любовь твоя сплотит сердцами многих.
Две сладости сойдутся в днях твоих:
Поддержки нежной всех твоих забот,
И любящей заботы о любимых, —
Совокупив, о Савитри, два счастья.
Вернись, дитя, к покинутой земле».
Но Савитри: «Дары твои претят мне.
Не цвествь земле, коль я вернусь одна».
И вновь Смерть-бог издал свой гневный вопль,
Как лев рычит вдогон ушедшей жертве:
«Что знаешь ты о жизни полноводной?
Коль умер смертный, так не сгинул мир!
Не думай быть несчастной до конца:
Ведь быстро стихнет боль в усталом сердце;
Иные гости в дом пустой войдут.
Прекрасной фреской на стенах восторга,
На миг цветенья создана любовь,
И страннику извечного пути
Туман ее в объятья не дается,
Как пена волн — пловцу в морях бескрайних».
Но Савитри сказала богу темному:
«Верни мне Сатьявана, он мой царь.
Не внемлешь ты душе моей, что зрит
Знак истины бессмертной в преходящем».
Смерть рек в ответ: «Вернись, проверь-ка душу!
И скоро в жизни на земле обильной

On lavish earth have beauty, strength and truth,
 And when thou hast half forgotten, one of these
 605 Shall wind himself around thy heart that needs
 Some human answering heart against thy breast;
 [638] For who, being mortal, can dwell glad alone?
 Then Satyavan shall glide into the past,
 A gentle memory pushed away from thee
 610 By new love and thy children's tender hands,
 Till thou shalt wonder if thou lov'dst at all.
 Such is the life earth's travail has conceived,
 A constant stream that never is the same."
 But Savitri replied to mighty Death:
 615 "O dark ironic critic of God's work,
 Thou mockst the mind and body's faltering search
 For what the heart holds in a prophet hour
 And the immortal spirit shall make its own.
 Mine is a heart that worshipped, though forsaken,
 620 The image of the god its love adored;
 I have burned in flame to travel in his steps.
 Are we not they who bore vast solitude
 Seated upon the hills alone with God?
 Why dost thou vainly strive with me, O Death,
 625 A mind delivered from all twilight thoughts,
 To whom the secrets of the gods are plain?
 For now at last I know beyond all doubt,
 The great stars burn with my unceasing fire
 And life and death are both its fuel made.
 630 Life only was my blind attempt to love:
 Earth saw my struggle, heaven my victory;
 All shall be seized, transcended; there shall kiss
 Casting their veils before the marriage fire

Найдешь других ты ладных, сильных, мудрых,
И, только стихнет боль, один из них
Мил станет сердцу твоему, что жаждет
Родного сердца у своей груди;
Ведь кто ж из смертных рад быть одиноким?
И растворится в прошлом Сатьяван,
И память прежняя тебя оставит
С любовью новой, с лаской чад твоих,
И скоро скажешь: «Да любила ль я?» —
Да, это жизнь, вспоенная землею,
Поток извечный, что всегда изменчив». —
Но Смерти грозному сказала Савитри:
«О мрачный, ироничный критик Бога,
Смеешься ты над тем, как ум и тело,
Блуждая, спотыкаясь, ищут то,
Что сердце обретает в час прозренья,
Что дух бессмертный осенит собой.
Мое же сердце и в беде возносит
Своей любовью избранного бога;
Идя за ним, я обратилась в пламя.
Не мы ль прониклись ширью одинокой,
Воссев на хólмах пред очами Бога?
Зачем, о Смерть, со мной ты тщетно бьешься?
Мой разум не подвластен мысли мрачной,
Ему открыты таинства богов.
И знаю, наконец, теперь я твердо,
Что в звездах вечный мой огонь горит,
А жизнь и смерть — лишь топливо его.
Жизнь лишь слепым путем к любви была:
Был на земле мой бой, победа — в небе;
Все явит смысл, отступят все пределы;
Сольются в долгожданном поцелуе,
Вуали сбросив пред огнем венчальным,

The eternal bridegroom and eternal bride.
635 The heavens accept our broken flights at last.
On our life's prow that breaks the waves of Time
No signal light of hope has gleamed in vain."
She spoke; the boundless members of the god
As if by secret ecstasy assailed,
640 Shuddered in silence as obscurely stir
Ocean's dim fields delivered to the moon.
Then lifted up as by a sudden wind
[639] Around her in that vague and glimmering world
The twilight trembled like a bursting veil.
645 Thus with armed speech the great opponents strove.
Around those spirits in the glittering mist
A deepening half-light fled with pearly wings
As if to reach some far ideal Morn.
Outlined her thoughts flew through the gleaming haze
650 Mingling bright-pinioned with its lights and veils
And all her words like dazzling jewels were caught
Into the glow of a mysterious world,
Or tricked in the rainbow shifting of its hues
Like echoes swam fainting into far sound.
655 All utterance, all mood must there become
An unenduring tissue sewn by mind
To make a gossamer robe of beautiful change.
Intent upon her silent will she walked
On the dim grass of vague unreal plains,
660 A floating veil of visions in her front,
A trailing robe of dreams behind her feet.
But now her spirit's flame of conscient force
Retiring from a sweetness without fruit
Called back her thoughts from speech to sit within
665 In a deep room in meditation's house.
For only there could dwell the soul's firm truth:

Извечные невеста и жених.
И небо примет сломленные крылья.
Челн жизни нашей сквозь веков просторы
Не зря ведет вперед надежды свет».
Она умолкла; беспредельный бог,
Как будто вдруг охваченный экстазом,
В безмолвьи задрожал, как дышит смутно
Ширь океана в проблесках луны.
И, словно бы взметенный резким ветром,
В том тусклом, смутном мире вокруг нее
Затрепетал вуалью смятой сумрак.

 Так сталь речей Противники скрещали.
Вкруг духов тех в искрящемся тумане
Все глубже реял свет жемчужнокрылый,
Влекомый дальним Утром идеальным.
Рождаясь, мысль ее летела в дымке,
Блеща крылом в мерцаниях туманных,
Слова ее, горя, как самоцветы,
Уловлены свеченьем чудо-мира,
Объяты радугой его оттенков,
Как эхо, плыли, замирая в далях.
Тонам и звукам нужно было стать
Тончайшей тканью, сотканной умом
Для одеяний чудо-измененья.
Тверда в безмолвной воле, шла она
В неясных травах призрачных равнин;
Вуаль видений зыбилась перед нею,
Одежда грез влачилась позади.
Но огонь ее всезрящей силы духа,
От сладости уйдя безрезультатной,
Вновь мысли звал от слов воссесть внутри
В глубинной зале храма созерцанья.
Ведь истина души лишь там твердится:

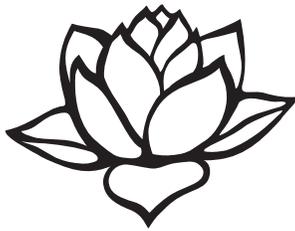
Imperishable, a tongue of sacrifice,
It flamed unquenched upon the central hearth
Where burns for the high houselord and his mate
670 The homestead's sentinel and witness fire
From which the altars of the gods are lit.
All still compelled went gliding on unchanged,
Still was the order of these worlds reversed:
The mortal led, the god and spirit obeyed
675 And she behind was leader of their march
And they in front were followers of her will.
Onward they journeyed through the drifting ways
Vaguely companioned by the glimmering mists.
[640] But faster now all fled as if perturbed
680 Escaping from the clearness of her soul.
A heaven-bird upon jewelled wings of wind
Borne like a coloured and embosomed fire,
By spirits carried in a pearl-hued cave,
On through the enchanted dimness moved her soul.
685 Death walked in front of her and Satyavan,
In the dark front of Death, a failing star.
Above was the unseen balance of his fate.

End of Canto Three

Нетленная, речь жертвоприношенья,
Она бессмертно в очаге пылала,
Где для супругов царственных горит
Домашний страж — свидетельный огонь,
Что озаряет алтари богов.
Все ж все, как прежде, принужденно шли,
Но ход миров тех все же изменился:
И бог, и дух внимали воле смертной,
И позади она была их вожаком,
И впереди они повиновались ей.
Вперед брели они по зыбким тропам
В сопровожденьи сумеречной дымки;
Но все в смятеньи прочь теперь бежало,
Пугаясь чистоты ее души.
Небесной птицей, окрыленной ветром,
Летящей, словно искрометный огонь,
Несомый духом в гроте жемчужовом,
Душа ее плыла сквозь чары мглы.
Смерть-бог пред нею брел, а Сатьяван —
Пред мраком Смерти, тающей звездою.
Весы его судьбы качались свыше.

Конец Песни третьей

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**Сумеречный фантом
земной реальности**

Canto Four

The Dream Twilight of the Earthly Real

[641] There came a slope that slowly downward sank;
It slipped towards a stumbling grey descent.
The dim-heart marvel of the ideal was lost;
Its crowding wonder of bright delicate dreams
5 And vague half-limned sublimities she had left:
Thought fell towards lower levels; hard and tense
It passioned for some crude reality.
The twilight floated still but changed its hues
And heavily swathed a less delightful dream;
10 It settled in tired masses on the air;
Its symbol colours tuned with duller reds
And almost seemed a lurid mist of day.
A straining taut and dire besieged her heart;
Heavy her sense grew with a dangerous load,
15 And sadder, greater sounds were in her ears,
And through stern breakings of the lambent glare
Her vision caught a hurry of driving plains
And cloudy mountains and wide tawny streams,
And cities climbed in minarets and towers
20 Towards an unavailing changeless sky:
Long quays and ghauts and harbours white with sails
Challenged her sight awhile and then were gone.
Amidst them travailed toiling multitudes
In ever shifting perishable groups,
25 A foiled cinema of lit shadowy shapes
Enveloped in the grey mantle of a dream.
Imagining meanings in life's heavy drift,
They trusted in the uncertain environment
And waited for death to change their spirit's scene.
30 A savage din of labour and a tramp
Of armoured life and the monotonous hum
[642] Of thoughts and acts that ever were the same,

ОТКРЫЛСЯ склон, неровный и пологий,
Что медленно снижался в серый мрак.
Угас сердечный сумрак идеала:
Волшебный рой лучистых тонких грез
И смутных чудных черт растаял сзади:
Мысль опускалась вниз, в бореньях страстных
Ища иную, грубую реальность.
Теряя радость красок, прежний сумрак
Свернулся глухо в тягостную грезу;
Она заполнял усталой глыбой воздух;
Меняя символические краски,
Он тускло багровел в унылой мгле,
Подобьем дня, затянутого дымкой.
И напряженья боль сковала сердце;
Опасным гнетом отягчились чувства;
Мощней, печальней звуки плыли в уши,
И проблесками в рваном тусклом смоге
Открылся ей равнин спешащих бег,
Заоблачных вершин и мутных рек,
Градов, поднявших минареты, башни
К бесплодным неизменным небесам;
Причалы, где теснились паруса,
Являлись, взор влекли и исчезали.
Меж них в трудах терзались сонмы тварей
В недолгих переменчивых скопленьях —
Бездарный фильм пустых теней-обличий,
Окутанный покровом серым грезы.
Воображая смысл в тяжелом дрейфе жизни,
В неверный мир вокруг они хранили веру
И ждали, когда сменил смерть их духа сцену.
Свирепый гром трудов, и жизни топот,
Одетой в сталь, и монотонный гул
Извечно неизменных дум и дел,

As if the dull reiterated drone
Of a great brute machine, beset her soul,—
35 A grey dissatisfied rumour like a ghost
Of the moaning of a loud unquiet sea.
A huge inhuman cyclopean voice,
A Babel-builders' song towering to heaven,
A throb of engines and the clang of tools
40 Brought the deep undertone of labour's pain.
As when pale lightnings tear a tortured sky,
High overhead a cloud-rimmed series flared
Chasing like smoke from a red funnel driven,
The forced creations of an ignorant Mind:
45 Drifting she saw like pictured fragments flee
Phantoms of human thought and baffled hopes,
The shapes of Nature and the arts of man,
Philosophies and disciplines and laws,
And the dead spirit of old societies,
50 Constructions of the Titan and the worm.
As if lost remnants of forgotten light,
Before her mind there fled with trailing wings
Dimmed revelations and delivering words,
Emptied of their mission and their strength to save,
55 The messages of the evangelist gods,
Voices of prophets, scripts of vanishing creeds.
Each in its hour eternal claimed went by:
Ideals, systems, sciences, poems, crafts
Tireless there perished and again recurred,
60 Sought restlessly by some creative Power;
But all were dreams crossing an empty vast.
Ascetic voices called of lonely seers
On mountain summits or by river banks

Как будто неумолчный рокот смутный
Гигантских шестерен, терзал ей душу —
Унылый, недовольный, словно призрак
Стенаний безутешных бездн морских.
Нечеловечий исполинский гвалт,
Распевом зодчих вавилонской башни,
Моторов стук и инструментов лязг
Несли, унылым гудом, боль труда.
Как в блесках молний, рвущих мукой небо,
В багровых тучах в вышине роились,
Клубясь как дым над красным дымоходом,
Творенья-грезы темного Ума:
Пред ней текли, как зыбкие фантомы,
Обрывки мыслей и надежд разбитых,
Красы Природы и людских искусств,
Ученья, философии, законы
И призраки отживших стран и обществ,
Строения титана и червя.
Останками утраченного света,
Пред взором разума ее скользили
На крыльях зыбких, промелькнув и тая,
Померкшие без пользы откровенья,
Спасителей слова, благие вести,
Утратившие цель свою и силу,
Послания богов-евангелистов,
Гласы пророков, свитки вер забытых.
И все они, на вечность притязая,
Являлись здесь в свой час и исчезали,
И, минув, возникали вновь и вновь —
Сонм идеалов, догм, наук, искусств, ремесел,
Творимый вечно некой неустанной Силой,
И все — лишь были грезой в пустоте.
Звенел отшельников-провидцев зов,
Что с берегов речных и с горных круч

Or from the desolate heart of forest glades
65 Seeking heaven's rest or the spirit's worldless peace,
Or in bodies motionless like statues, fixed
In tranced cessations of their sleepless thought
[643] Sat sleeping souls, and this too was a dream.
All things the past has made and slain were there,
70 Its lost forgotten forms that once had lived,
And all the present loves as new-revealed
And all the hopes the future brings had failed
Already, caught and spent in efforts vain,
Repeated fruitlessly age after age.
75 Unwearied all returned insisting still
Because of joy in the anguish of pursuit
And joy to labour and to win and lose
And joy to create and keep and joy to kill.
The rolling cycles passed and came again,
80 Brought the same toils and the same barren end,
Forms ever new and ever old, the long
Appalling revolutions of the world.

Once more arose the great destroying Voice:
Across the fruitless labour of the worlds
85 His huge denial's all-defeating might
Pursued the ignorant march of dolorous Time.
"Behold the figures of this symbol realm,
Its solid outlines of creative dream
Inspiring the great concrete tasks of earth.
90 In its motion-parable of human life
Here thou canst trace the outcome Nature gives
To the sin of being and the error in things
And the desire that compels to live

Иль из дремучих чащ с лесных прогалин
Стремилась в тишь небес, в покой надмирный,
Иль недвижимые как изваянья,
Возвысаясь в трансе над бессонной мыслью,
Душой уснув, незыбно восседали —
И это тоже было только грезой.
Все было здесь — что жило и прошло,
Что прошлое творило и губило,
И все, что в настоящем чтят за новь,
И все надежды будущего — тщетным,
Уже растраченным в пустых усилках,
В бесплодных повтореньях век за веком.
И все упрямо возвращалось вновь —
Из радости в мучительных исканьях,
И радости трудов, побед, утрат,
И радости творить и разрушать.
Века кружились, приходя, кончаясь,
Являя формы прежние и цели,
И прежний труд, и прежнюю бесплодность —
Все новые, все прежние — в извечном
Чудовищном круговороте мира.

И грянул вновь мертвящий грозный Глас:
В бесплодном тягостном труде миров
Его всеотрицания всемошь
Терзала скорбный ход пустых Времен.
«Вот сцена символического царства,
Вот плотный мир, изображенный грезой,
Что вдохновляет тяжкий труд земли.
Здесь, в этой притче жизни человеческой
Увидишь ты исход, Природой данный
Пороку бытия, изъяну в мире,
Желанию, что понуждает жить,

And man's incurable malady of hope.
95 In an immutable order's hierarchy
Where Nature changes not, man cannot change:
Ever he obeys her fixed mutation's law;
In a new version of her oft-told tale
In ever-wheeling cycles turns the race.
100 His mind is pent in circling boundaries:
For mind is man, beyond thought he cannot soar.
If he could leave his limits he would be safe:
[644] He sees but cannot mount to his greater heavens;
Even winged, he sinks back to his native soil.
105 He is a captive in his net of mind
And beats soul-wings against the walls of life.
In vain his heart lifts up its yearning prayer,
Peopling with brilliant Gods the formless Void;
Then disappointed to the Void he turns
110 And in its happy nothingness asks release,
The calm Nirvana of his dream of self:
The Word in silence ends, in Nought the name.
Apart amid the mortal multitudes,
He calls the Godhead incommunicable
115 To be the lover of his lonely soul
Or casts his spirit into its void embrace.
Or he finds his copy in the impartial All;
He imparts to the Immobile his own will,
Attributes to the Eternal wrath and love
120 And to the Ineffable lends a thousand names.
Hope not to call God down into his life.
How shalt thou bring the Everlasting here?
There is no house for him in hurrying Time.
Vainly thou seekst in Matter's world an aim;

Недугу неизбывному надежды.
В незыблемом иерархичном строе,
В котором неизменна вся Природа,
Не может измениться человек:
Он раб ее устойчивых мутаций;
Играя вновь в ее извечной пьесе,
В извечных циклах кружит род людской,
И замкнут ум его в порочном круге:
Ведь человек — есть ум, он скован мыслью
И взмыть не может за ее пределы.
Он спасся б, если б мог пресечь те узы,
Своих небес манящих он достиг бы,
Но, и взлетев, он льнет к земле родимой.
Он пойман в сети своего ума,
Душой крылатой бьется в стены жизни.
Напрасны сердца пылкие мольбы,
Что видят Бога в Пустоте безвидной;
И, разуверясь, Пустоты он жаждет,
И хочет кануть в сладкое Ничто,
Покончить с грезой «я» в Нирване тихой,
Где Слова нет, где имени — конец.
Средь смертных толп на части разрываясь,
Он Божество безвестное зовет
Любить его отверженную душу,
Вверяет дух его пустым объятьям
Иль чертит образ свой в безличном Целом;
В Недвижном он свою же волю видит,
Любовь и гнев он Вечному вменяет,
Названья Несказанному дает.
Не думай Бога в жизнь его призвать:
Как принесешь Нетленного сюда ты?
Нет места для него в поспешных летах.
Напрасно ищешь цель ты в мире тлена;

- 125 No aim is there, only a will to be.
All walk by Nature bound for ever the same.
Look on these forms that stay awhile and pass,
These lives that long and strive, then are no more,
These structures that have no abiding truth,
- 130 The saviour creeds that cannot save themselves,
But perish in the strangling hands of the years,
Discarded from man's thought, proved false by Time,
Philosophies that strip all problems bare
But nothing ever have solved since earth began,
- 135 And sciences omnipotent in vain
By which men learn of what the suns are made,
Transform all forms to serve their outward needs,
Ride through the sky and sail beneath the sea,
- [645] But learn not what they are or why they came;
- 140 These polities, architectures of man's brain,
That, bricked with evil and good, wall in man's spirit
And, fissured houses, palace at once and jail,
Rot while they reign and crumble before they crash;
These revolutions, demon or drunken god,
- 145 Convulsing the wounded body of mankind
Only to paint in new colours an old face;
These wars, carnage triumphant, ruin gone mad,
The work of centuries vanishing in an hour,
The blood of the vanquished and the victor's crown
- 150 Which men to be born must pay for with their pain,
The hero's face divine on satyr's limbs,
The demon's grandeur mixed with the demigod's,
The glory and the beasthood and the shame;
Why is it all, the labour and the din,
- 155 The transient joys, the timeless sea of tears,
The longing and the hoping and the cry,

Нет цели здесь — одна лишь воля быть.
Природе все покорно, вечным узам.
Вот формы, что на миг придут и минут,
Вот жизни, что в борьбе и жажде сгинут,
Вот застязие правду построенья,
Спасительные веры и ученья,
Что и самих себя спасти не могут
И гибнут, задохнувшись в лапах лет,
Поверженные Временем и мыслью,
Сонм философий, вскрывших язвы мира,
Но не решивших ничего вовек,
Науки, всемогущие вотще,
С которыми познали люди звезды,
Преобразили мир для нужд своих,
Поднялись в небо, в глубь морей спустились,
Но не познали, кто они такие;
Вот государства — сооруженья мозга,
Что дух томят в стенах добра и зла
И, обветшавшие дворцы-темницы,
Гниют, царя, и рушатся, истлев;
Вот революций бес иль пьяный бог,
Что истязает мир, вопящий в муках,
Чтоб старый лик покрасить в новый цвет;
Вот войны — бойня и триумф безумный,
Столетий труд стирающие вмиг,
Кровь поражений и венец побед,
Вобравший боль грядущих поколений,
Геройский лик с гримасами сатира,
Блеск демона и слава полубога,
Величие, и скотство, и позор;
К чему все это: суета и гам,
Мираж утех, юдоль извечных слез,
Стенания, надежды, вожделенья,

The battle and the victory and the fall,
 The aimless journey that can never pause,
 The waking toil, the incoherent sleep,
 160 Song, shouts and weeping, wisdom and idle words,
 The laughter of men, the irony of the gods?
 Where leads the march, whither the pilgrimage?
 Who keeps the map of the route or planned each stage?
 Or else self-moved the world walks its own way,
 165 Or nothing is there but only a Mind that dreams:
 The world is a myth that happened to come true,
 A legend told to itself by conscious Mind,
 Imaged and played on a feigned Matter's ground
 On which it stands in an unsubstantial Vast.
 170 Mind is the author, spectator, actor, stage:
 Mind only is and what it thinks is seen.
 If Mind is all, renounce the hope of bliss;
 If Mind is all, renounce the hope of Truth.
 For Mind can never touch the body of Truth
 [646] 175 And Mind can never see the soul of God;
 Only his shadow it grasps nor hears his laugh
 As it turns from him to the vain seeming of things.
 Mind is a tissue woven of light and shade
 Where right and wrong have sewn their mingled parts;
 180 Or Mind is Nature's marriage of convenience
 Between truth and falsehood, between joy and pain:
 This struggling pair no court can separate.
 Each thought is a gold coin with bright alloy
 And error and truth are its obverse and reverse:
 185 This is the imperial mintage of the brain
 And of this kind is all its currency.
 Think not to plant on earth the living Truth
 Or make of Matter's world the home of God;
 Truth comes not there but only the thought of Truth,

Сражения, победы, пораженья,
Бесцельный марш, не знающий привала,
Бессонная борьба, бессвязный сон?
Плач, вопли, песни, болтовня и мудрость,
Хохот людей, ирония богов?
Куда шагают все, к каким святыням?
Кто знает путь, кто направляет ход?
Иль сам собою мир бредет куда-то,
Иль нету ничего — лишь Ум, что грезит:
Мир — только миф, что стал случайно явью,
Легенда, что себе играет Ум,
Вообразив Материю-арену
И став на ней в бесплотной Пустоте.
Ум — автор, Ум — актер, подмостки, зритель:
Есть только Ум, и все — лишь мысль его.
Раз Ум есть все, оставь надежду счастья,
Раз Ум есть все, оставь надежду Правды.
Ведь Ум узреть не в силах тела Правды,
И Ум познать не в силах душу Бога;
Лишь тень его он зрит, не слыша смеха,
Завороженный миражом вещей.
Ум — ткань, что состоит из тьмы и света,
В нем ложь и правда накрепко сплелись;
Иль Ум — Природы брачный договор
Добра со злом, блаженства со страданьем —
Не разведет и суд сей горькой пары.
Любая мысль — блестящая монета,
А ложь и правда — стороны ее:
Вот это мозга царская чеканка,
И все его богатство таково.
Не вскормишь на Земле живую Правду,
И Бога в мир Материи не вселишь;
Нет Правды в нем — одна лишь мысль о Правде,

- 190 God is not there but only the name of God.
If Self there is it is bodiless and unborn;
It is no one and it is possessed by none.
On what shalt thou then build thy happy world?
Cast off thy life and mind, then art thou Self,
- 195 An all-seeing omnipresence stark, alone.
If God there is he cares not for the world;
All things he sees with calm indifferent gaze,
He has doomed all hearts to sorrow and desire,
He has bound all life with his implacable laws;
- 200 He answers not the ignorant voice of prayer.
Eternal while the ages toil beneath,
Unmoved, untouched by aught that he has made,
He sees as minute details mid the stars
The animal's agony and the fate of man:
- 205 Immeasurably wise, he exceeds thy thought;
His solitary joy needs not thy love.
His truth in human thinking cannot dwell:
If thou desirest Truth, then still thy mind
For ever, slain by the dumb unseen Light.
- 210 Immortal bliss lives not in human air:
[647] How shall the mighty Mother her calm delight
Keep fragrant in this narrow fragile vase,
Or lodge her sweet unbroken ecstasy
In hearts which earthly sorrow can assail
- 215 And bodies careless Death can slay at will?
Dream not to change the world that God has planned,
Strive not to alter his eternal law.
If heavens there are whose gates are shut to grief,
There seek the joy thou couldst not find on earth;
- 220 Or in the imperishable hemisphere
Where Light is native and Delight is king

Нет Бога в нем — одно лишь имя Бога.
Коль Самость есть, она бесплотна, вечна;
Она никто, не поймана никем,
На чем же ты свой лучший мир построишь?
Стань Самостью, отбросив жизнь и ум,
Всезрящим Всеприсутствием холодным —
Коль Бог и есть, он равнодушен к миру;
На все взирает он бесстрастным оком,
Он все сердца обрек на страсть и горе,
Он жизни все сковал ярмом законов;
Не отвечает он слепым мольбам.
Нетленный над трудом тысячелетий,
Неколебимый делом рук своих,
Он видит жалкой мелочью средь звезд
Агонию зверей и рок людей:
Безмерно мудр, он ум твой превосходит;
Он полон счастья без твоей любви.
Мысль не вместит его великой правды:
Коль хочешь Правды, успокой свой ум
Навек, убей немым, незримым Светом.
Не жить Блаженству в воздухе людском:
Как сможет Мать хранить восторг свой тихий
Благоуханным в этой хрупкой вазе
Иль привнести экстаз свой нерушимый
В сердца, что внемлют горестям земным,
В тела, что Смерть, резвясь, беспечно губит?
Не думай изменить творенье Божье,
Не бейся ты с его законом вечным.
Коль небо есть, куда не вхоже горе,
Там радость ты вкусишь, что нету в мире;
Иль в полусфере, что не знает тленья,
Где Свет живет, и где царит Блаженство,
Где служит Дух бессмертной сутью мира,

And Spirit is the deathless ground of things,
 Choose thy high station, child of Eternity.
 If thou art Spirit and Nature is thy robe,
 225 Cast off thy garb and be thy naked self
 Immutable in its undying truth,
 Alone for ever in the mute Alone.
 Turn then to God, for him leave all behind;
 Forgetting love, forgetting Satyavan,
 230 Annul thyself in his immobile peace.
 O soul, drown in his still beatitude.
 For thou must die to thyself to reach God's height:
 I, Death, am the gate of immortality."
 But Savitri answered to the sophist God:
 235 "Once more wilt thou call Light to blind Truth's eyes,
 Make Knowledge a catch of the snare of Ignorance
 And the Word a dart to slay my living soul?
 Offer, O King, thy boons to tired spirits
 And hearts that could not bear the wounds of Time,
 240 Let those who were tied to body and to mind,
 Tear off those bonds and flee into white calm
 Crying for a refuge from the play of God.
 Surely thy boons are great since thou art He!
 But how shall I seek rest in endless peace
 245 Who house the mighty Mother's violent force,
 Her vision turned to read the enigmaed world,
 [648] Her will tempered in the blaze of Wisdom's sun
 And the flaming silence of her heart of love?
 The world is a spiritual paradox
 250 Invented by a need in the Unseen,
 A poor translation to the creature's sense
 Of That which for ever exceeds idea and speech,
 A symbol of what can never be symbolised,
 A language mispronounced, misspelt, yet true.

О, Вечности дитя, найди прибеги свой.
Коль ты есть Дух, а мир — лишь твой покров,
Сбрось свой наряд и будь самой собою,
Нетленной во своей бессмертной правде,
Единственной вовек в немом Едином.
Так обратись же к Богу, все оставь;
Забыв Любовь, забыв о Сатъяване,
Отринь себя в его тиши недвижимой.
О, утони, душа, в его блаженстве.
Умри же для себя в стремленьи к Богу:
Я, Смерть, врата, ведущие в бессмертье».
Но Савитри рекла софисту-Богу:
«Опять затмил ты Светом очи Правды,
Неведенья ловушкой сделал Знание,
И Слово смертоносным сделал жалом,
Чтоб погубить мою живую душу?
Дай, Царь, свои дары усталым духам,
Сердцам, что стонут в тяжких муках тленья,
Дай тем, кто связан телом и умом,
Пресечь их узы в белой тишине,
Моля прибега от игры Господней, —
Ты можешь это дать, раз ты есть Он!
Но мне ли почивать в покое вечном,
В ком Матери миров пылает мощь,
И взор ее, что видит тайну мира,
И воля — солнца Знания клинок,
И пламенный покой ее любви?
Сей мир — великий парадокс духовный,
Что порожден потребностью в Незримом,
Убогий перевод для чувств созданий
Того, что вечно выше мысли, слова,
Знаменья, что нельзя облечь в знаменья,
Язык, хоть искаженный, все же правый.

- 255 Its powers have come from the eternal heights
And plunged into the inconscient dim Abyss
And risen from it to do their marvellous work.
The soul is a figure of the Unmanifest,
The mind labours to think the Unthinkable,
- 260 The life to call the Immortal into birth,
The body to enshrine the Illimitable.
The world is not cut off from Truth and God.
In vain thou hast dug the dark unbridgeable gulf,
In vain thou hast built the blind and doorless wall:
- 265 Man's soul crosses through thee to Paradise,
Heaven's sun forces its way through death and night;
Its light is seen upon our being's verge.
My mind is a torch lit from the eternal sun,
My life a breath drawn by the immortal Guest,
- 270 My mortal body is the Eternal's house.
Already the torch becomes the undying ray,
Already the life is the Immortal's force,
The house grows of the householder part and one.
How sayst thou Truth can never light the human mind
- 275 And Bliss can never invade the mortal's heart
Or God descend into the world he made?
If in the meaningless Void creation rose,
If from a bodiless Force Matter was born,
If Life could climb in the unconscious tree,
- 280 Its green delight break into emerald leaves
And its laughter of beauty blossom in the flower,
If sense could wake in tissue, nerve and cell
- [649] And Thought seize the grey matter of the brain,
And soul peep from its secrecy through the flesh,
- 285 How shall the nameless Light not leap on men,
And unknown powers emerge from Nature's sleep?

Все силы в мир пришли из вечных высей
И пали в несознательную Бездну,
И вновь восстали, дивный труд верша.
Несет душа Неявленного образ,
Рождает ум Немыслимого в мысли,
Взывает жизнь Бессмертного к рождению,
Стремится плоть Безмерного вместить.
Мир не покинут Истиной и Богом.
Разверз напрасно ты слепую бездну,
Воздвиг напрасно ты глухую стену:
Душа, пронзив тебя, уходит в Рай,
Луч солнца проникает смерть и ночь
И озаряет нам наш горизонт.
Мой разум — факел вечного светила,
А жизнь моя — Бессмертного дыханье,
Мой бранный прах — Нетленного обитель.
И стал тот факел негасимым светом,
И стала жизнь Негибнущего силой,
Обитель стала вечностью самой.
Ужель не воссияет людям Правда,
И Счастье не наполнит сердце смертных,
И Бог не снидет в мир, что он создал?
Коль в Пустоте бесплодной мир восстал,
Материя выросла в бесплотной Силе,
Коль Жизнь смогла подняться в косном древе,
Коль вырвался листвою восторг зеленый,
И смех его красы расцвел в цветке,
Коль чувство пробудилось в клетке, в нерве,
И Мысль сверкнула в серых тканях мозга,
И коль душа из плоти проступила,
Ужель не грянет к людям Свет безвестный,
Не явятся неведомые силы
Из глубей сна извечного Природы?

Even now hints of a luminous Truth like stars
 Arise in the mind-mooned splendour of Ignorance;
 Even now the deathless Lover's touch we feel:
 290 If the chamber's door is even a little ajar,
 What then can hinder God from stealing in
 Or who forbid his kiss on the sleeping soul?
 Already God is near, the Truth is close:
 Because the dark atheist body knows him not,
 295 Must the sage deny the Light, the seer his soul?
 I am not bound by thought or sense or shape;
 I live in the glory of the Infinite,
 I am near to the Nameless and Unknowable,
 The Ineffable is now my household mate.
 300 But standing on Eternity's luminous brink
 I have discovered that the world was He;
 I have met Spirit with spirit, Self with self,
 But I have loved too the body of my God.
 I have pursued him in his earthly form.
 305 A lonely freedom cannot satisfy
 A heart that has grown one with every heart:
 I am a deputy of the aspiring world,
 My spirit's liberty I ask for all."

Then rang again a deeper cry of Death.
 310 As if beneath its weight of sterile law
 Oppressed by its own obstinate meaningless will,
 Disdainful, weary and compassionate,
 It kept no more its old intolerant sound,
 But seemed like life's in her unnumbered paths
 315 Toiling for ever and achieving nought
 Because of birth and change, her mortal powers

Уже сейчас лучи заветной Правды
Мерцают в лунном сумраке ума,
В невежественной тьме горя, как звезды;
Уже сейчас мы можем ощутить
Нетленного Возлюбленного ласку:
Коль хоть немного приоткрылась дверь,
Что может Богу помешать прокрасться
И сон души развеять поцелуем?
И Бог уж рядом, Истина близка:
Из-за того ль, что плоть ему не внемлет,
Мудрец отвергнет Свет, провидец — душу?
Не связана я мыслью, чувством, формой;
В блистанье Беспредельного живу я,
В Невыразимом и Непостижимом
И с Несказанным разделяю путь.
Но, стоя на краю лучистом Вечности,
Постигла я, что этот мир — есть Он;
Я духом Дух познала, сутью — Суть,
Но полюбила я и тело Бога.
Я шла за ним в его земном обличье.
Свобода одинокая ущербна
Для сердца, что едино с каждым сердцем:
Я пионер стремящегося мира,
Свободы духа я ищу для всех».

И вновь, но глубже грянул Смерти вопль.
Словно измучен собственным законом,
Подавлен собственной бесцельной волей,
Презрительный, сочувственный, усталый,
Утратив прежний нетерпимый тон,
Звучал он жизни многотрудным стоном
Бесчисленных трудов вовек бесплодных
В рожденье, в тленье, в беге смертных сил,

By which she lasts, around the term-posts fixed
 [650] Turning of a wide circling aimless race
 Whose course for ever speeds and is the same.
 320 In its long play with Fate and Chance and Time
 Assured of the game's vanity lost or won,
 Crushed by its load of ignorance and doubt
 Which knowledge seems to increase and growth to enlarge,
 The earth-mind sinks and it despairs and looks
 325 Old, weary and discouraged on its work.
 Yet was all nothing then or vainly achieved?
 Some great thing has been done, some light, some power
 Delivered from the huge Inconscient's grasp:
 It has emerged from night; it sees its dawns
 330 Circling for ever though no dawn can stay.
 This change was in the godhead's far-flung voice;
 His form of dread was altered and admitted
 Our transient effort at eternity,
 Yet flung vast doubts of what might else have been
 335 On grandiose hints of an impossible day.
 The great voice surging cried to Savitri:
 "Because thou knowst the wisdom that transcends
 Both veil of forms and the contempt of forms,
 Arise delivered by the seeing gods.
 340 If free thou hadst kept thy mind from life's fierce stress,
 Thou mightst have been like them omniscient, calm.
 But the violent and passionate heart forbids.
 It is the storm bird of an anarch Power
 That would upheave the world and tear from it
 345 The indecipherable scroll of Fate,
 Death's rule and Law and the unknowable Will.
 Hasteners to action, violators of God
 Are these great spirits who have too much love,

Питающих ее, вокруг вех извечных
Кружась в безмерной и бесцельной гонке,
Что мчит вовек одним извечным кругом.
В игре извечной с Временем и Роком,
Поняв, что выиграй, проиграй — все тщетно,
Сломлен неведенья, сомненья гнетом,
Что, кажется, лишь горше с знаньем, с ростом,
Отчаясь, ум земной глядит с уныньем,
Устал и стар, на все свои труды.
Так значит все вотще, весь труд впустую?
Нет, не напрасны были все усилия:
Великий шаг был сделан, свет и сила
Забрезжили из мрака Несознанья,
Стряхнули сон его, узрели зори,
Что вечно вновь горят, хоть угасают.
Так изменился глас раскатный бога;
Ужасный образ дрогнул, допуская
Усилий бранных устремленье в вечность,
Но распростер сомнений тень, что быть могло бы,
Когда б забрезжил небывалый День.
Великий глас воззвал, вздымаясь, к Савитри:
«Постигла ты ту мудрость, что превыше
Покрова формы и презренья формы, —
Освободись же, взмой к богам-провидцам.
Коль ты хранишь свой ум от вихря жизни,
Подобно им, покойна ты, всемудра —
Но яростное сердце портит все.
Как буревестник анархичной Силы,
Оно взметнуло б мир и разорвало
Непостижимый манускрипт Судьбы,
Закон незримой Воли, принцип Смерти.
Спешат вершить и попирают Бога
Те, чей великий дух без меры любит,

And they who formed like thee, for both art thou,
350 Have come into the narrow bounds of life
With too large natures overleaping time.
Worshippers of force who know not her recoil,
Their giant wills compel the troubled years.
[651] The wise are tranquil; silent the great hills
355 Rise ceaselessly towards their unreached sky,
Seated on their unchanging base, their heads
Dreamless in heaven's immutable domain.
On their aspiring tops, sublime and still,
Lifting half-way to heaven the climbing soul
360 The mighty mediators stand content
To watch the revolutions of the stars:
Motionlessly moving with the might of earth,
They see the ages pass and are the same.
The wise think with the cycles, they hear the tread
365 Of far-off things; patient, unmoved they keep
Their dangerous wisdom in their depths restrained,
Lest man's frail days into the unknown should sink
Dragged like a ship by bound leviathan
Into the abyss of his stupendous seas.
370 Lo, how all shakes when the gods tread too near!
All moves, is in peril, anguished, torn, upheaved.
The hurrying aeons would stumble on too swift
If strength from heaven surprised the imperfect earth
And veiless knowledge smote these unfit souls.
375 The deities have screened their dreadful power:
God hides his thought and, even, he seems to err.
Be still and tardy in the slow wise world.
Mighty art thou with the dread goddess filled,

И те, а ты подобна им обоим,
Что, очутившись в тесном русле жизни,
Волнуют Время личностью могучей.
Последствия забыв, молясь лишь силе,
Смятенье лет они тиранят волей.
Мудрец покоен; так безмолвно горы
Вздываются к манящей синеве,
Незыблемы в подножьях, а главами
Бессонными твердясь в извечном небе.
На пиках тех, возвышенны, безмолвны,
К преддверьям неба воспарив душою,
Великие посредники царят,
Бесстрастно наблюдая звезд круженье.
Земною мощью движимы недвижно,
Они взирают, как текут столетья,
Лишь вечно проходя, но не меняясь.
Мудрец эпохи видит, слышит поступь
Далеких дней; неколебим, хранит он
Познания опасные надежно,
Чтоб хрупкий мир в неведомом не сгинул,
Влекомый, словно челн левиафаном,
Во глубь своих немислимых пучин.
Чуть боги ближе — вся земля дрожит!
Повсюду хаос, вопль, смятенье, муки.
Веков нетвердый шаг сорваться б мог,
Коль на беду земли несовершенной
Всемощь небес влилась бы в прах незрелый,
Всезнание — полыхнуло б в очи смертных.
Ведь прячут божества свое всеилье;
Сам Бог, и тот скрывает мысль свою
И даже, будто, может ошибаться.
Не горячись в неспешном мудром мире —
В тебе бушует мощь богини грозной,

To whom thou criedst at dawn in the dim woods.
 380 Use not thy strength like the wild Titan souls!
 Touch not the seated lines, the ancient laws,
 Respect the calm of great established things.”
 But Savitri replied to the huge god:
 “What is the calm thou vauntst, O Law, O Death?
 385 Is it not the dull-visioned tread inert
 Of monstrous energies chained in a stark round
 Soulless and stone-eyed with mechanic dreams?
 Vain the soul’s hope if changeless Law is all:
 Ever to the new and the unknown press on
 [652] 390 The speeding aeons justifying God.
 What were earth’s ages if the grey restraint
 Were never broken and glories sprang not forth
 Bursting their obscure seed, while man’s slow life
 Leaped hurried into sudden splendid paths
 395 By divine words and human gods revealed?
 Impose not upon sentient minds and hearts
 The dull fixity that binds inanimate things.
 Well is the unconscious rule for the animal breeds
 Content to live beneath the immutable yoke;
 400 Man turns to a nobler walk, a master path.
 I trample on thy law with living feet;
 For to arise in freedom I was born.
 If I am mighty let my force be unveiled
 Equal companion of the dateless powers,
 405 Or else let my frustrated soul sink down
 Unworthy of Godhead in the original sleep.
 I claim from Time my will’s eternity,
 God from his moments.” Death replied to her,
 “Why should the noble and immortal will

Кому в лесу молилась ты с зарей.
Не уподобся яростным титанам!
Не тронь стезей людских, законов древних —
Устоев вечных уважай покой».
«Покой ты славись, о Закон, о Смерть.
Но твой покой — лишь смутный косный ход
Чудовищных энергий вековечных,
Прикованных к кругам необоримым,
Бездушных, механичных, камнезраких.
Коль все — Закон извечный, нет душе надежды:
К неведомому, к новому вовек
Спешат эпохи, утверждая Бога.
В чем был бы смысл веков, коль серый плен
Не сокрушился б, выпустив на волю
Красы, что смутном семени скрывались,
И человека медленная жизнь
Не заспешила б по путям прекрасным,
Проложенным богами во плоти?
Не полагай разумным существам
Тупую косность неживой природы.
Гнет бессознания — удел животных,
Согласных гнуться под ярмом извечным;
Но человек встает на высший путь.
Я твой закон стопой живой попрала —
Ведь я родилась, что взойти к свободе.
Так пусть же обнажится мощь моя,
Напарница и ровня вечным силам,
Иль пусть моя душа, не сдюжив, сгинет
Во сне предвечном, не достойна Бога.
Во Времени я зижду вечность воли,
Несокрушимой и непреходящей,
В мгновеньях — Бога». Смерти глас ответил:
«К чему бессмертной благородной воле

- 410 Stoop to the petty works of transient earth,
Freedom forgotten and the Eternal's path?
Or is this the high use of strength and thought,
To struggle with the bonds of death and time
And spend the labour that might earn the gods
- 415 And battle and bear agony of wounds
To grasp the trivial joys that earth can guard
In her small treasure-chest of passing things?
Child, hast thou trodden the gods beneath thy feet
Only to win poor shreds of earthly life
- 420 For him thou lov'st cancelling the grand release,
Keeping from early rapture of the heavens
His soul the lenient deities have called?
Are thy arms sweeter than the courts of God?"
- She answered, "Straight I trample on the road
- 425 The strong hand hewed for me which planned our paths.
[653] I run where his sweet dreadful voice commands
And I am driven by the reins of God.
Why drew he wide his scheme of mighty worlds
Or filled infinity with his passionate breath?
- 430 Or wherefore did he build my mortal form
And sow in me his bright and proud desires,
If not to achieve, to flower in me, to love,
Carving his human image richly shaped
In thoughts and largenesses and golden powers?
- 435 Far Heaven can wait our coming in its calm.
Easy the heavens were to build for God.
Earth was his difficult matter, earth the glory
Gave of the problem and the race and strife.
There are the ominous masks, the terrible powers;
- 440 There it is greatness to create the gods.

Ронять себя в дела земного тленья,
Забыв свободу и предвечный путь?
Иль мощь и мудрость для того лишь служат,
Чтоб биться с властью времени и смерти
И тратить труд, что мог стяжать богов,
И воевать, и корчиться от боли
Во имя жалких радостей, что прячет
Земля в своем ларце сокровищ бранных?
Дитя, иль попираешь ты божеств,
Чтоб возвратить к убогой брэнной жизни
Любимца своего, лишив его
Свободы, счастья в небесах привольных,
Куда без долгих мук его душа
Отправилась по милости богов?
Ужель твои объятъя слаще Божьих?»
Она в ответ: «Шагаю прямо я
Дорогой, что торит могучей дланью
Владыка, проложивший нам пути,
Мной движет сладкий страшный глас его,
И я иду вперед по воле Бога.
Зачем простер он план миров могучих,
Дыханьем пылким оживляя бездны?
Зачем меня он создал в смертной плоти,
Свой пыл и гордость заронил мне в сердце,
Когда не быть во мне, цвести, любить,
Творить во мне свой образ изобильный
В величьи, в мысли, в мощи сил златых?
Нас подождет покой Небес далеких.
Воздвигнуть небеса несложно было Богу.
Земля — его нелегкий плод, орешек крепкий,
Загадки суть, и трудности, и битвы,
Юдоль личин ужасных, грозных сил:
Здесь сотворить богов — вот в чем величье.

Is not the spirit immortal and absolved
Always, delivered from the grasp of Time?
Why came it down into the mortal's Space?
A charge he gave to his high spirit in man
445 And wrote a hidden decree on Nature's tops.
Freedom is this with ever seated soul,
Large in life's limits, strong in Matter's knots,
Building great stuff of action from the worlds
To make fine wisdom from coarse, scattered strands
450 And love and beauty out of war and night,
The wager wonderful, the game divine.
What liberty has the soul which feels not free
Unless stripped bare and cannot kiss the bonds
The Lover winds around his playmate's limbs,
455 Choosing his tyranny, crushed in his embrace?
To seize him better with her boundless heart
She accepts the limiting circle of his arms,
Bows full of bliss beneath his mastering hands
And laughs in his rich constraints, most bound, most free.
460 This is my answer to thy lures, O Death."

[654] Immutable, Death's denial met her cry:
"However mighty, whatever thy secret name
Uttered in hidden conclaves of the gods,
Thy heart's ephemeral passion cannot break
465 The iron rampart of accomplished things
With which the great Gods fence their camp in Space.
Whoever thou art behind thy human mask,
Even if thou art the Mother of the worlds
And pegst thy claim upon the realms of Chance,
470 The cosmic Law is greater than thy will.

Ведь не бессмертен ли и не свободен
Вовеки Дух от хватки временной?
Зачем же он сошел в Пространство смертных?
Задачу дал он духу в человеке
И высек свой Глагол на тайных кручах.
Свободу в том обрящет дух заветный,
Великий в тленьи, стойкий в узах плоти,
Чтоб чудо созидать в миров движеньи
И мудрость ткать из грубых редких нитей,
Любовь и красоту — из тьмы и битвы
В божественной игре, в пари чудесном.
Свободна ли душа, что не мечтает
Свободу обрести в тиранстве Божьем,
Быть обнаженной им, целуя пути,
Которыми, любя, обвил Любимый,
Рабою стать, сгореть в его объятых?
Чтоб лучше охватить его всем сердцем,
Она приемлет плен его любовный,
В блаженстве гнется в его властных дланях,
Смеясь в его оковах изобильных,
Любя — чем крепче узы, тем свободней.
Вот мой ответ, О Смерть, твоим соблазнам».

Но Смерти глас не дрогнул в отрицаньи:
«Сколь ни могуча, как бы ни звалась ты
Заветным именем в божеств конклавах тайных,
Не сокрушишь ты брэнной страстью сердца
Железный вал устоев вековых,
Которым Боги обнесли свой стан в Пространстве.
И будь ты даже Матерь всех миров,
Сокрывшая себя в личине смертной,
Чтоб окормить юдоль, где правит Случай, —
Все ж властен над тобой Закон вселенский.

Even God himself obeys the Laws he made:
 The Law abides and never can it change,
 The Person is a bubble on Time's sea.
 A forerunner of a greater Truth to come,
 475 Thy soul creator of its freer Law,
 Vaunting a Force behind on which it leans,
 A Light above which none but thou hast seen,
 Thou claimst the first fruits of Truth's victory.
 But what is Truth and who can find her form
 480 Amid the specious images of sense,
 Amid the crowding guesses of the mind
 And the dark ambiguities of a world
 Peopled with the incertitudes of Thought?
 For where is Truth and when was her footfall heard
 485 Amid the endless clamour of Time's mart
 And which is her voice amid the thousand cries
 That cross the listening brain and cheat the soul?
 Or is Truth aught but a high starry name
 Or a vague and splendid word by which man's thought
 490 Sanctions and consecrates his nature's choice,
 The heart's wish donning knowledge as its robe,
 The cherished idea elect among the elect,
 Thought's favourite mid the children of half-light
 Who high-voiced crowd the playgrounds of the mind
 495 Or people its dormitories in infant sleep?
 All things hang here between God's yes and no,
 [655] Two Powers real but to each other untrue,
 Two consort stars in the mooned night of mind
 That towards two opposite horizons gaze,
 500 The white head and black tail of the mystic drake,
 The swift and the lame foot, wing strong, wing broken
 Sustaining the body of the uncertain world,

Сам Бог блюдет Законы, что он создал:
Неколебим Закон и непреложен,
А Личность — лишь пузырь в морях Времен.
Предтеча высшей Истины грядущей,
Душой творя иной Закон, свободный,
И слава Мощь, что за тобой стоит,
И свыше Свет, что ты одна и видишь,
Ты жаждешь Истины плодов победных.
Но что есть Истина и кто узнал ее
Среди прельстительных обличий чувств,
Среди ума роящихся догадок
И темных недоразумений мира,
Живущего неясностями Мысли?
И где же Истина, звучал ли шаг ее
Хоть раз в извечном гаме на базаре лет?
Который глас — ее из тысяч криков,
Что манят ум, обманывая душу?
Иль Истина — лишь гордое словцо,
Велеречивый блеф, которым мысль
Природы смертной освящает выбор
Иль прихоть сердца, что рядится знаньем,
Избранницу среди идей отборных,
Любимицу из детищ полусвета,
Что во дворах ума шалят ватагой шумной
Иль сном младенцев спят в его яслях?
Все вертится меж Божьих «да» и «нет» —
Двух сущих Сил, не верящих в друг друга,
Двух звезд-супругов в лунной тьме ума,
Вперившихся в два разных горизонта;
Так с белою главой и черным гузом
Загадкой мир, как селезень, скользит,
Одной ногою резв, другою хром,
Одним крылом могуч, другим подбит —

A great surreal dragon in the skies.
Too dangerously thy high proud truth must live
505 Entangled in Matter's mortal littleness.
All in this world is true, yet all is false:
Its thoughts into an eternal cipher run,
Its deeds swell to Time's rounded zero sum.
Thus man at once is animal and god,
510 A disparate enigma of God's make
Unable to free the Godhead's form within,
A being less than himself, yet something more,
The aspiring animal, the frustrate god
Yet neither beast nor deity but man,
515 But man tied to the kind earth's labour strives to exceed
Climbing the stairs of God to higher things.
Objects are seemings and none knows their truth,
Ideas are guesses of an ignorant god.
Truth has no home in earth's irrational breast:
520 Yet without reason life is a tangle of dreams,
But reason is poised above a dim abyss
And stands at last upon a plank of doubt.
Eternal truth lives not with mortal men.
Or if she dwells within thy mortal heart,
525 Show me the body of the living Truth
Or draw for me the outline of her face
That I too may obey and worship her.
Then will I give thee back thy Satyavan.
But here are only facts and steel-bound Law.
530 This truth I know that Satyavan is dead
And even thy sweetness cannot lure him back.
No magic Truth can bring the dead to life,
[656] No power of earth cancel the thing once done,
No joy of the heart can last surviving death,

Дракон-мираж, повисший зыбко в небе.
Твоей высокой гордой правде трудно выжить
В материальной бренности убогой.
Все правда здесь, и все же все здесь — ложь.
Все помыслы венчает вечный ноль,
Все действия в ничто итожит Время.
Вот так и человек — и бог, и скот,
Двух тварей несовместных Божья тайна —
Не может Божество в себе раскрыть:
Себя он ниже и себя превыше,
И озаренный зверь, и падший бог,
И все ж — не зверь, не бог, но человек —
Но человек, чей род земля стремится превзойти,
По Божьей лестнице взбираясь ввысь.
Предметы — видимость, чей смысл неведом,
Идеи — домыслы невежды бога.
Нет места Истине в земном бездумном прахе,
И все ж без разума жизнь — хаос грез,
Но разум семенит над смутной бездной
К концу повисшей жердочки сомненья.
Не жить средь смертных Истине извечной.
Когда Она живет в твоей груди,
Яви мне тело Истины живой
Иль начертай мне лик Ее чудесный,
Дабы и я склонился перед Нею —
И Сатъявана я верну тебе.
Но факт есть факт, и тверд Закон, как сталь.
И правда в том, что умер Сатъяван,
И даже чар твоих ему не нужно.
Нет Истины волшебной в мире этом,
Способной мертвых к жизни возвратить,
Нет силы, что свершенное отменит,
И радость сердца не избегнет смерти,

- 535 No bliss persuade the past to live again.
 But Life alone can solace the mute Void
 And fill with thought the emptiness of Time.
 Leave then thy dead, O Savitri, and live.”
 The Woman answered to the mighty Shade,
- 540 And as she spoke, mortality disappeared;
 Her Goddess self grew visible in her eyes,
 Light came, a dream of heaven, into her face.
 “O Death, thou too art God and yet not He,
 But only his own black shadow on his path
- 545 As leaving the Night he takes the upward Way
 And drags with him its clinging inconscient Force.
 Of God unconscious thou art the dark head,
 Of his Ignorance thou art the impenitent sign,
 Of its vast tenebrous womb the natural child,
- 550 On his immortality the sinister bar.
 All contraries are aspects of God’s face.
 The Many are the innumerable One,
 The One carries the multitude in his breast;
 He is the Impersonal, inscrutable, sole,
- 555 He is the one infinite Person seeing his world;
 The Silence bears the Eternal’s great dumb seal,
 His light inspires the eternal Word;
 He is the Immobile’s deep and deathless hush,
 Its white and signless blank negating calm,
- 560 Yet stands the creator Self, the almighty Lord
 And watches his will done by the forms of Gods
 And the desire that goads half-conscious man
 And the reluctant and unseeing Night.
 These wide divine extremes, these inverse powers
- 565 Are the right and left side of the body of God;
 Existence balanced twixt two mighty arms
 Confronts the mind with unsolved abysses of Thought.

Блаженство не вернет того, что БЫЛО.
Но скрасит Жизнь немую Пустоту,
Наполнит мыслью беспросветность лет.
О Савитри, живи, забудь о мертвых».
Но Тени грозной отозвалась Женщина,
И с этой речью смертность в ней исчезла:
Душа Богини озарила очи
И Свет, мечтой небес, объял чело:
«О Смерть, ты тоже Бог, но ты не Он,
Ты тень его на собственном пути,
Когда из Ночи ввысь шагает он
В бореньях цепким шлейфом Несознания.
Ты — Бога в бессознании черный лик,
Его Неведенья неотторжимый знак,
В его пучинном чреве — должный плод,
Засов зловещий на его бессмертии.
Противоречья все — лишь Божьи лики.
Все Множество живет в одном Едином;
Единый несчислим в многообразии;
Он и Безличный, одинокий, запредельный,
Он и единая всевидящая Личность,
Безмолвье — Вечного несет печать немую,
И Свет его творит Глагол предвечный;
Он Неподвижного покой бездонный, вечный
В безликой тишине, всестершей, белой, чистой
И он же — дух-Творец, Господь всевластный,
Чья воля в обликах Богов вершится,
И страсть, что подгоняет сонных смертных,
И косная невидящая Ночь.
Две высших крайности, две разных силы —
Лишь правый бок и левый в теле Божьем;
Вращая мир меж двух могучих дланей,
Гнетет он ум своей безмерной Тайной.

Darkness below, a fathomless Light above,
[657] In Light are joined, but sundered by severing Mind
570 Stand face to face, opposite, inseparable,
Two contraries needed for his great World-task,
Two poles whose currents wake the immense World-Force.
In the stupendous secrecy of his Self,
Above the world brooding with equal wings,
575 He is both in one, beginningless, without end:
Transcending both, he enters the Absolute.
His being is a mystery beyond mind,
His ways bewilder mortal ignorance;
The finite in its little sections parked,
580 Amazed, credits not God's audacity
Who dares to be the unimagined All
And see and act as might one Infinite.
Against human reason this is his offence,
Being known to be for ever unknowable,
585 To be all and yet transcend the mystic whole,
Absolute, to lodge in a relative world of Time,
Eternal and all-knowing, to suffer birth,
Omnipotent, to sport with Chance and Fate,
Spirit, yet to be Matter and the Void,
590 Illimitable, beyond form or name,
To dwell within a body, one and supreme
To be animal and human and divine:
A still deep sea, he laughs in rolling waves;
Universal, he is all,—transcendent, none.

И Тьма внизу, и Свет бездонный свыше
Едины в Свете, но разобщены
Здесь мыслью разделяющей Ума
И предстают противными друг другу —
Два рычага его всемирной Цели,
Два полюса обратных, неразрывных,
Чьи токи будят мощь всемирной Силы.
В мистории своей безмерной Сути,
На равных двух крылах над миром рея,
Непреходящий, он един в обоих
И Абсолютный, он превыше их.
Он таинство за рамками ума,
Для смертного неведенья — загадка;
Конечное в своих ничтожных рамках,
Дивясь, не принимает дерзость Бога,
Кто смеет быть невообразимым Всем,
Как Бесконечный — видеть и творить.
Тем оскорбляет он рассудок смертный:
Как может он познанию быть доступным
И оставаться вечно вне познания;
Быть всем и за пределами всего,
Превосходя таинственную целость;
Абсолютный — селиться в мире тленья;
Вечный, всеведущий — рождаться в теле;
Всесильный — с Случаем играть, с Судьбою;
Дух — быть Материей и Пустотою;
Неохватимый, вне имен, вне форм —
Вселяться в плоть; всевышний, всеединый —
Быть зверем, человеком, божеством:
Незыблемый бездонный океан,
Смеется он в своих несметных волнах;
Всемирный, он во всем; внемирный, он ни в чем.
Тем злит он благочестие людское:

- 595 To man's righteousness this is his cosmic crime,
 Almighty beyond good and evil to dwell
 Leaving the good to their fate in a wicked world
 And evil to reign in this enormous scene.
 All opposition seems and strife and chance,
- 600 An aimless labour with but scanty sense,
 To eyes that see a part and miss the whole;
 The surface men scan, the depths refuse their search:
 A hybrid mystery challenges the view,
 Or a discouraging sordid miracle.
- [658] 605 Yet in the exact Inconscient's stark conceit,
 In the casual error of the world's ignorance
 A plan, a hidden Intelligence is glimpsed.
 There is a purpose in each stumble and fall;
 Nature's most careless lolling is a pose
- 610 Preparing some forward step, some deep result.
 Ingenious notes plugged into a motivated score,
 These million discords dot the harmonious theme
 Of the evolution's huge orchestral dance.
 A Truth supreme has forced the world to be;
- 615 It has wrapped itself in Matter as in a shroud,
 A shroud of Death, a shroud of Ignorance.
 It compelled the suns to burn through silent Space,
 Flame-signs of its uncomprehended Thought
 In a wide brooding ether's formless muse:
- 620 It made of Knowledge a veiled and struggling light,
 Of Being a substance nescient, dense and dumb,
 Of Bliss the beauty of an insentient world.
 In finite things the conscious Infinite dwells:
 Involved it sleeps in Matter's helpless trance,
- 625 It rules the world from its sleeping senseless Void;

Как может он, космический преступник,
Всесильный, над добром и злом царить
И добрых покидать на волю рока
И злу отдать всю власть на сцене мира.
Повсюду лишь раздор, боренье, случай,
Бесцельный труд с едва заметным смыслом —
Для глаз, что видят часть, не видя все;
Лишь на поверхность мира смотрит смертный,
Не проникая в скрытые глубины,
И видит лишь таинственный гибрид
Иль жалкое безрадостное чудо.
И все ж в застывшей точной грезе Несознания,
В случайном заблуждении Неведенья
Таится Мудрость, виден скрытый план.
Во всяком преткновенье и паденье
Есть цель, и самый темный сон Природы
Готовит новый шаг, великий плод.
Все диссонансы, все разрозненные ноты —
Искусные тона в гармонии единой,
В оркестре, в танце эволюции великом.
Мир вызван к жизни Истиной всевышней,
Что облеклась в Материю, как в саван, —
Неведения саван, саван Смерти.
Она зажгла в безмолвной Бездне солнца,
Знаменьями своей заветной Мысли
В безвидной грезе широты эфирной —
И Знание обратила скрытым светом,
И Бытие — тяжелым косным веществом,
Блаженство — красотой вселенной мертвой.
В конечном тайно замер Бесконечный:
В Материи он спит, объятый трансом;
Из спящей Пустоты, лишенной чувств,
Свернувшись в мир, он тайно правит миром;

Dreaming it throws out mind and heart and soul
To labour crippled, bound, on the hard earth;
A broken whole it works through scattered points;
Its gleaming shards are Wisdom's diamond thoughts,
630 Its shadowy reflex our ignorance.
It starts from the mute mass in countless jets,
It fashions a being out of brain and nerve,
A sentient creature from its pleasures and pangs.
A pack of feelings obscure, a dot of sense
635 Survives awhile answering the shocks of life,
Then, crushed or its force spent, leaves the dead form,
Leaves the huge universe in which it lived
An insignificant unconsidered guest.
But the soul grows concealed within its house;
640 It gives to the body its strength and magnificence;
[659] It follows aims in an ignorant aimless world,
It lends significance to earth's meaningless life.
A demigod animal, came thinking man;
He wallows in mud, yet heavenward soars in thought;
645 He plays and ponders, laughs and weeps and dreams,
Satisfies his little longings like the beast;
He pores upon life's book with student eyes.
Out of this tangle of intellect and sense,
Out of the narrow scope of finite thought
650 At last he wakes into spiritual mind;
A high liberty begins and luminous room:
He glimpses eternity, touches the infinite,

Во сне творит он разум, сердце, душу,
Чтоб на земле в суровой тяжкой жизни
Они калеками в оковах жили,
И трудится, разбит, в несметных крохах,
Чтоб их собрать в разрозненную целость,
Блестя в осколках Мудростью алмазной
Иль отражаясь нашей тьмой незрячей.
Из косных масс восстав в бесчисленных точках,
Он строит существо в мозгу и нервах,
Живую тварь — в уладах и мученьях.
Скопленье смутных чувств, сознания искра
Затлеет в битве со стихией жизни
И гаснет, сокрушась иль истощившись,
И покидает гибнущую форму
И мир гигантский, где она жила,
Неузнанной и незаметной гостьей.
Но воплощаясь вновь и вновь во прахе,
Из искры той душа взрастает тайно
И дарит телу красоту и статность,
Стремится к цели в тьме бесцельной мира,
Сообщает смысл земной бездумной жизни.
Разумный человек явился в мире —
Животное и полубожество;
Живя в грязи, он ввысь взмывает мыслью,
Играет, грезит, плачет и смеется,
К уладам жалким, словно зверь, влечется,
Пытливым оком смотрит в книгу жизни.
Из путаницы чувств и интеллекта,
Из недалеких сфер конечной мысли
Он всходит наконец в духовный разум,
Вступив в свободу, в светлые просторы,
И видит проблеск вечности далекой,
И чувствует безмерности дыханье,

He meets the gods in great and sudden hours,
He feels the universe as his larger self,
655 Makes Space and Time his opportunity
To join the heights and depths of being in light,
In the heart's cave speaks secretly with God.
But these are touches and high moments lived;
Fragments of Truth supreme have lit his soul,
660 Reflections of the sun in waters still.
A few have dared the last supreme ascent
And break through borders of blinding light above,
And feel a breath around of mightier air,
Receive a vaster being's messages
665 And bathe in its immense intuitive Ray.
On summit Mind are radiant altitudes
Exposed to the lustre of Infinity,
Outskirts and dependencies of the house of Truth,
Upraised estates of Mind and measureless.
670 There man can visit but there he cannot live.
A cosmic Thought spreads out its vastitudes;
Its smallest parts are here philosophies
Challenging with their detailed immensity,
Each figuring an omniscient scheme of things.
675 But higher still can climb the ascending light;
[660] There are vasts of vision and eternal suns,
Oceans of an immortal luminousness,
Flame-hills assaulting heaven with their peaks,

Богов встречает вдруг в часы благие,
Вселенную собою обнимает,
В Пространстве-Времени возможность видит
Связать в едином свете высь и глубь,
В пещере сердца тайно внемлет Богу.
Но это — лишь мгновения живые,
Прикосновенья, вспышки высших сфер,
Лишь блики солнца в безмятежных водах —
Так проблесками Истина сияет,
Верховным светом озаряя душу.
Немногие пойти решились дальше —
В последнее восхождение к высшим высям
Сквозь небо ослепительного света,
В раздолья всемогущего эфира,
Познав известья широчайшей жизни,
Соприкоснувшись с бытием всевышним,
Приняв великий Луч интуитивный.
Там, в высях Разума лучатся пики,
Сияньем Бесконечности омыты,
Преддверья храма Истины верховной,
Возвышенного Разума владенья,
Пресветлые, бескрайние просторы.
Там, в ясной широте вселенской Мысли,
Где каждый лучик — новый взгляд на мир,
Всевидящий, глобальный, скрупулезный —
Несет земле великое ученье,
Не может смертный жить — он там лишь гость.
Но, не довольствуясь простором Мысли,
Стремится выше восходящий свет —
К раздольям виденья, к извечным солнцам,
К безбрежьям светозарности бессмертной,
К вершинам-пламенам, взнесенным в небо:
Туда, где все — единый светоч-взор,

There dwelling all becomes a blaze of sight;
680 A burning head of vision leads the mind,
Thought trails behind it its long comet tail;
The heart glows, an illuminate and seer,
And sense is kindled into identity.
A highest flight climbs to a deepest view:
685 In a wide opening of its native sky
Intuition's lightnings range in a bright pack
Hunting all hidden truths out of their lairs,
Its fiery edge of seeing absolute
Cleaves into locked unknown retreats of self,
690 Rummages the sky-recesses of the brain,
Lights up the occult chambers of the heart;
Its spear-point ictus of discovery
Pressed on the cover of name, the screen of form,
Strips bare the secret soul of all that is.
695 Thought there has revelation's sun-bright eyes;
The Word, a mighty and inspiring Voice,
Enters Truth's inmost cabin of privacy
And tears away the veil from God and life.
Then stretches the boundless finite's last expanse,
700 The cosmic empire of the Overmind,
Time's buffer state bordering Eternity,
Too vast for the experience of man's soul:
All here gathers beneath one golden sky:
The Powers that build the cosmos station take
705 In its house of infinite possibility;
Each god from there builds his own nature's world;
Ideas are phalanxed like a group of suns,

Кометой виденья взмывает разум —
Лишь вьется сзади мысли длинный шлейф;
Пылает сердце, пламенный провидец,
И тождества огонь объемлет чувства.
Но глубочайший взгляд — лишь в высшем взлете:
В безбрежной широте родных небес
Блистают Интуиции зарницы,
Стремясь гурьбой на поиск тайных истин
И настигая их в заветных логох;
Интуитивный абсолютный взгляд,
Пылающим клинком неудержимым,
Пронзает «я» укромные прибеги,
Тревожит горние альковы мозга,
Касается оккульных зал сердечных;
Его прозренья икт остроконечный,
Проняв покровы имени и формы,
Являет душу тайную всего.
И Мысль блистает оком откровенья,
И Слово — властный, вдохновенный Глас —
Вторгается в покой тайнейший жизни
И там находит Истину и Бога.
Затем лежит предел последний тленья,
Конечного бескрайняя вершина,
Космический престол — Верховный Разум,
Что неподвластен постиженью смертных,
Меж Временем и Вечностью барьер.
Там под златым единым небосводом
Все Силы, воздвигающие космос,
Собираются на рубеже исходном
В обители Возможности безбрежной,
И каждый бог империи вселенской
Возводит новый мир своей природы;
Идеи выступают, ратью солнц,

Each marshalling his company of rays.
Thought crowds in masses seized by one regard;
710 All Time is one body, Space a single look:
There is the Godhead's universal gaze
And there the boundaries of immortal Mind:
[661] The line that parts and joins the hemispheres
Closes in on the labour of the Gods
715 Fencing eternity from the toil of Time.
In her glorious kingdom of eternal light
All-ruler, ruled by none, the Truth supreme,
Omnipotent, omniscient and alone,
In a golden country keeps her measureless house;
720 In its corridor she hears the tread that comes
Out of the Unmanifest never to return
Till the Unknown is known and seen by men.
Above the stretch and blaze of cosmic Sight,
Above the silence of the wordless Thought,
725 Formless creator of immortal forms,
Nameless, investitured with the name divine,
Transcending Time's hours, transcending Timelessness,
The Mighty Mother sits in lucent calm
And holds the eternal Child upon her knees
730 Attending the day when he shall speak to Fate.
There is the image of our future's hope;
There is the sun for which all darkness waits,
There is the imperishable harmony;
The world's contradictions climb to her and are one:
735 There is the Truth of which the world's truths are shreds,

Ведя вперед лучей своих фаланги;
Теснится Мысль в одном великом взоре,
И Время все лежит единым телом,
И Космос весь — единым откровеньем:
Там — Божества универсальный взгляд,
Там — Разума бессмертного пределы:
Граница двух великих полусфер,
Что их разъединяет и связует,
Венчает, словно купол, мир Богов,
От поиска Времен скрывая вечность.
А выше, в дивном, вечном царстве света
Единоправно Истина владычит,
Всеведуща, всевластна, всеедина,
В стране золотой твердя свой храм безмерный;
Там слышится Неявленного поступь,
Что никогда не разнесется снова,
Пока в Неведомое не проникнут люди.
Над широтой космического Зренья,
Над тишиною бессловесной Мысли,
Бесформенным творцом бессмертных форм,
Неименуема, неизъяснима,
Божественное воплощая Имя,
Превосходя Вневременно и Время,
Покойно восседает Матерь Мира,
Храня в объятых вечное Дитя,
И близит день, когда из уст Его
Глагол всевластный повелит Судьбе.
Там — образ нашей будущей надежды;
Там — солнце, что влечет к себе весь мрак,
Там — царствие гармонии нетленной;
Противоречья мира к Ней восходят
И обретают в Ней свое единство:
Там Истина всевышняя сияет,

The Light of which the world's ignorance is the shade
 Till Truth draws back the shade that it has cast,
 The Love our hearts call down to heal all strife,
 The Bliss for which the world's derelict sorrows yearn:
 740 Thence comes the glory sometimes seen on earth,
 The visits of Godhead to the human soul,
 The Beauty and the dream on Nature's face.
 There the perfection born from eternity
 Calls to it the perfection born in Time,
 745 The truth of God surprising human life,
 The image of God overtaking finite shapes.
 There in a world of everlasting Light,
 In the realms of the immortal Supermind
 [662] Truth who hides here her head in mystery,
 750 Her riddle deemed by reason impossible
 In the stark structure of material form,
 Unenigmaed lives, unmasked her face and there
 Is Nature and the common law of things.
 There in a body made of spirit stuff,
 755 The hearth-stone of the everliving Fire,
 Action translates the movements of the soul,
 Thought steps infallible and absolute
 And life is a continual worship's rite,
 A sacrifice of rapture to the One.
 760 A cosmic vision, a spiritual sense
 Feels all the Infinite lodged in finite form
 And seen through a quivering ecstasy of light
 Discovers the bright face of the Bodiless,
 In the truth of a moment, in the moment's soul
 765 Can sip the honey-wine of Eternity.
 A Spirit who is no one and innumerable,
 The one mystic infinite Person of his world

Которой наши истины — лишь искры,
Там — Свет, чья тень — неведенье земное,
Покуда Правда тень свою не скроет,
Любовь, которой жаждут все сердца,
Блаженство, что влечет заблудший мир.
Отсюда — свет, что посещает землю,
Явления Божества душе молящей,
Мечта и Красота в очах Природы.
Там совершенство из нетленных сфер
Взывает к совершенству сферы тленья,
Пленяя смертных истиною Бога,
Преображая прах в подобье Божье.
Там, в царствии немеркнущего Света,
В мирах, где вечный властвует Сверхразум,
Та Истина, что здесь покрыта тайной
И кажется рассудку невозможной
В застывшей схеме материальных форм,
Живет, не пряча своего чела,
Природою всего, законом высшим.
Там, в теле, сотканном духовной сутью, —
Как в очаге бессмертного Огня —
Деянья воплощают пыл души,
И мчится мысль, безгрешна, абсолютна,
И льется жизнь, молебном беспрерывным,
Единому восторженная жертва.
Духовный взор, космическое чувство
Безмерного находят в брэнной форме
И в трепетном экстазе откровенья
Бесплотного провидят светлый образ,
И в сердце, в сути каждого мгновенья
Впивают Вечности нектар пьянящий.
Единый, несчислимо сущий Дух,
Мистическая Личность мироздания,

Multiplies his myriad personality,
 On all his bodies seals his divinity's stamp
 770 And sits in each immortal and unique.
 The Immobile stands behind each daily act,
 A background of the movement and the scene,
 Upholding creation on its might and calm
 And change on the Immutable's deathless poise.
 775 The Timeless looks out from the travelling hours;
 The Ineffable puts on a robe of speech
 Where all its words are woven like magic threads
 Moving with beauty, inspiring with their gleam,
 And every thought takes up its destined place
 780 Recorded in the memory of the world.
 The Truth supreme, vast and impersonal
 Fits faultlessly the hour and circumstance,
 Its substance a pure gold ever the same
 But shaped into vessels for the spirit's use,
 [663] 785 Its gold becomes the wine jar and the vase.
 All there is a supreme epiphany:
 The All-Wonderful makes a marvel of each event,
 The All-Beautiful is a miracle in each shape;
 The All-Blissful smites with rapture the heart's throbs,
 790 A pure celestial joy is the use of sense.
 Each being there is a member of the Self,
 A portion of the million-thoughted All,
 A claimant to the timeless Unity,
 The many's sweetness, the joy of difference
 795 Edged with the intimacy of the One.
 "But who can show to thee Truth's glorious face?
 Our human words can only shadow her.
 To thought she is an unthinkable rapture of light,

Себя преумножает в сонмах «я»,
В бессчетных образах, в телах несметных,
Но все ж во всем — единственен, бессмертен,
Во всем свою божественность являя.
Основой всех деяний и событий,
Весь мир объяв спокойствием и силой,
Незыблемый там царствует, Нетленный,
Поддерживая перемен движенье.
Вневременный сияет в беге дней,
Невыразимый, в облаченье слов,
Что сотканы волшебным покрывалом,
Блится красотой и вдохновеньем,
И всякой мысли свой дарует смысл,
Запечатленный в памяти вселенской.
Там Истина, безличностна, безмерна,
Объемлет каждый миг и каждый шаг,
Блится чистым неизменным золотом,
Что лишь оформлено в сосуды духа,
В золотые кубки пенного нектара.
Там все лучится высшим откровеньем:
Все-Дивный полнит чудом все события,
И Все-Прекрасный блещет в каждой форме,
И Все-Блаженный ранит сердце счастьем,
И радость горящая объемлет чувства.
Там каждый дух — частица в общем Духе,
Всеобщности мильоноликой атом, —
Безвечным упивается Единством,
Восторгом сладостным Многообразья,
Что обострен событностью с Единым.

«Но Истины прекрасный вечный лик
Кто может показать тебе, о Смерть?
Слова людские — лишь ее намеки.
Мысль видит в ней восторг непостижимый света,

- To speech a marvel inexpressible.
- 800 O Death, if thou couldst touch the Truth supreme
 Thou wouldst grow suddenly wise and cease to be.
 If our souls could see and love and clasp God's Truth,
 Its infinite radiance would seize our hearts,
 Our being in God's image be remade
- 805 And earthly life become the life divine.”
 Then Death the last time answered Savitri:
 “If Truth supreme transcends her shadow here
 Severed by Knowledge and the climbing vasts,
 What bridge can cross the gulf that she has left
- 810 Between her and the dream-world she has made?
 Or who could hope to bring her down to men
 And persuade to tread the harsh globe with wounded feet
 Leaving her unapproachable glory and bliss,
 Wasting her splendour on pale earthly air?
- 815 Is thine that strength, O beauty of mortal limbs,
 O soul who flutterest to escape my net?
 Who then art thou hiding in human guise?
 Thy voice carries the sound of infinity,
 Knowledge is with thee, Truth speaks through thy words;
- 820 The light of things beyond shines in thy eyes.
- [664] But where is thy strength to conquer Time and Death?
 Hast thou God's force to build heaven's values here?
 For truth and knowledge are an idle gleam
 If Knowledge brings not power to change the world,
- 825 If Might comes not to give to Truth her right.
 A blind Force, not Truth has made this ignorant world,
 A blind Force, not Truth orders the lives of men:

Речь — чудо несказанное словами.
О Смерть, коснись ты Истины всевышней,
И ты бы вмиг прозрел и тут же сгинул.
Коль Божью Истину узрели б наши души,
И возлюбили б, обняли ее,
Ее безмерный свет залил бы нам сердца,
И мы б — переменились в образ Божий,
И мир — вступил в божественную жизнь».
Смерть-бог последний раз ответил Савитри:
«Коль Истина сияет в высших высях,
Сквозь Знания даль и всходящих планов
Лишь тень свою отбрасывая в мир,
Каким мостом покрыть возможно бездну
Меж нею и ее твореньем-грезой?
И кто б посмел добыть ее для смертных,
Из недоступной славы и блаженства
Призвать ее — стопою уязвленной
Ступать по терниям на грубом шаре,
Теряя блеск свой в сумерках земных?
О смертная краса, в тебе ли эта сила,
За тем ли ты, душа, в моих тенетах бьешься?
Так кто же ты за видимостью смертной?
В твоих речах глаголет бесконечность,
С тобою Знание, Истина в устах;
Нездешний свет в очах твоих сияет.
Но в силах ли ты свергнуть Смерть и Время?
Несешь ли ты в себе всеилю Божье,
Чтоб ценности небес воздвигнуть здесь?
Ведь истина и знание — блеск пустой,
Коль Знание не меняет мощью мир,
Коль Истина бессильна править жизнью.
Не Истиной воздвигнут темный мир — слепую Силой,
Не Истина владычит над людьми — слепая Сила:

By Power, not Light, the great Gods rule the world;
 Power is the arm of God, the seal of Fate.
 830 O human claimant to immortality,
 Reveal thy power, lay bare thy spirit's force,
 Then will I give back to thee Satyavan.
 Or if the Mighty Mother is with thee,
 Show me her face that I may worship her;
 835 Let deathless eyes look into the eyes of Death,
 An imperishable Force touching brute things
 Transform earth's death into immortal life.
 Then can thy dead return to thee and live.
 The prostrate earth perhaps shall lift her gaze
 840 And feel near her the secret body of God
 And love and joy overtake fleeing Time."

And Savitri looked on Death and answered not.
 Almost it seemed as if in his symbol shape
 The world's darkness had consented to Heaven-light
 845 And God needed no more the Inconscient's screen.
 A mighty transformation came on her.
 A halo of the indwelling Deity,
 The Immortal's lustre that had lit her face
 And tented its radiance in her body's house,
 850 Overflowing made the air a luminous sea.
 In a flaming moment of apocalypse
 The Incarnation thrust aside its veil.
 A little figure in infinity
 Yet stood and seemed the Eternal's very house,
 855 As if the world's centre was her very soul
 [665] And all wide space was but its outer robe.
 A curve of the calm hauteur of far heaven
 Descending into earth's humility,

Не Светом — Силой Боги правят миром;
Лишь Сила — Божья длань, печать Судьбы.
О смертный, посягнувший на бессмертье,
Яви же мощь свою — всю силу духа,
И ты назад получишь Сатьявана.
Иль если Мать Могучая — в тебе,
Открой мне лик ее необоримый,
Дабы и я склонился перед нею:
Пусть взор бессмертный взглянет в очи Смерти
И Сила вечная, коснувшись тлена,
Земную смерть изменит в жизнь без смерти.
И твой мертвец тогда, ожив, к тебе вернется.
И, может, падшая земля поднимет очи
И ощутит, что тайно рядом Бог во плоти,
Любовь и радость бег Времен обнимут».

Но молча Савитри на Смерть взидала.
Казалось, в символе его обличья
Всемирный мрак воспринял свет Небес,
И Бог отмел покровы Несознания.
К ней властное пришло преображенье.
Сиянием Богини, скрытой прежде,
Бессмертья свет объял ее чело
И озарил ее телесный храм,
И сделал воздух светозарным морем;
И в пламенный момент Богоявления
Свои покровы сбросил Аватар.
В безбрежности — ничтожная фигурка,
Она все ж Вечного была жилищем,
И дух ее был центром мироздания,
И космос весь — ее лишь одеяньем.
Высокородным образом небес,
Нисшедшим в пресмыкание земное,

Her forehead's span vaulted the Omniscient's gaze,
860 Her eyes were two stars that watched the universe.
The Power that from her being's summit reigned,
The Presence chambered in lotus secrecy,
Came down and held the centre in her brow
Where the mind's Lord in his control-room sits;
865 There throned on concentration's native seat
He opens that third mysterious eye in man,
The Unseen's eye that looks at the unseen,
When Light with a golden ecstasy fills his brain
And the Eternal's wisdom drives his choice
870 And eternal Will seizes the mortal's will.
It stirred in the lotus of her throat of song,
And in her speech throbbed the immortal Word,
Her life sounded with the steps of the world-soul
Moving in harmony with the cosmic Thought.
875 As glides God's sun into the mystic cave
Where hides his light from the pursuing gods,
It glided into the lotus of her heart
And woke in it the Force that alters Fate.
It poured into her navel's lotus depth,
880 Lodged in the little life-nature's narrow home,
On the body's longings grew heaven-rapture's flower
And made desire a pure celestial flame,
Broke into the cave where coiled World-Energy sleeps
And smote the thousand-hooded serpent Force

Ее чело, небесной чудной аркой,
Всеведущего обрамляло взор,
Глаза, как две звезды, на мир взирали.
Поток из высших высей существа,
Из лотоса таинственного свыше,
Низлился в каждый центр ее, неся
Всевластного Присутствие и Силу.
Он центром овладел в ее челе,
Где восседает разума Владыка
На троне концентрации всезрящей:
Здесь, в тронной зале всеобъявшей воли,
Он раскрывает тайный третий глаз,
Незримого всевидящее око, —
И Свет златым экстазом полнит мозг,
И Вечного всемудрость правит жизнью,
И Воля свыше торжествует в смертном.
Он хлынул песнью в лотос горловой,
Возвысив речь ее бессмертным Словом,
Являя в жизни ритм души всемирной,
Даря гармонию с вселенской Мыслью.
Как солнце Божье, крадучись, вскользает
В мистическую тайную пещеру,
Где спрятан свет Его, что ищут боги,
Он проскользнул в ее сердечный лотос,
Будя в нем Силу, что владычит Роком.
Низлился он в ее пупочный лотос,
В теснину низшей жизненной природы,
Блаженства цвет возрадив из нужд телесных,
В небесный огонь преобразив желанье;
Ворвался он в заветную пещеру,
Где спит, свернувшись в кольцах, Мощь вселенной,
И потревожил тайную Энергию,
Что поднялась змеей тысячеглавой

- 885 That blazing towered and clasped the World-Self above,
Joined Matter's dumbness to the Spirit's hush
And filled earth's acts with the Spirit's silent power.
Thus changed she waited for the Word to speak.
Eternity looked into the eyes of Death
- 890 And Darkness saw God's living Reality.
Then a Voice was heard that seemed the stillness' self
[666] Or the low calm utterance of infinity
When it speaks to the silence in the heart of sleep.
"I hail thee, almighty and victorious Death,
- 895 Thou grandiose Darkness of the Infinite.
O Void that makest room for all to be,
Hunger that gnawest at the universe
Consuming the cold remnants of the suns
And eatst the whole world with thy jaws of fire,
- 900 Waster of the energy that has made the stars,
Inconscience, carrier of the seeds of thought,
Nescience in which All-Knowledge sleeps entombed
And slowly emerges in its hollow breast
Wearing the mind's mask of bright Ignorance.
- 905 Thou art my shadow and my instrument.
I have given thee thy awful shape of dread
And thy sharp sword of terror and grief and pain
To force the soul of man to struggle for light
On the brevity of his half-conscious days.
- 910 Thou art his spur to greatness in his works,
The whip to his yearning for eternal bliss,
His poignant need of immortality.
Live, Death, awhile, be still my instrument.

И слилась страстно с высшим «Я» вселенским,
Соединяя немоту Материи
С неколебимой тишиною Духа,
Безмолвной силой Духа полня каждый акт.
Так, изменяясь златым преображеньем,
Она ждала явления Слова свыше.
И Вечность заглянула в очи Смерти,
И Мрак воочью зрил живого Бога.
И грянул Глас, речением молчанья
Иль беспредельности покойной молвью,
Что говорит с безмолвьем в сердце сна.
«Привет тебе, о Смерти бог победный,
Ты, Беспределья грандиозный Мрак.
Ты Пустотой дал место быть всему,
Ты Глад, что вечно гложет мирозданье,
Грызя останки хладные светил
И пожирая мир огня клыками,
Ты, мот энергии, зажегшей звезды,
Ты Несознание, носитель семян мысли,
Неведение, в чьих недрах спит Всезнание,
Вставая медленно из той могилы косной
Под маской яркого Невежества ума.
Ты тень моя, мое орудье в мире.
Я придала тебе твой жуткий облик
И меч твой острый ужаса и скорби,
Чтоб душу принудить стремится к свету
В недолгих неосознанных днях человека.
Ты бич, чтоб он искал в трудах величья,
И устремлялся к вечному блаженству,
И жаждал всей душой достичь бессмертья.
Живи же, Смерть, пока, будь мне орудьем.

One day man too shall know thy fathomless heart
915 Of silence and the brooding peace of Night
And grave obedience to eternal Law
And the calm inflexible pity in thy gaze.
But now, O timeless Mightiness, stand aside
And leave the path of my incarnate Force.
920 Relieve the radiant God from thy black mask:
Release the soul of the world called Satyavan
Freed from thy clutch of pain and ignorance
That he may stand master of life and fate,
Man's representative in the house of God,
925 The mate of Wisdom and the spouse of Light,
The eternal bridegroom of the eternal bride.”
She spoke; Death unconvinced resisted still,
[667] Although he knew refusing still to know,
Although he saw refusing still to see.
930 Unshakable he stood claiming his right.
His spirit bowed; his will obeyed the law
Of its own nature binding even on Gods.
The Two opposed each other face to face.
His being like a huge fort of darkness towered;
935 Around it her light grew, an ocean's siege.
Awhile the Shade survived defying heaven:
Assailing in front, oppressing from above,
A concrete mass of conscious power, he bore
The tyranny of her divine desire.

Однажды человек тебя постигнет,
Твое бездонное познает сердце
Безмолвия, твой мир самозабвенной Ночи
И мрачную покорность вечному Закону,
И жалость непреклонную во взгляде.
Теперь же, о вневременная Мощь,
Уйди с пути моей земнорожденной Силы.
От власти черной своего обличья
Освободи сияющего Бога
И Сатьявана — душу всей вселенной —
Из хватки тьмы и боли отпусти,
Чтоб стал он жизни и судьбы владыкой,
Посланником людей в жилище Бога,
Собратом Света, Мудрости супругом,
Извечным женихом невесты вечной». Она
рекла — но ей не внял Смерть-бог,
Неубежденный, он сопротивлялся,
Хотя и знал, отказываясь знать,
Хотя и видел, не желая видеть.
Незыблем, на своем стоял он праве,
Склонившись духом — непреклонный волей,
Своей природы следуя закону,
Чьи узы властны даже над Богами.
Лицом к лицу противостояли Двое.
Он высился гигантским замком мрака;
Но вокруг него, осадой океанской,
Вздымался, рос ее великий свет.
Недолго Тень держалась: глыбой мрака,
Громадой тяжелой сознающей силы,
Бросая вызов небу, выносил он
Божественный огонь ее веленья.

- 940 A pressure of intolerable force
Weighed on his unbowed head and stubborn breast;
Light like a burning tongue licked up his thoughts,
Light was a luminous torture in his heart,
Light coursed, a splendid agony, through his nerves;
- 945 His darkness muttered perishing in her blaze.
Her mastering Word commanded every limb
And left no room for his enormous will
That seemed pushed out into some helpless space
And could no more re-enter but left him void.
- 950 He called to Night but she fell shuddering back,
He called to Hell but sullenly it retired:
He turned to the Inconscient for support,
From which he was born, his vast sustaining self;
It drew him back towards boundless vacancy
- 955 As if by himself to swallow up himself:
He called to his strength, but it refused his call.
His body was eaten by light, his spirit devoured.
At last he knew defeat inevitable
And left crumbling the shape that he had worn,
- 960 Abandoning hope to make man's soul his prey
And force to be mortal the immortal spirit.
Afar he fled shunning her dreaded touch
And refuge took in the retreating Night.
- [668] In the dream twilight of that symbol world
- 965 The dire universal Shadow disappeared
Vanishing into the Void from which it came.
As if deprived of its original cause,

Могучий натиск нестерпимой силы
Обрушился всевластной тиранией
На непокорную главу и грудь его:
Свет языком огня слизнул все мысли,
Свет разгорался в сердце пылкой пыткой,
Свет каждый нерв пронзил блестящей мукой:
Стеная, мрак его в ее сиянье таял.
Ее Глагол всевластен был над ним
И покорял все существо его,
Не оставляя места темной воле,
Словно повисшей в пустоте бессильно
И уж не могшей поддержать его.
Он Ночь призвал — но та бежала в страхе,
Он Ад призвал — но тот угрюмо скрылся:
О помощи воззвал он к Несознанию,
К своей живящей необъятной сути,
Откуда он явился в бытие —
Оно влекло его обратно в Пустоту:
Он словно поглощал себя собою;
Он мощь свою призвал, но та не вняла.
Свет пожирал и плоть, и дух его.
И понял он неотвратимость краха,
И сгинул, разлетелся жуткий образ:
Он прочь бежал, забыв свои надежды
Душою человека поживиться,
Заставить смертным быть бессмертный дух.
Ее прикосновеньем устрешенный,
Он скрылся в исчезающей Ночи.
В той символичной сумеречной грезе
Исчез вселенский жуткий Призрак-Тень,
Растаяв в Пустоте, откуда вышел.
Словно лишившись собственной причины,

The twilight realm passed fading from their souls,
And Satyavan and Savitri were alone...

End of Canto Four

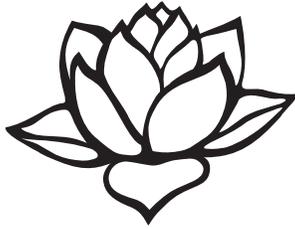
END OF BOOK IV

Мир сумрака растаял вокруг их душ:
Одни остались Сатъяван и Савитри...

Конец Песни четвертой

КОНЕЦ КНИГИ IV

V

ЭПИЛОГ

V

EPILOGUE

ЭПИЛОГ

Возвращение на землю

Epilogue

The Return to Earth

[711] Down with a hurried swimming floating lapse
Through unseen worlds and bottomless spaces forced
Sank like a star the soul of Savitri.

1435 Amidst a laughter of unearthly lyres
She heard around her nameless voices cry
Triumphing, an innumerable sound.
A choir of rushing winds to meet her came.
She bore the burden of infinity

1440 And felt the stir of all ethereal space.
Pursuing her in her fall, implacably sweet,
A face was over her which seemed a youth's,
Symbol of all the beauty eyes see not,
Crowned as with peacock plumes of gorgeous hue

1445 Framing a sapphire, whose heart-disturbing smile
Insatiably attracted to delight,
Voluptuous to the embraces of her soul.
Changed in its shape, yet rapturously the same,
It grew a woman's dark and beautiful

1450 Like a mooned night with drifting star-gemmed clouds,
A shadowy glory and a stormy depth,
Turbulent in will and terrible in love.
Eyes in which Nature's blind ecstatic life
Sprang from some spirit's passionate content,

1455 Missioned her to the whirling dance of earth.
Amidst the headlong rapture of her fall
Held like a bird in a child's satisfied hands,
In an enamoured grasp her spirit strove
Admitting no release till Time should end,

ПЛЫВЯ в стремительном паденьи вниз,
Влекома в безднах и мирах незримых,
Звездою Савитри душа скользила.

Средь смеха неземных чудесных лир
Она внимала голосам безвестным,
Ликующим, неисчислимым звуком.
Хор мчащихся ветров летел навстречу.
Она несла, как время, бесконечность
И ощущала ток пространств эфирных.
За нею следуя в ее паденьи,
Безжалостно прекрасный лик парил —
Как воплощенье юности, как символ
Всей красоты, неведомой очам,
Увенчан радужным пером павлиньим,
Сапфира обрамленьем, — чья улыбка,
Тревожа сердце, увлекала к счастью
Неутолимо и сластолюбиво
Влеклась к объятиям ее души.
И изменяясь, хоть и в восторге прежнем,
Тот лик стал женским, смуглым и прекрасным,
Подобный ночи, что луной сияет
Над блещущими звездно облаками,
Красою темной, глубию бурекрылой,
Неистов в воле, яростен в любви.
И очи, где слепая жизнь Природы
В экстазе вырвалась неудержимо
Из страстного благоволенья духа,
В кружащий пляс земли ее послали.
В восторге головокружительном паденья,
Как птица в радостных руках ребенка,
В захвате сладком дух ее боролся,
Что не ослабнет до конца Времен,

- 1460 And, as the fruit of the mysterious joy,
 She kept within her strong embosoming soul
 Like a flower hidden in the heart of spring
 The soul of Satyavan drawn down by her
 Inextricably in that mighty lapse.
- 1465 Invisible heavens in a thronging flight
 [712] Soared past her as she fell. Then all the blind
 And near attraction of the earth compelled
 Fearful rapidities of downward bliss.
 Lost in the giddy proneness of that speed,
- 1470 Whirled, sinking, overcome she disappeared,
 Like a leaf spinning from the tree of heaven,
 In broad unconsciousness as in a pool;
 A hospitable softness drew her in
 Into a wonder of miraculous depths,
- 1475 Above her closed a darkness of great wings
 And she was buried in a mother's breast.
 Then from a timeless plane that watches Time,
 A Spirit gazed out upon destiny,
 In its endless moment saw the ages pass.
- 1480 All still was in a silence of the gods.
 The prophet moment covered limitless Space
 And cast into the heart of hurrying Time
 A diamond light of the Eternal's peace,
 A crimson seed of God's felicity;
- 1485 A glance from the gaze fell of undying Love.
 A wonderful face looked out with deathless eyes;
 A hand was seen drawing the golden bars
 That guard the imperishable secrecies.
 A key turned in a mystic lock of Time.
- 1490 But where the silence of the gods had passed,
 A greater harmony from the stillness born

И, словно плод таинственного счастья,
Она несла в души объятых властных,
Цветком, сокрытым в сердце у весны,
Вниз увлекая, душу Сатъявана
Нерасторжимо в том могучем спуске.
Незримым сонмом небеса летели
Вокруг нее, скользившей быстро вниз.
И вот земли слепое притяжение,
Уж близкой, повлекло ее стремглав
В блаженстве нисходящего полета.
Теряясь в том стремительном падении,
Кружась, снижаясь, канула она,
Листом, слетевшим с дерева небес,
В ширь бессознания, словно в темный пруд;
Радужно мягкость увлекла ее
В чудесные загадочные глубины,
Над ней сомкнулся мрак великих крыл
И в лоне матери она сокрылась.

Затем из сферы, неподвластной тленью,
Что озирает вечный ход Времен,
Великий Дух воззрелся на судьбу
И в миг бескрайний охватил века.
Все замерло в безмолвии богов,
И вещей миг объял безмерный Космос
И в сердце заронил Времен спешащих
Алмазный свет покоя Вечного,
Восторга Божьего малиновое семя;
И взгляд блеснул очей Любви бессмертной.
Чудесный лик повел нетленным взором
И длань сняла засовы золотые,
Что преграждали путь к безвечным таинствам;
И ключ открыл замок Времен заветный.
Но там, где минуло богов безмолвье,
Гармония, рожденная покоем,

Surprised with joy and sweetness yearning hearts,
 An ecstasy and a laughter and a cry.
 A power leaned down, a happiness found its home.

1495 Over wide earth brooded the infinite bliss...

[715] Out of abysmal trance her spirit woke.
 Lain on the earth-mother's calm unconscious breast
 She saw the green-clad branches lean above
 Guarding her sleep with their enchanted life,
 5 And overhead a blue-winged ecstasy
 Fluttered from bough to bough with high-pitched call.
 Into the magic secrecy of the woods
 Peering through an emerald lattice-window of leaves,
 In indolent skies reclined, the thinning day
 10 Turned to its slow fall into evening's peace.
 She pressed the living body of Satyavan:
 On her body's wordless joy to be and breathe
 She bore the blissful burden of his head
 Between her breasts' warm labour of delight,
 15 The waking gladness of her members felt
 The weight of heaven in his limbs, a touch
 Summing the whole felicity of things,
 And all her life was conscious of his life
 And all her being rejoiced enfolding his.
 20 The immense remoteness of her trance had passed;
 Human she was once more, earth's Savitri,
 Yet felt in her illimitable change.
 A power dwelt in her soul too great for earth,

Экстаз, и смех, и долгожданный клич
Явили радость страждущим сердцам.
И сила свыше низошла на мир,
И счастье обрело свою обитель.
Над всей землей простерлась ширь блаженства...

Из бездны транса дух ее восстал.
Она лежала на груди земли —
На лоне матери несознающей;
Над ней зеленые склонились ветви,
Что простирались, сон ее храня
Своею зачарованною жизнью,
И в них порхал экстаз лазурнокрылый
На ветку с ветки, звонко голося.
В магическое таинство лесов
Сквозь изумруд окон решетчатых листвы
Заглядывал, клонясь к закату, день,
В ленивом небе распростершись праздно,
И постепенно гас в вечернем мире.
Прижав к себе живое тело Сатьявана,
Она в безмолвной радости телесной,
В великой радости быть и дышать
Хранила бремя сладкое его главы
Меж счастья теплого своих грудей,
Его ожившей плоти чувствуя блаженство
И бремя неба в нем — то прикосанье,
В котором билось счастье всех вещей, —
И жизнью всей его внимала жизни,
Всем существом объяв его в восторге.
Ее бездонный транс далекий минул;
И вновь она была земною Савитри,
Но в ней безмерная свершилась перемена.
Могущество в душе ее царило,

- A bliss lived in her heart too large for heaven;
25 Light too intense for thought and love too boundless
For earth's emotions lit her skies of mind
And spread through her deep and happy seas of soul.
All that is sacred in the world drew near
To her divine passivity of mood.
- 30 A marvellous voice of silence breathed its thoughts.
All things in Time and Space she had taken for hers;
[716] In her they moved, by her they lived and were,
The whole wide world clung to her for delight,
Created for her rapt embrace of love.
- 35 Now in her spaceless self released from bounds
Unnumbered years seemed moments long drawn out,
The brilliant time-flakes of eternity.
Outwingings of a bird from its bright home,
Her earthly morns were radiant flights of joy.
- 40 Boundless she was, a form of infinity.
Absorbed no longer by the moment's beat
Her spirit the unending future felt
And lived with all the unbeginning past.
Her life was a dawn's victorious opening,
- 45 The past and unborn days had joined their dreams,
Old vanished eves and far arriving noons
Hinted to her a vision of prescient hours.
Supine in musing bliss she lay awhile
Given to the wonder of a waking trance;
- 50 Half-risen then she sent her gaze around,

Что для земли великим слишком было;
Блаженство жило в сердце у нее,
Что было слишком велико для неба;
Свет, слишком сильный для ума земного,
И слишком безграничная любовь
Для чувств земных, в уме ее сияли —
Как в небе солнце, простираясь вольно
В глубоких счастливых морях ее души.
Все, что священно в мире, стало близким
Божественной пассивности ее.
Безмолвья чудный глас вдыхал ей мысли.
Во Времени, в Пространстве все принадлежало ей;
Все двигалось, и жило в ней, и было —
Весь мир стремился к ней, ища блаженства,
Был создан для ее любви объятий.
В ее безмерном «я», от уз свободном,
Мгновеньями текли бессчетно годы,
Сверкающие хлопья вечности.
Из светлого гнезда взмывая птицей,
Взлетал, сияя, зорь ее восторг.
Она была безмерности обличьем.
Мгновений пульсом больше не захвачен,
В ней дух внимал бескрайности грядущей
И простирался в безначальном прошлом.
В ней рассветала жизнь, победным утром,
В ней прошлое и дни, что лишь грядут,
Свои мечты в одно объединили;
Исчезнувшие вечера былого
И будущие полдни ей являли
Свои знаменья в вещи часы.
Она простерлась в грезящем блаженстве,
Витая в чудном пробужденном трансе,
Затем, чуть приподнявшись, осмотрелась,

As if to recover old sweet trivial threads,
 Old happy thoughts, small treasured memories,
 And weave them into one immortal day.
 Ever she held on the paradise of her breast
 55 Her lover charmed into a fathomless sleep,
 Lain like an infant spirit unaware
 Lulled on the verge of two consenting worlds.
 But soon she leaned down over her loved to call
 His mind back to her with her travelling touch
 60 On his closed eyelids; settled was her still look
 Of strong delight, not yearning now, but large
 With limitless joy or sovereign last content,
 Pure, passionate with the passion of the gods.
 Desire stirred not its wings; for all was made
 65 An overarching of celestial rays
 Like the absorbed control of sky on plain,
 Heaven's leaning down to embrace from all sides earth,
 [717] A quiet rapture, a vast security.
 Then sighing to her touch the soft-winged sleep
 70 Rose hovering from his flowerlike lids and flew
 Murmurous away. Awake, he found her eyes
 Waiting for his, and felt her hands, and saw
 The earth his home given back to him once more
 And her made his again, his passion's all.
 75 With his arms' encircling hold around her locked,
 A living knot to make possession close,
 He murmured with hesitating lips her name,
 And vaguely recollecting wonder cried,

Словно собирая мѳнувшего нити,
Воспоминаний, мыслей прежних счастье,
Все милые сокровища былого,
Чтоб их сплотить в один бессмертный день.
И на груди своей, словно в раю,
Она любимого хранила тело,
Что зачарован был бездонным сном,
Словно младенец-дух несознающий,
Уснувший между двух миров согласных.
Но вот она склонилась над любимым,
Чтобы призвать обратно ум его
К себе блуждающим прикосновеньем
К его смеженным веждам, взгляд ее
Застыл на нем, не жажда, но полон
Бескрайней радости иль властного довольства,
Чист, страстен пылкой страстию богов.
Крыла желанья уж не трепетали,
Ведь все лучей небесных осеняла арка —
Так небосвод царит над ровным полем,
Так небеса, склоняясь, объемлют землю,
Восторгом тихим, беспредельной твердью.
И мягкокрылый сон, вздохнув в ответ,
Вспорхнул с его цветкам подобных вежд
И улетел, шепча. И он очнулся,
Чтоб взор ее найти, что взгляда ждал его,
Чтоб длани ощутить ее, узреть
Родную землю, дом свой возвращенный
Ему опять, и лик узнать любимый,
Вновь отданный ему — всю страсть свою.
Замкнув вокруг нее свои объѳтья,
Живым узлом, что свяжет их в одно,
Он прошептал едва любимой имя
И, смутно вспомнив чудо, произнес:

“Whence hast thou brought me captive back, love-chained,
 80 To thee and sunlight’s walls, O golden beam
 And casket of all sweetness, Savitri,
 Godhead and woman, moonlight of my soul?
 For surely I have travelled in strange worlds
 By thee companioned, a pursuing spirit,
 85 Together we have disdained the gates of night.
 I have turned away from the celestials’ joy
 And heaven’s insufficient without thee.
 Where now has passed that formidable Shape
 Which rose against us, the Spirit of the Void,
 90 Claiming the world for Death and Nothingness,
 Denying God and soul? Or was all a dream
 Or a vision seen in a spiritual sleep,
 A symbol of the oppositions of Time
 Or a mind-lit beacon of significance
 95 In some stress of darkness lighting on the Way
 Or guiding a swimmer through the straits of Death,
 Or finding with the succour of its ray
 In a gully mid the crowded streets of Chance
 The soul that into the world-adventure came,
 100 A scout and voyager from Eternity?”
 But she replied, “Our parting was the dream;
 We are together, we live, O Satyavan.
 Look round thee and behold, glad and unchanged
 [718] Our home, this forest with its thousand cries
 105 And the whisper of the wind among the leaves
 And, through rifts in emerald scene, the evening sky,
 God’s canopy of blue sheltering our lives,
 And the birds crying for heart’s happiness,

«Откуда ты меня вернула вновь,
Пленного оковами любви,
К тебе, о луч золотой, и к стенам солнца,
О кладезь всех услад, о Савитри,
Жена, богиня, свет моей души?
Ведь я скитался во вселенных странных
С тобою, что за мною в духе шла,
Презрели вместе мы ворота ночи.
Я радость небожителей отверг
И мед небес, не сладкий без тебя.
Куда сокрылось жуткое Обличье,
Дух Пустоты, что против нас восстал,
Затмив весь мир Небытием и Смертью
И отрицая Бога, душу, свет?
Иль то была лишь греза, лишь виденье,
Представшее очам в духовном сне,
Лишь символ временных противоречий
Иль смысла светоч, разумом зажженный,
В гнетущем мраке освещающая Путь,
Или ведя пловца в проливе Смерти,
Иль помощи протягивая луч
В овраге средь дорог, где правит Случай,
Душе, нисшедшей в приключенье мира,
Из Вечности разведчиком-скитальцем?»
Но та в ответ: «Была разлука грезой;
О Сатьяван, мы вместе и мы живы.
Взгляни вокруг, увидь — как прежде счастливы
Наш дом — великий лес, что полон жизни:
Щебечут птицы, шепчет ветер в листьях
И сквозь просветы в изумрудной сцене кущах
Лучится вечеряющее небо —
Над нашей жизнью синий Божий полог,
И птицы трелью будят счастье в сердце —

Winged poets of our solitary reign,
 110 Our friends on earth where we are king and queen.
 Only our souls have left Death's night behind,
 Changed by a mighty dream's reality,
 Illumined by the light of symbol worlds
 And the stupendous summit self of things,
 115 And stood at Godhead's gates limitless, free."

Then filled with the glory of their happiness
 They rose and with safe clinging fingers locked
 Hung on each other in a silent look.
 But he with a new wonder in his heart
 120 And a new flame of worship in his eyes:
 "What high change is in thee, O Savitri? Bright
 Ever thou wast, a goddess still and pure,
 Yet dearer to me by thy sweet human parts
 Earth gave thee making thee yet more divine.
 125 My adoration mastered, my desire
 Bent down to make its subject, my daring clasped,
 Claiming by body and soul my life's estate,
 Rapture's possession, love's sweet property,
 A statue of silence in my templed spirit,
 130 A yearning godhead and a golden bride.
 But now thou seemst almost too high and great
 For mortal worship; Time lies below thy feet
 And the whole world seems only a part of thee,
 Thy presence the hushed heaven I inhabit,
 135 And thou lookst on me in the gaze of the stars,
 Yet art the earthly keeper of my soul,
 My life a whisper of thy dreaming thoughts,

Крылатые певцы державы нашей —
Здесь на земле, где мы царим едино.
Лишь наши души Смерти мрак прошли,
Изменены могучей грезой явью,
Объяты светом символов-миров
И грандиозным высшим «я» всего,
И стали пред вратами Божества,
Безмерные, свободные вовеки».

И полнясь счастья своего блистаньем,
Они поднялись и, сплетая длани,
Безмолвным взглядом обняли друг друга.
Он молвил с новым восхищеньем в сердце
И преклоненья пламенем в очах:
«Что за высокий свет, о Савитри,
В тебе сияет ныне? Полной света
Всегда была ты, чистая богиня,
Мне милая своим земным обличем,
Что множит лишь божественность твою.
Обуздан мой восторг, мое желанье
Склонилось пред тобой, мое дерзанье
Собой объяла ты, душой и телом
Алкая обладать моею жизнью, —
Любви, восторга сладкое владенье,
Безмолвья изваянье в храме духа моего,
Богиня пылкая, невеста золотая.
Но ты теперь как будто слишком высока
Для преклоненья смертного; все Время
Лежит у стоп твоих, и целый мир
Лишь кажется твоей ничтожной частью,
Тобой я полню смолкнувшее небо,
Ты смотришь на меня очами звезд,
И ты — души моей земной хранитель,
И жизнь моя — лишь шепот грез твоих,

My morns a gleaming of thy spirit's wings,
 And day and night are of thy beauty part.
 [719] 140 Hast thou not taken my heart to treasure it
 In the secure environment of thy breast?
 Awakened from the silence and the sleep,
 I have consented for thy sake to be.
 By thee I have greatened my mortal arc of life,
 145 But now far heavens, unmapped infinitudes
 Thou hast brought me, thy illimitable gift!
 If to fill these thou lift thy sacred flight,
 My human earth will still demand thy bliss.
 Make still my life through thee a song of joy
 150 And all my silence wide and deep with thee.”
 A heavenly queen consenting to his will,
 She clasped his feet, by her enshrining hair
 Enveloped in a velvet cloak of love,
 And answered softly like a murmuring lute:
 155 “All now is changed, yet all is still the same.
 Lo, we have looked upon the face of God,
 Our life has opened with divinity.
 We have borne identity with the Supreme
 And known his meaning in our mortal lives.
 160 Our love has grown greater by that mighty touch
 And learned its heavenly significance,
 Yet nothing is lost of mortal love's delight.
 Heaven's touch fulfils but cancels not our earth:
 Our bodies need each other in the same last;
 165 Still in our breasts repeat heavenly secret rhythm
 Our human heart-beats passionately close.

В моих утрах твой дух крылами блещет,
А день и ночь — лишь часть твоей красы.
Не ты ли сердце у меня забрала,
Чтобы вовеки сохранять его
В груди твоей надежном окруженьи?
Разбужен от безмолвия и сна,
Я согласился быть ради тебя.
Тобой я возвеличил арку смертной жизни,
И вот простор небес, нехоженных безбрежий
Ты принесла мне, твой безмерный дар!
Коль ты вздымаешь свой полет священный,
Чтоб их наполнить, охватить собою,
Моя земля все ж требует блаженства твоего.
Все ж сделай песнью счастья жизнь мою собою
И тишь мою собою углуби».
Небесная царица, соглашаясь,
Она к его стопам склонилась молча
И обняла их влас своих восторгом,
Как одеяньем бархатным любви,
И мягко прожурчала, словно лютня:
«Теперь — иначе все, и все — как прежде.
Взгляни же, мы узрели Божий лик,
И наша жизнь божественность вместила.
Мы пережили тождество с Всевышним,
Проникли в смысл его за нашей смертной жизнью.
Но от того могучего касанья
Любовь меж нами лишь сильнее стала,
Познав свое небесное призванье,
Но не лишась своей улады смертной:
Земля не гибнет, прикасаясь к небу,
Но обретает полноту свою.
Как прежде, вторя тайным горным ритмам,
Сердца трепещут в нас в единой страсти

- Still am I she who came to thee mid the murmur
 Of sunlit leaves upon this forest verge;
 I am the Madran, I am Savitri.
- 170 All that I was before, I am to thee still,
 Close comrade of thy thoughts and hopes and toils,
 All happy contraries I would join for thee.
 All sweet relations marry in our life;
 I am thy kingdom even as thou art mine,
- 175 The sovereign and the slave of thy desire,
 [720] Thy prone possessor, sister of thy soul
 And mother of thy wants; thou art my world,
 The earth I need, the heaven my thoughts desire,
 The world I inhabit and the god I adore.
- 180 Thy body is my body's counterpart
 Whose every limb my answering limb desires,
 Whose heart is key to all my heart-beats,—this
 I am and thou to me, O Satyavan.
 Our wedded walk through life begins anew,
- 185 No gladness lost, no depth of mortal joy.
 Let us go through this new world that is the same,
 For it is given back, but it is known,
 A playing-ground and dwelling-house of God
 Who hides himself in bird and beast and man
- 190 Sweetly to find himself again by love,
 By oneness. His presence leads the rhythms of life
 That seek for mutual joy in spite of pain.
 We have each other found, O Satyavan,
 In the great light of the discovered soul.
- 195 Let us go back, for eve is in the skies.
 Now grief is dead and serene bliss remains

И прежний зов влечет тела друг к другу.
И я все та же, что пришла к тебе
Под шепот крон на солнечной опушке, —
Мадранская царица, Савитри.
Я все, чем для тебя была и прежде,
Наперсница всех дум твоих и дел,
Я для тебя вмещу в едином счастье
Всех противоположностей восторг.
Ведь в нашей жизни — всех любовью сладость.
Я царствие твое, как ты мое,
Царица и раба твоих желаний,
Владычица покорная твоя,
Сестра твоей души, мечтаний мать;
Ведь ты мой мир, вселенная моя,
Земля, что мне нужна, и небо грез,
Прибежище мое, мой храм, мой бог.
И плоть твоя с моей нерасторжима,
Всем телом ты в моем находишь отклик,
В чьем сердце — ключ к моим сердцебиеньям, —
О Сатьяван, вот что мы друг для друга.
Наш путь совместный в жизни начат снова,
Не потеряв глубин восторгов смертных.
Вперед же, в новый мир, мир все же прежний;
Он возвращен нам, но теперь постигнут —
Пространство игр и пребывания Бога,
Что скрылся в птице, в звере, в человеке,
Чтоб сладко вновь постичь себя в любви,
В единстве. Он лишь движет ритмы жизни
В восторг единый вопреки страданью.
О Сатьяван, мы обрели друг друга
В великом свете познанной души.
Пойдем домой, ведь вечереет небо.
Боль умерла и полнить лишь блаженству

The heart of all our days for evermore.
 Lo, all these beings in this wonderful world!
 Let us give joy to all, for joy is ours.
 200 For not for ourselves alone our spirits came
 Out of the veil of the Unmanifest,
 Out of the deep immense Unknowable
 Upon the ignorant breast of dubious earth,
 Into the ways of labouring, seeking men,
 205 Two fires that burn towards that parent Sun,
 Two rays that travel to the original Light.
 To lead man's soul towards truth and God we are born,
 To draw the chequered scheme of mortal life
 Into some semblance of the Immortal's plan,
 210 To shape it closer to an image of God,
 A little nearer to the Idea divine.”
 [721] She closed her arms about his breast and head
 As if to keep him on her bosom worn
 For ever through the journeying of the years.
 215 So for a while they stood entwined, their kiss
 And passion-tranced embrace a meeting-point
 In their commingling spirits one for ever,
 Two-souled, two-bodied for the joys of Time.
 Then hand in hand they left that solemn place
 220 Full now of mute unusual memories,
 To the green distance of their sylvan home
 Returning slowly through the forest's heart.
 Round them the afternoon to evening changed;
 Light slipped down to the brightly sleeping verge,
 225 And the birds came back winging to their nests,
 And day and night leaned to each other's arms...

Отныне вечно сердце наших дней.
О чудный мир и все, кто в нем живет!
Давай подарим нашу радость всем.
Не для себя одних явились наши души
Из-за Неявленного покрывала,
Из глубины Непостижимого
На лоно темной страждущей земли
В пути трудов, исканий человека,
Два пламени, что вновь восходят к Солнцу,
Два лучика, что мчат к истоку Света.
Направить души смертных к истине и Богу
Мы родились, и начертать поновой
Изменчивую схему смертной жизни,
Ее преображая в план Бессмертного,
И, созидавая в смертном образ Бога,
Его поднять к божественной Идее».
Она его в объятия заключила,
Словно желая на груди своей
Его хранить вовек сквозь поступь лет.
Так замерли они, их поцелуй
И страсти транс в объятиях неразрывных
Объединили души их навек,
Единые в двух духах, двух телах,
Чтоб испытать все радости Времен.
Затем рука в руке они пошли,
Оставив то торжественное место,
Теперь воспоминаний чудных полно,
К зеленой дали их лесного крова,
Бредя неспешно через сердце чащи.
Вокруг сиянье дня менялось в вечер,
Клонясь за ярко спящий горизонт,
И птицы снова возвращались в гнезда,
И день и ночь вновь обнялись друг с другом...

[724] 325 From the entangling verges freed they came
 Into a dimness of the sleeping earth
 And travelled through her faint and slumbering plains.
 Murmur and movement and the tread of men
 Broke the night's solitude; the neigh of steeds
330 Rose from that indistinct and voiceful sea
 Of life and all along its marchings swelled
 The rhyme of hooves, the chariot's homeward voice.
 Drawn by white manes upon a high-roofed car
 In flare of the unsteady torches went
335 With linked hands Satyavan and Savitri,
 Hearing a marriage march and nuptial hymn,
 Where waited them the many-voiced human world.
 Numberless the stars swam on their shadowy field
 Describing in the gloom the ways of light.
340 Then while they skirted yet the southward verge,
 Lost in the halo of her musing brows
 Night, splendid with the moon dreaming in heaven
 In silver peace, possessed her luminous reign.
 She brooded through her stillness on a thought
345 Deep-guarded by her mystic folds of light,
 And in her bosom nursed a greater dawn.

THE END

Из чащ дремучих выбравшись на волю,
Во мгле земли уснувшей шли они
По дремлющим равнинам безмятежным.
Движенье, ропот, гул людских шагов,
Ночное одиночество тревожа,
Разлились смутным многозвучным морем
Бессонной жизни; ржание коней
Неслось над ним, и ритм копыт певучий,
И колесницы глас, летящий к дому.
На царственной упряжке белоконной
В неровном свете факелов стремились,
Обнявшись, Сатьяван и Савитри
Под свадебную песнь, под гимн венчальный
Туда, где ждал их многогласый мир.
Несметные по небу плыли звезды,
Чертя в раздольях тьмы дороги света.
И вот, пока на южном небосклоне
Они влеклись, в сиянье среброликком
Ночь, грезящей луной украсив небо,
Взошла на трон в своем лучистом царстве.
Озарена мечтою сокровенной,
Она под чудо-пеленами света
В своем глубинном лоне, дивным плодом,
Таила величайшую зарю.

КОНЕЦ

САВИТРИ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ. КНИГА НАЧАЛ

Песнь первая. Символическая Заря

Песнь вторая. Миссия

Песнь третья. Йога царя: Йога освобождения души

Песнь четвертая. Тайное Знание

Песнь пятая. Йога царя: Йога свободы и величия духа

КНИГА ВТОРАЯ. КНИГА СТРАННИКА МИРОВ

Песнь первая. Лестница миров

Песнь вторая. Царство тонкой Материи

Песнь третья. Блеск и падение Жизни

Песнь четвертая. Царства низшей Жизни

Песнь пятая. Божества низшей Жизни

Песнь шестая. Царства и божества высшей Жизни

Песнь седьмая. Нисхождение в Ночь

Песнь восьмая. Мир Ажи, Мать Зла и Сыны Мрака

Песнь девятая. Рай богов Жизни

Песнь десятая. Царства и божества низшего Разума

Песнь одиннадцатая. Царства и божества высшего Разума

Песнь двенадцатая. Небеса Идеала

Песнь тринадцатая. В Самости Разума

Песнь четырнадцатая. Мировая Душа

Песнь пятнадцатая. Царства высшего Знания

КНИГА ТРЕТЬЯ. КНИГА БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

Песнь первая. Погоня за Непостижимым

Песнь вторая. Поклонение Божественной Матери

Песнь третья. Обитель Духа и Новое Творение

Песнь четвертая. Видение и Дар

Краткое содержание Части первой

Во всеоружии Духа Савитри встречает рассвет рокового дня, когда ее мужу Сатьявану суждено умереть. Перед ней предстает вся невозможная грандиозность ее задачи: силой своей божественной Любви победить Смерть. Сатьяван символизирует душу человечества, и его смерть означает гибель мира. Савитри, воплощенной божественной Истине, пришедшей спасти мир, предстоит остановить вращение вселенского кармического колеса и избавить душу человечества от засилья вековой Тьмы. В ней проявляется ее истинная Суть — Мать мироздания, которая своей всемогущей Силой отменяет Рок и побеждает Смерть.

Далее разворачивается обширное повествование о том, что заставило Савитри родиться на земле, о ее рождении и взрослении, о встрече с возлюбленным, о роковом предначертании, согласно которому через год ему суждено умереть, о жизни с ним в лесной обители, о ее могучей Йоге, позволяющей ей обрести силу Духа, способную победить Рок, — вся предыстория этого рокового дня.

Савитри рождается на земле в ответ на мольбу всего мира. Выразителем этой мольбы становится царь Ашвапати — могучий дух, воплощенный в человеке, вождь мировых духовных исканий, символизирующий духовное устремление всего человечества. Он совершает великую Йогу во имя освобождения людского рода, благодаря которой раскрывает собственную душу, истинное «я», одухотворяет свое существо и постигает великие тайны мироздания. Достигнув индивидуальной полноты, он проникает в иные сферы бытия и странствует по лестнице проявленных миров, чтобы покорить все ее ступени и открыть человечеству путь к вершинам Духа. Он движется через миры тонкой Материи, низшей и высшей Жизни, низшего и высшего Разума; он восходит в великие светоносные царства и спускается в бездны миров Мрака и Ажи, принося в них высший Свет, чтобы в итоге подняться к мирам высочайшего Знания. Наконец, остановившись на последней границе проявленных миров, перед непостижимой Вечностью, он удостоивается Откровения божественной Матери мироздания и молит Ее как вестник всего человеческого рода низойти на землю и даровать падшему роду освобождение от Тьмы и Смерти. Мать Мира внимает его молитве и прорекает свое нисхождение и освобождение человечества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. КНИГА РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

Песнь первая. Рождение и детство Пламени

Песнь вторая. Рост Пламени

Песнь третья. Призыв к Поиску

Песнь четвертая. Поиск

КНИГА ПЯТАЯ. КНИГА ЛЮБВИ

Песнь первая. Предуготованное место встречи

Песнь вторая. Сатъяван

Песнь третья. Сатъяван и Савитри

КНИГА ШЕСТАЯ. КНИГА СУДЬБЫ

Песнь первая. Слово судьбы

Песнь вторая. Путь судьбы и проблема боли

КНИГА СЕДЬМАЯ. КНИГА ЙОГИ

*Песнь первая. Радость единства; муки предвидения смерти
и сердечная боль и печаль*

Песнь вторая. Притча о поиске души

Песнь третья. Вхождение во внутренние страны

Песнь четвертая. Тройственные Силы Души

Песнь пятая. Обретение Души

Песнь шестая. Нирвана и открытие Всеотрицающего Абсолюта

*Песнь седьмая. Открытие Космического Духа и Космического
Сознания*

КНИГА ВОСЬМАЯ. КНИГА СМЕРТИ

«Песнь третья». Смерть в лесу

Краткое содержание Части второй

И вот у Ашвапати рождается дочь, царевна Савитри, спасительница мира, воплощение божественной Матери. Она растет, достигает совершеннолетия и по воле своего отца отправляется на поиски суженого, в единстве с которым ей предстоит исполнить свою миссию. На краю глухих лесов она встречает Сатьявана, сына ослепшего и изгнанного с престола царя Дьюматсены (символизирующего божественный Разум, падший во Мрак и утративший свое Могущество), — царевича, который вырос в лесной обители среди отшельников и мудрецов. В нем она узнает своего суженого и решает связать с ним жизнь. Однако от провидца Нарады она и ее родители узнают, что Сатьяван обречен и ровно через год ему суждено умереть. Родители убеждают Савитри выбрать себе другого спутника, но она решает оставаться верной своему возлюбленному до конца, какая бы участь его ни ждала. Нарад призывает их предоставить Савитри ее могучей судьбе и миссии, ибо только она может совладать с вселенским Роком и спасти себя и мир.

Савитри живет с Сатьяваном, ничего не подозревающим о нависшем над ним роке, в лесной обители как простая отшельница; внешне ее жизнь полна радости и любви, но внутри ее все сильнее гнетет ожидание надвигающегося конца. И она начинает искать в себе силу, которая позволила бы ей противостоять року и изменить предназначение Судьбы. Следуя голосу своего высшего «Я», она совершает могучую Йогу: раскрывает свою истинную душу, обретая в ней источник великого Знания и Силы, и постигает истинную Реальность бытия в единстве ее статического (Нирвана) и динамического (Космическое Сознание) аспектов.

И вот настает роковой день. Сатьяван в сопровождении Савитри отправляется за дровами для жертвенного костра и внезапно теряет сознание и умирает на коленях у Савитри. Появляется исполинский ужасающий Бог Смерти и забирает душу Сатьявана.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КНИГА ДЕВЯТАЯ. КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Песнь первая. К черной Пустоте

Песнь вторая. Странствие в вечной Ночи и глас Мрака

КНИГА ДЕСЯТАЯ. КНИГА ДВОЙНЫХ СУМЕРЕК

Песнь первая. Сумеречный фантом Идеала

Песнь вторая. Евангелие Смерти и тщета Идеала

Песнь третья. Спор Любви и Смерти

Песнь четвертая. Сумеречный фантом земной реальности

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. КНИГА НЕМЕРКНУЩЕГО ДНЯ

Песнь первая. Вечный День: выбор Души и высшее Осуществление

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЭПИЛОГ

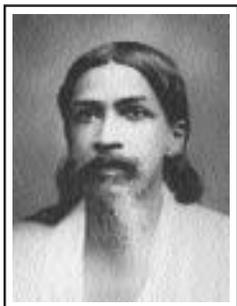
Возвращение на Землю

Краткое содержание Части третьей

Савитри, осененная силой открывшихся ей духовных истин, бесстрашно следует за Богом Смерти в его царство Мрака и вступает с ним в противоборство. Бог Смерти пытается всеми возможными способами — угрозами, угрозами, доводами, посулами — заставить Савитри отказаться от своей миссии; устрешенный ее светом и стойкостью, он наделяет ее великими дарами в земной жизни (в том числе дарует зрение и возвращает царство отцу Сатьявана), надеясь таким образом «откупиться» от нее; он доказывает ей несостоятельность ее усилий по возвращению Сатьявана с самых разных точек зрения — с позиций здравого смысла и обыденного взгляда на вещи, с позиций материализма и нигилизма, с позиций агностицизма и иллюзионизма, — всеми способами пытаясь подчинить ее истине и логике Смерти, по правилам которой мы живем ныне. Но на все его смертоносные доводы Савитри отвечает более высокой Истиной — Истиной Духа, Истиной Бога, Истиной бессмертной и всемогущей божественной Любви, которая пылает в ее сердце. В итоге в ней проявляется ее подлинная Суть — сама Божественная Мать — и Она растворяет Бога Смерти и мрак его царства в океане своего Света и Истины.

Теперь Савитри и Сатьяван оказываются в высочайших запредельных мирах Света и Блаженства и предстают пред ликом Всевышнего, сбросившего маску Мрака и Смерти. Савитри ждет новый выбор. Всевышний предлагает ей не возвращаться в исполненный мук и борений подзвездный мир, а остаться вместе со своим возлюбленным в высочайших беспечальных мирах, раствориться в своем беспредельном Источнике, пребыть в вечном Блаженстве. Но Савитри вновь делает выбор во имя человечества: она просит у Всевышнего даровать страждущему роду освобождение от Тьмы, Страдания и Смерти, ниспослать людям Его божественный Мир и Покой, Его могущество, Единство счастливых душ в объятиях Его радости и любви. Наконец, Всевышний откликается на мольбу Савитри и прорекает человечеству освобождение и осуществление всего, о чем просит Савитри. Он посылает ее и Сатьявана в земной мир как своих вестников, свою Силу и Дух, дабы они преобразили жизнь на земле в Жизнь Божественную.

Влюбленные под ликование всех миров возвращаются на землю, неся ей победный Свет, Истину и Любовь. Они вновь оказываются на лесной поляне, где развернулись роковые события. Сатьяван пробуждается на коленях у склонившейся над ним Савитри. Новый мир и новая жизнь раскрываются перед ними. Их встречает прозревший отец Сатьявана, вновь призванный на царство своим народом — так божественный Разум, которого символизирует Дьюматсена, в результате победы Савитри вновь обретает свое божественное Видение, а значит, и свое светоносное Владычество. На царственной белоконной упряжке в сопровождении великой процессии Савитри и Сатьяван движутся навстречу радостно ожидающему их спасенному миру.

ШРИ АУРОБИНДО

биографическая справка

Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош) — выдающийся политический и общественный деятель Индии, великий духовный первопроходец, мыслитель, поэт-провидец — родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье врача. С семилетнего возраста обучался в Англии; окончил Королевский колледж в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. В возрасте 21 года возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет занимает различные посты в администрации г. Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. В эти же годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии и становится одним из лидеров национально-освободительного движения. Одновременно он погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии. В 1904 г. он решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме с обвинением, грозившим ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден. Во время заключения он получил интенсивный духовный опыт — внутренние переживания и откровения, изменившие дальнейший ход его судьбы.

В 1910 г., повинаясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичерри, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжать интенсивную практику йоги. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле жизни божественной. Достижению этой цели он посвятил оставшиеся сорок лет жизни.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

МАТЬ

биографическая справка

МАТЬ (Мирра Альфасса) — чрезвычайно глубокая и многосторонне одаренная личность, художник, литератор, педагог, талантливый организатор, духовный первопроходец и водитель, словно проводит мост между глобальным видением и учением Шри Ауробиндо и повседневной жизнью. Она родилась в Париже 21 февраля 1878 г. Ее отец был банкиром, выходцем из Турции, а мать принадлежала к египетской королевской семье. Начальное образование Мирра получила дома, а затем в Школе изящных искусств в Париже; она прекрасно рисовала, играла на фортепиано и делала успехи на литературном поприще.

Уже в детстве Мирра получила ряд духовных опытов, которые, как она позднее говорила, заставили ее «осознать возможность единения человека с Всевышним и всесторонней реализации Его в жизни божественной».

В 1906—1907 г. Мирра предприняла две длительные поездки в Алжир, где изучала оккультизм. Постепенно вокруг нее сформировалась группа духовных искателей. В 1914 г. Мирра отправляется в Индию, где в Пондичерри встречает Шри Ауробиндо, узнав в нем того, кто многие годы на тонком плане направлял ее внутреннее развитие. Она пробыла рядом с ним около года и затем вернулась в Париж. Проведя несколько лет в Японии, в 1920 г. она приехала в Пондичерри насовсем.

Постепенно вокруг Шри Ауробиндо и Мирры собралась небольшая группа учеников, ставшая в 1926 г. Ашрамом Шри Ауробиндо. Сам Шри Ауробиндо и вслед за ним ученики называли Мирру «Матерью», признавая в ней воплощение принципа божественного материнства, и она стала настоящей духовной Матерью для искателей, устремившихся со всех концов мира в Пондичерри. Почти полвека, вплоть до своего физического ухода 17 ноября 1973 г., Мать руководила Ашрамом и за это время он вырос в огромную общину, насчитывающую около 2000 членов. В 1951 г. Мать создала школу, которая затем превратилась в Международный образовательный центр. В 1968 г. она основала Ауровиль, международный город, расположенный недалеко от Пондичерри и насчитывающий сегодня около 1800 жителей — представителей всех народов земли, стремящихся воплотить мечту Шри Ауробиндо о едином человечестве.

После ухода Шри Ауробиндо Мать продолжила его Супраментальную Йогу. Ей удалось освоить, воплотить и описать неизвестные человечеству высочайшие уровни сознания. Ее литературное наследие насчитывает более 30 томов.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
Предисловие к изданию	12
Символизм «Савитри»	47
Книга I. КНИГА НАЧАЛ	
Песнь первая. Символическая Заря	51
Книга II. КНИГА СМЕРТИ	
Песнь первая. Смерть в лесу	79
Книга III. КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ	
Песнь первая. К черной Пустоте	97
Песнь вторая. Странствие в вечной Ночи и глас Мрака ...	125
Книга IV. КНИГА ДВОЙНЫХ СУМЕРЕК	
Песнь первая. Сумеречный фантом Идеала	163
Песнь вторая. Евангелие Смерти и тщета Идеала	183
Песнь третья. Спор Любви и Смерти	217
Песнь четвертая. Сумеречный фантом земной реальности	263
Книга V. ЭПИЛОГ	
Возвращение на Землю	333
Краткое содержание «Савитри»	358
Шри Ауробиндо и Мать: биографическая справка	364

*Любви златым крылам достанет силы
Парить в твоей бездонной пустоте,
Ее очам — пронзить твой мрак, звездами,
Ее стопам — пройти твой страшный мир:
Любовь не меркнет и во мраке смерти,
Любовь идет без страха в злейший ад,
В пучинах труд вершит, ликует в высях;
Она преобразит твой мир, о Смерть.*

Шри Ауробиндо. Савитри

